

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Алебастрова А. А.** Идея «Другого» в рискогенном обществе 3
Бережной С. Б. Три системы буддийской онтологии 7
Гаджиев Р. С. К типологической классификации основных этнических общностей 11
Гордеев П. А. Необычные состояния сознания как проблема философии 15
Катер Р. Соотношение тела и духа – ключ к определению человеческой идентичности 21
Краснов А. С. Диада «идентичность–отчуждение» в синтагме К. Маркса: история и современность 26
Ломако О. М. Философия Отто Фридриха Больнова: социальное, этическое, экзистенциальное 30
Рожков В. П. Динамика философского сознания России и Китая: проблема алгоритмов 34
Фриауф В. А. Имя и число в русской и китайской мыслительных традициях 39
Фролова С. М. Мода и язык как институциональные составляющие повседневности 44

Психология

- Киселёв К. А.** Объяснение причин криминального поведения: эволюционный подход 50
Мальшев И. В. Взаимосвязь творческого потенциала и копинг-стрессовых стратегий личности у студентов вуза 56
Молчанова Л. Н. Закономерности трансформации состояния психического выгорания у педагогических работников в аспекте внутрипрофессиональной дифференциации 61
Никитенко П. Д. Социальные представления молодежи о мире в различных условиях социализации 67
Николаева Л. А. Детско-родительские отношения и будущее родительство детей 72
Райкова-Мерц Е. В. Организационная культура театра как предмет социально-психологического исследования 76
Романова Н. М. Вовлечение личности в криминальную деятельность: к постановке проблемы 80
Тарасова Л. Е. Самоотношение как детерминанта субъективного благополучия личности 86
Черняева Т. И. Ландшафты счастья: эмоциональные основания современного потребления 90

Педагогика

- Бондаренко М. А.** Кадетские и юнкерские журналы начала XX века: педагогическая составляющая 96
Варламов Д. И. Музыкальное образование в контексте метаморфоз парадигмы исполнительского искусства 101
Мухина И. Г. Становление национального культурно-образовательного пространства: проблема наследования советского ценностного опыта 105
Родькина Е. В. Исторический аспект изучения инновационной педагогической деятельности 109
Смирнова В. М. Модель формирования аутопсихологической компетентности студентов вуза как фактор повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов 114
Тельтевская Н. В. Оптимизация самостоятельной работы студентов с позиций компетентностного подхода 118

Приложения

Хроника научной жизни

- Международный научный форум «Власть в обществе риска: нормы, ценности, институты» (3 апреля 2013 г.) 123

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора
Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Захаров Андрей Михайлович
Ивченков Сергей Григорьевич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ**

Главный редактор
Устьянцев Владимир Борисович

Заместитель главного редактора
Белов Владимир Николаевич

Ответственный секретарь
Богатырёва Елена Николаевна

Члены редакционного совета
Гобозов Иван Аршакович

Железковская Галина Ивановна
Мартынович Сергей Федорович
Орлов Михаил Олегович
Шамянов Раиль Мунирович

Члены редакционной коллегии
Аксеновская Людмила Николаевна

Афанасьева Вера Владимировна
Беляев Евгений Иванович

Богатырева Елена Николаевна
Капичникова Ольга Борисовна

Листвина Евгения Викторовна
Мокин Борис Иванович

Позднева Светлана Павловна
Рожков Владимир Петрович

Рягузова Елена Владимировна
Турчин Геннадий Демьянович

Фриауф Василий Александрович
Фролова Светлана Владимировна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторе: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате TIFF, EPS или JPEG.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылки на них в тексте.

Зав. редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Гаврина Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Ковалёва Наталья Владимировна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: arofia@inbox.ru

Подписано в печать 20.09.2013.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41(15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 48.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2013

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

Aleastrova A. A. Idea of «The Other» in riskogenic society	3
Berezhnoy S. B. The Three Systems of the Buddhist Ontology	7
Hajiyev R. S. On Typological Classification of the Main Ethnic Communities	11
Gordeyev P. A. Nonordinary States of Consciousness as a Problem of Philosophy	15
Kather R. The Relation of Body and Mind – a Fundamental Issue concerning Human Identity	21
Krasnov A. S. Dyad «Identity-alienation» in Marx syntagm: Past and Present	26
Lomako O. M. Philosophy of O. F. Bollnow: it's Social, Ethic and Existential Aspects	30
Rozhkov V. P. Dynamics of Philosophical Consciousness of Russia and China: Problem of Algorithms	34
Friauf V. A. Name and Number in the Russian and Chinese Thought Traditions	39
Frolova S. M. Fashion and Language as Institutional Components of Daily Life	44

Psychology

Kiselev K. A. Explanation of the Cause of Criminal Behaviour: Evolutionary Approach	50
Malyshev I. V. Correlation Between Creative Potential and Coping-Strategies of Personality of Higher School Students	56
Molchanova L. N. Laws of Transformation of the Mental Burning Out Condition at Pedagogical Workers in Aspect of Intraprofessional Differentiation	61
Nikitenko P. D. Social Representations of Young People about the World in Various Conditions of Socialization	67
Nikolaeva L. A. Parent-Child Relations and Development of a Child as a Future Adult Family Member	72
Raykova-Mertz E. V. The Organizational Culture of a Theater as a Subject of a Social-Psychological Research	76
Romanova N. M. Involvement of the Personality in Criminal Activity: to the Problem Statement	80
Tarasova L. E. The Self-Relation as the Determinant of Personal's Subjective Well-Being	86
Chernyaeva T. I. Landscapes of Happiness: the Emotional Foundations of Modern Consumption	90

Pedagogics

Bondarenko M. A. Cadet Magazines of the Beginning of the XX Century: Pedagogical Component	96
Varlamov D. I. Musical Education in Connection with Changes of Performing Arts Paradigm	101
Mukhina I. G. Formation of the National Culture-Educational Space: the Problem of the Inheritance of the Soviet Experience	105
Rodkina Ye. V. The Historical Aspect of Studying Innovative Pedagogical Activity	109
Smirnova V. M. Model of Competence Autopsychological University Student as a Factor of the Quality of Professional Training of Future Teachers	114
Teltevskaya N. V. Optimization of Students' Independent Work from the Pozition of Competence – Based Approach	118

Appendices

Chronicle of Scientific Life

The International Scientific Forum «Power in the Society of Risk: Norms, Values, Institutes» (on April 3, 2013)	123
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

ИДЕЯ «ДРУГОГО» В РИСКОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Алебастрова

Алебастрова Алла Анатольевна – соискатель,
Саратовский государственный университет
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

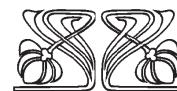
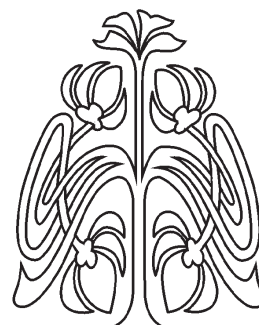
Статья посвящена рассмотрению проблемы «Другого» в преломлении социально-философского взгляда на место и роль человека в условиях развития техногенной цивилизации, создающей условия превращения человеческого общества в «общество рисков». Автор, отмечая важность рассмотрения роли «Другого» в «обществе рисков», обращается к анализу современных философских концепций. Раскрывая проблему сохранения человеческой идентичности в условиях нарастания агрессивной экспансии техники, автор приходит к выводу, что лишь построение модели «Другого», позволяющей взглянуть на себя глазами «Другого», является для человечества единственной возможностью сохранить в себе человека в условиях формирующегося рискогенного общества времени постмодерна.

Ключевые слова: «Другой», «техногенная цивилизация», «общество рисков», идентичность, постмодерн, «смысл жизни», «бунтующий человек», рискогенное общество.

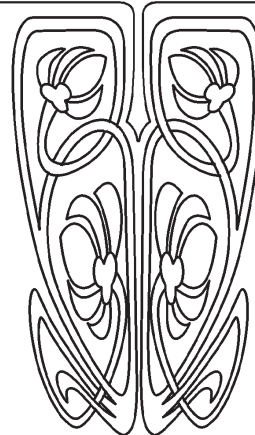
Признавая интенсивность темпов роста материального благополучия в конце XX – начале XXI в., общество непросто долго, с нескрываемым чувством снисходительной иронии воспринимало важность познания человека себя как субъекта, вступающего в «техногенную стадию эволюции социума», или «техногенную цивилизацию» [1]. Современная философия наделяет человека свойствами сверхсложной формы бытия в силу его предметной парадоксальности, позволяющей рассматривать его как объект и как субъект, детерминирующий свое существование. В предельном выражении эта мысль присутствует в работах М. М. Бахтина, утверждавшего, что субъект не может восприниматься, изучаться и познаваться как вещь, поскольку, оставаясь субъектом, познание его может быть лишь диалогическим [2].

В трагическом сценарии, пророчащем гибель человечества, человек продолжает оставаться тайной. Феномен человека заключается и в амбивалентном состоянии – откровение для одного уровня бытия становится сокровенным таинством для другого. Признавая двойственность любого феномена, существующего в мире, мы получаем возможность представлять его как конкретное существо – как вещь или тело, как движение тела и как некий смысл, как представление иной вещи, иных тел или как систему действий человека [3].

Так что же сегодня заставляет нас обратиться к проблеме «Другого» – в эру признания массового порождения технического, когда человек становится неотъемлемым элементом им же самим созданной техногенной среды, в которой технические средства пронизывают всю человеческую жизнедеятельность: от производственных процессов до межличностного общения? Почему именно диалогичность, отражающая интернированную

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

форму общения «Я» с «Другим» раскрывается наиболее остро в новом столетии?

Целостность технической деятельности общества, реализуемая в искусственно созданном мире, воспринимаемом как единственно допустимая среда существования человечества техногенной эры, постепенно выходит из-под контроля своего творца, демонстрируя недостаточную степень управляемости. За последние десятилетия человечество воочию столкнулось с незапланированными и нежеланными изменениями, носящими техногенный и социальный характер. Однако ощущение контроля над протекающими процессами всего лишь иллюзия. Постнеклассические философские концепции весьма успешно развенчивают эту иллюзию «ручного управления обществом», демонстрируя отсутствие какого-либо контроля со стороны человека за процессами, происходящими в нем, современное общество, напротив, в большей степени показывает усиление зависимости человека от множества факторов, возникающих в обществе вне его воли и сознания.

Возможный сценарий гибели человечества под воздействием техногенной катастрофы, учитывая современный уровень развития техники и технологий, выглядит вполне реалистично. Признавая зависимость человека от техногенных факторов, невозможность от них освободиться в обществе, вне философского осмысления сегодня оказывается проблема детерминации человека в условиях непрерывно изменяющейся среды. В этом смысле мировой экономической кризис выступает универсальным общественным индикатором, проявляющим реальные параметры развития, демонстрируя преждевременность декларирования факта наступления «техногенной цивилизации», или «общества техногенного типа».

Трагичность современного мирового экономического кризиса может быть раскрыта посредством метафоры «цивилизационный маятник». Используя греческую интерпретацию данного термина (поворотная точка, исход), можно утверждать, что кризис есть лишь фиксированная точка максимального движения мирового маятника. Достигнув этой точки, или кризисной амплитуды, маятник изменяет вектор движения на противоположный. Единственным механизмом, обеспечивающим мировое равновесие в ситуации кризиса, выступают традиции, которые подобно иммунной системе предупреждают или смягчают возникающие катастрофы.

Неуловимость и дискретность будущего человечества допускают ситуацию появления еще не известных ему антагонистических противоречий, требующих сохранения «классических пережитков», к числу которых следует отнести необходимость формулирования нового взгляда

на научные концепты прошлых столетий, раскрывающие сущность человека и мира, в котором он существует. Объединив Старый Свет, глобализация унифицировала и упростила доступность пространства – территориального, информационного, культурного. С одной стороны, выступая как результат экспансии техногенной цивилизации, внедряющейся в различные регионы мира, процесс глобализации, воздействуя на общество, изменяет его. Одновременно глобальный мир рассматривается как живая противоречивая система, в которой сосуществуют позитивные моменты, вписывающиеся в мозаику научного прогресса, и неожиданные вызовы-риски, приводящие к системным геополитическим конфликтам, порождающим новую серию проблем, проявляющихся в международном праве, экономике, политике, культуре.

Для понимания истинного смысла процессов, протекающих в мире в условиях глобализации, сегодня нередко используется термин «глокализация», обозначающий процесс объединения глобального и локального. Динамика развития глобализации и угроза возникновения геополитических рисков, грозящих гибелью всему человечеству, формирует необходимость обращения к «Другому», многослойность понимания которого позволяет рассматривать его как жизненно важную составляющую современного «техногенного общества», или «общества риска».

Значительный вклад в поиске выхода из сложившейся ситуации принадлежит В. Б. Устьянцеву, который сформулировал собственный взгляд на особенности системных рисков общества и их влияние на жизненный мир человека [4]. Намечившаяся философская концептуализация рисков, по мнению В. Б. Устьянцева, позволяет выводить их из конкретных практик, превращая в самостоятельный объект философского анализа. Данная позиция приводит к раскрытию возможностей применения феноменологического, ценностного, институционального подходов для осмысления сущности основания рисков, трансформирующих их в «общество рисков» как особую организацию общественной жизни.

Вышесказанное дает основание зафиксировать различия в появлении и существовании системных рисков, рассматриваемых как феномены системного мира, они создают условия для возможности превращения рисков в особый тип общества – концепт-метафору «общество риска». В ситуации, когда в обществе нарастает высокий уровень сложностей, наблюдаются изменения институциональных отношений, деформируются поведенческие стандарты, концепт-метафора «общество риска» уступает место концепту «рискогенное общество», позволяющему наиболее точно выразить социальную реальность.

Концепт «рискогенное общество» отражает природу рисков как состояние конкретных обществ, не претендуя при этом на конструирование и проектирование автономного «общества риска». Формируясь в ценностном сознании, исходные методологические установки концепта «рискогенное общество» предполагают постижение смысла и структуры процессов, протекающих в обществе в их связи с человеком и его деятельностью.

В противоположность «рискогенному обществу» «техногенное общество», или «техногенная цивилизация» лишь фиксирует сумму используемых технологий, перерастающих в техносферу, или суперсистему, оказывающую влияние на формирование как человеческого общества, так и других технических систем. Технический, или искусственный мир, создаваемый человеком, начинает выстраивать новую жизненную парадигму, которую человек не в состоянии контролировать, и она развивается независимо от воли и сознания своего творца.

Человек подобно гомеровскому Одиссею оказывается между современным системным контролем и животным страхом, между техническим сомообожествлением и системными самоограничениями, между техническим могуществом и бессмысленностью бытия [5]. В любом случае сегодня ни у кого не вызывает неприятия утверждение, согласно которому становление технологических систем на рубеже XX–XXI столетий наиболее остро проявляется в появлении принципиально новых типов процессов и объектов, представляющих сложную саморазвивающуюся макросистему, в которой одним из главных компонентов становится «человекоразмерная система», где определяющую роль играет человек.

К числу универсальных для понимания процессов, протекающих в современном мире, концептов следует отнести модель «Другого», за которой скрывается плюрализм культур и единство человеческого мира. В XXI в. человек утрачивает античное понимание себя как меры всех вещей: для реальных – их реальности, для нереальных – их нереальности. Становясь «мерой всех рисков», человек сам выступает источником риска, оказываясь не в состоянии контролировать все происходящее вокруг себя, используя лишь только Разум. Тем самым он попадает в ситуацию вынужденного ограничения способности осознавать свой жизненный опыт, лишаясь необходимого языка понимания себя самого.

Данное предположение подтверждается настойчивым поиском человечеством механизма самоидентификации посредством установления в межличностных отношениях идентичности с

«Другим». Однако ирония постмодерна предполагает сохранение и удержание идентичности только в превращениях, метаморфозах индивидуального «Я». В противном случае велика вероятность наступления «давления идентичности всеобщего», или принуждения идентичного к согласию, согласованию. Трагичность этого разлома ощущается наиболее остро в эпоху постмодерна.

Современная западная цивилизация, обнаруживая проявление идентичности, раскрывающейся через развитие индивидов и раскрытие ими своей самости, даже признавая дифференцирование человеческой самости, не вносит облегчения в общение между людьми. Причина дифференцирования самости в большей степени объясняется усиливающимися процессами разделения труда и социальной стратификацией, чем внутренней динамикой развития искренности и душевности индивидов. Непредсказуемость и неопределенность окружающего человека внешнего мира, отягощенные перманентным состоянием рисков, внутренних сомнений, страхом неизвестности, толкают его в ситуацию, где он оказывается единственным в своем роде, где традиционные образцы действий и поведения больше не используются в разрешении ситуаций, порождая новые действия, разрушающие традиционные представления.

Человек эпохи постмодерна обнаруживает в ней не только лозунг П. Фейерабенда «Всё допустимо!» с его раскрепощающим потенциалом методологического анархизма, но и вечные неразрешимые вопросы, обращенные к пониманию смысла жизни. Раскрываясь через значение «чего-либо для меня», «смысл» как философское понятие в XXI в. выступает обозначением чувства ценности для «Я», осознаваемого в диалоге с «Другим». Появившись в Новое время в значении «способность понимать жизнь», или получение «прока от жизни», «смысл жизни» уже тогда стал теоретически осмысляться.

Уникальность построения «диалога с Другим» в условиях техногенной среды, где все аспекты человеческой жизни оказываются во власти техники, раскрывает возможность увидеть себя «глазами Другого», позволяя оценивать и видоизменять свой собственный опыт. В этой связи размышления М. М. Бахтина о диалогизме близки современному пониманию идеи «Другого» в человеческом обществе, развивающемся в условиях техногенной цивилизации. Зафиксировав позицию М. М. Бахтина, легко сделать шаг к обоснованию значения и функции «Другого», руководствуясь словами философа, утверждавшего, что отражение всех своих поступков человек напряженно подстерегает, ловит в сознании «Другого» [2].

Господство техники, постепенно вытесняющей живое, естественное, неизбежно распространяется и на души людей. Личность, еще недавно тесно связанная с природой, оказывавшей на нее нравственное, эстетическое, психологическое воздействия, создававшей с обществом материально-энергетический обмен, оказывается под влиянием техносферы. Трагичность этого процесса проявляется в подавлении и модифицировании личности, добровольно уступающей современным технологиям право определять новые контуры развития материальной и духовной жизни. В этом «отступлении» скрывается опасность утраты равновесия социокультурной системы, масштабные последствия которой труднопредсказуемы. Модель «Другого», возникающая в постмодернистском мире, на острие проблемы сохранения идентичности в условиях нарастания агрессивной экспансии техники, открывает возможность человеку взглянуть на себя глазами «Другого», сохраняя в себе человека. Вглядываясь в свой внутренний мир глазами «Другого», мы возвращаемся в себя самих.

В стремлении человека к «Другому», обретающего в этом движении самого себя вопреки условиям внешней среды, нам видится попытка преодоления абсурдности современного

мира, задыхающегося под тяжестью экспансии технической рациональности. Моделируя «Другого», человек находит в себе силы на бунт в безотчетном стремлении сохранить свое собственное «Я» в неудержимо изменяющемся мире [6]. Современный человек стремится не только к сохранению себя как личности, заставляя уважать в себе самого себя, он стремится сохранить себя таким, каков он есть, выбирая путь «Другого» – «бунтующего человека».

Список литературы

1. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. № 10. С. 3–18.
2. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979. 445 с.
3. Конец В. А. *Природа социального // Ничто и порядок. Самарские семинары по французской философии*. Самара, 2004. С. 28–33.
4. Устьянцев В. Б. *Жизненное пространство, человек, риски / под ред. проф. К. С. Пирогова*. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2012. 208 с.
5. Ленк Х. *Размышления о современной технике / пер. с нем.; под ред. В. С. Степина*. М., 1996. 183 с.
6. Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр.* М., 1990. 415 с.

Idea of «The Other» in riskogenic society

A. A. Alebastrova

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

The article is devoted to consideration of a problem of «The Other» in refraction of a social and philosophical view of a place and a role of the person in the conditions of development of the techno-genic civilization creating conditions of transformation of human society in «risk society». The author, noting inevitability of consideration of «The Other», addresses to the analysis of modern philosophical concepts. Opening a problem of preservation of human identity in the conditions of increase of aggressive expansion of equipment, the author comes to a conclusion that only creation of model of «The Other», allowing to look at itself eyes of «The Other», is the only opportunity to keep in itself the person in the conditions of construction of the world of a postmodern for mankind.

Key words: Other, technogenic civilization, society of risks, identity, postmodern, meaning of life, revolting person, riskogenic society.

References

1. Stepin V. S. *Nauchnoye poznanie i tsennosti tekhnogennoy tsivilizatsii* (Scientific knowledge and values of technogenic civilization). *Voprosy filosofii* (Issues of philosophy), 1989, no. 10, pp. 3–18.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Esthetics of verbal creativity). Moscow, 1979. 445 p.
3. Konev V. A. *Priroda sotsialnogo* (Nature of the social). *Nichto i poryadok. Samarskiye seminaru po frantsuzskoy filosofii* (Nothing and order. The Samara seminars on the French philosophy). Samara, 2004, pp. 28–33.
4. Ustyantsev V. B. *Zhiznennoye prostranstvo, chelovek, riski* (Vital space, person, risks). Saratov, 2012. 208 p.
5. Lenk H. *Philosophie im technologischen Zeitalter*. Stuttgart, 1970. 174 p. (Russ. ed.: Lenk H. *Razmyshleniya o sovremennoy tekhnike*. Moscow, 1996. 183 p.)
6. Camus A. *L'Homme révolté* (The Rebel). Paris, 1951. 384 p. (Russ. ed.: Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow, 1990. 415 p.)

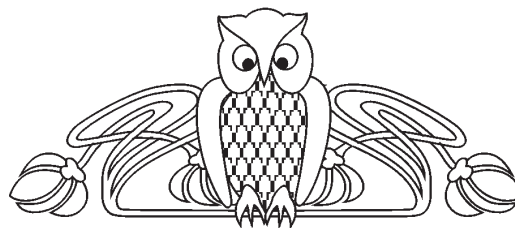

УДК 1(091)(540)

ТРИ СИСТЕМЫ БУДДИЙСКОЙ ОНТОЛОГИИ

С. Б. Бережной

Бережной Сергей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Филиал Южно-Уральского государственного университета (г. Снежинск)
E-mail: berejnoi@mail.ru

Статья представляет собой краткий обзор онтологических построений основных философских направлений буддизма: сарвастивады, утверждающей, что подлинно реальны только дхармы; йогачары с её абсолютизацией роли сознания; мадхьямаки с её учением о том, что подлинная реальность невыразима. В ней критически рассматриваются высказывания различных современных исследователей, таких как Карунадаса, Ф. И. Щербатской, Дж. Сингх, и древних философов – Васубандху и Нагарджуна по онтологической проблематике. Автор скрупулёзно анализирует значения ряда санскритских философских терминов и даёт собственные их интерпретации. Он предлагает оригинальное истолкование основополагающего онтологического принципа сарвастивады: «sarvam asti» – всё есть, т.е. все дхармы реально существуют, причём во всех трёх временах. Также рассматривается первейшая категория философии мадхьямаки – śūnya – в качестве парадоксального понятия, означающего и «недостаток, нехватка бытия» и «полнота бытия».

Ключевые слова: дхармы, сарвастивада, йогачара, виджняна, мадхьямака, шунья, шуньята.

Как и что основные философские направления буддизма говорят о природе реальности, нереальности, сущего, о качестве всего того, что есть? Возможно ли на почве буддийской философии формулировать проблемы в духе хайдеггеровских проблем фундаментальной онтологии? Или буддизм – это чисто «практическая» наука ума, и главное в нём пребывает за пределами всяких слов и выражений, скрываясь в действии или, наоборот, в полном бездействии? Но сначала попытаемся определить, и, естественно, далеко не в первый раз в истории философии, о чём же идёт речь, когда мы говорим о «бытии»? В русском языке «бытие» – это существительное, образованное от глагола «быть». Но, благодаря Хайдеггеру, мы знаем, что глагол-связка «быть» и образованное от него существительное «бытие» представляют собой главную проблему философии и являются самыми тёмными, неопределимыми понятиями, требующими дальнейшего и внимательнейшего разбора [1, с. 3–4]. Слово «бытие» называет то, что трудно уловить при поверхностном взгляде на вещи, – сам характер их существования, саму «естественность» вещи, «естественность» всех вещей и явлений. И это самое «бытие» может быть разным у разных существ, веществ, вещей и явлений. Бытие человека отличается от бытия дерева, бытие философа, в древнегреческом, платоновском, смысле этого слова, отличается от бытия «не-философа». Древнегреческий философ, не будучи мудрецом

(греч. sophos), всё-таки и не невежда, так как стремится к истине и находится, следовательно, в особом отношении к ней. Философ – это тот, незнающий, который не мнит себя знающим, но на пути вопрошания, на пути диалога с миром, и пока этот диалог есть, может пребывать в свете безмолвной истины, в просвете бытия.

Онтология раннего буддизма

«Ранний буддизм» – очень разнообразное и разноплановое явление, это большое количество различных философских школ и направлений, дискутировавших между собой по самым различным проблемам, строивших свои собственные самобытные учения и опровергавших чужие, как буддийские, так и иные. Одной из очень влиятельных школ раннего буддизма была школа кашмирских вайбхашиков. Её философские воззрения представлены в трактате великого Васубандху (IV–V вв. н. э.) «Абхидхармакоша» (Сокровищница Абхидхармы). «Абхидхармакоша» – фундаментальнейший труд, преимущественно посвящённый сарвастивадинской Абхидхарме, касающийся также и воззрений такого направления раннего буддизма, как саутрантика. «Абхидхармакоша» – один из немногих абхидхармистских текстов, дошедших до наших дней на том языке, на котором они и были написаны – на санскрите.

Сарвастивада – это сумма различных школ ранней буддийской философии. Школы, в первую очередь, занимались изучением и развитием философии Абхидхармы. Считается, что возникла сарвастивада в III в. до н. э. основополагающий онтологический принцип сарвастивады – «sarvam asti» (всё, т.е. все дхармы, реально существует). Во фразе *сарвам асти* – философском девизе данного философского направления – речь идёт о том, что дхармы существуют *реально* в трёх временах, т.е. они *на самом деле* существуют в прошлом, в настоящем, в будущем. Данное положение, безусловно, требует пояснений, и понимать его можно очень по-разному. Например, профессор Карунадаса понимает учение сарвастивадинов о «трёх-временной» реальности дхарм (Карунадаса использует палийский термин «дхамма», аналогичный санскритскому «дхарма») как «революционное» и интерпретирует его в кантовском духе: «На основе этой теории производится <...> различение между действительным

бытием *дхамм* как феноменов и их идеальным бытием как ноуменов. Предполагается, что субстанции всех *дхамм* продолжают существовать во всех трёх делениях времени – в прошлом, в настоящем и в будущем – в то время как их манифестации, в качестве феноменов, мимолётны и подвержены изменению. Соответственно, *дхамма* осуществляет себя только в настоящем моменте времени, но «в сущности» она продолжает существовать в трёх временных периодах» [2, с. 9]. Но сарвастивадинское представление о реальности дхарм в трёх временах можно понимать и иначе, не трансцендентально идеалистически, и именно: дхармы реальны всегда, с точки зрения того, кто смотрит на них, так сказать, «со стороны» или «сверху» – как на непрерывный дхармовый поток. Вероятно, подразумевается взгляд Будды или архата, которые могут влиять на какой-либо (или только свой?) дхармовый поток – на его прошлое, будущее, настоящее. Тогда как для созерцателя более низкого «ранга», который пребывает внутри дхармового потока и состоит из него, величайшим достижением будет восприятие мгновенности бытия дхарм, поскольку, с точки зрения пребывания внутри дхармового потока, подлинной реальностью обладает лишь миг настоящего времени – «кшана» (санскр. *kṣāṇa*). Согласно различным школам буддийской философии, кшана равняется одной тысячной моргания глаза или одной миллиардной сверкания молнии и т. п.

«Абхидхармакоша» предлагает категориальную онтологическую систему, состоящую из 75 дхарм. Сумма дхарм всецело охватывает всё сущее и может быть представлена в виде таблицы, состоящей, соответственно, из 75 элементов сущего и не допускающей никаких добавлений. Влияние сарвастивады на последующую историю буддийской философии огромно. Её абхидхармистская философия оказала сильнейшее влияние на многие направления и раннего буддизма, и буддизма махаяны. В махаяне, однако, бытийная сущность дхарм понимается иначе.

Онтологическая проблематика в махаяне

Философия махаяны в двух своих основных направлениях (мадхьямака и йогачара) представляет собой кардинальный пересмотр многих важнейших концепций раннего буддизма. В отношении воззрения о мгновенности подлинного бытия дхарм, согласно Ф. И. Щербатскому, махаяной был сделан следующий вывод: «Теория о том, что всякое реальное бытие может длиться лишь один момент <...> была оставлена, и понятие о мгновенной сущности (*kṣāṇa*), столь характерное для других школ буддийской мысли, также было отброшено как недоказуемое (*asiddha*) и неспособное противостоять критике» [3, с. 240–241]. Следует заметить, что термин *asiddha* точнее было бы перевести как «неточное, неудачное, не обладающее волшебной силой», т.е. речь идёт о том, что интерпретации теории дхарм школ

раннего буддизма несовершенны с точки зрения мыслителей махаяны, недостаточно эффективны в деле преодоления сансарных состояний. Но сама по себе теория дхарм в махаяне не отменяется, она лишь получает иное объяснение, даваемое с позиций иного понимания бытия.

Онтология йогачары

Йогачара как самостоятельная школа философской мысли возникла примерно в IV в. н. э. Йогачара переводится как «[философия], идущих путём йоги». Философию йогачары называют также виджнянавадой (учением о познании, о сознании). Ещё одно имя йогачары – «читта-матра» (санскр. *citta-mātra*), что обычно переводят как «только сознание». Здесь подразумевается, что есть «только сознание». Санскритское слово «читта» (*citta*), впрочем, значит больше, чем только лишь «сознание». Читта – это «ум, мышление, чувство, ощущение, воля, желание, сердце». Матра (санскр. *-mātra*) в качестве конечного элемента сложного слова означает: «величиной, размером с; только». Слово «читта-матра» подразумевает, таким образом, существование только лишь восприятия, в самом объёмном смысле этого слова. Соответственно, йогачарины-виджнянавадины-читтаматрины заняты изучением взаимоотношений восприятия (*citta*) и фактов, явлений восприятия (*caitasika*). Не существует «внешнего мира» помимо воспринимающего сознания. Согласно виджнянавадинам, реально существует только восприятие, состоящее из трёх «уровней»: «1) сознание-хранилище (*ālayavijñāna*), 2) омрачённый ум (*kliṣṭa manas*) и 3) функционирующее сознание (*pravṛttivijñāna*)» [4, с. 90]. Также современные исследователи переводят термин «алайвиджняна» как «сознание-сокровищница» [5, с. 89]. Ф. И. Щербатской переводил его как «Всесохраняющее сознание» [3, с. 230]. Алаявиджняна таит в себе «васаны» (*vāsanās*) – все мысли, впечатления, обретенные в ходе любого действия, порождающего любую (хорошую, плохую, нейтральную) карму, которые и вызывают также стремления к новым впечатлениям, обретаемым в кармически обусловленном опыте. Клишта манас – это не только «омрачённый», но и «страдающий, претерпевающий» ум. В то же время *manas* – не только «ум», но и «дух, душа, замысел, желание, намерение». *Pravṛttivijñāna* – «эмпирическое» познание, дающее возможность познавать объекты. Хотя смысл слова *pravṛtti* шире, он не однозначен: это – «развитие, приход, начало, происхождение, наступление весны, деятельность, занятие, длительность, участь, судьба, сведения о чём-л.». *Pravṛttivijñāna* состоит из шести познавательных способностей: пяти органов чувств (воспринимающих видимое, звуки, запахи, вкусы и осязание) и умственного познания (*mano-vijñāna*), объектом которого являются дхармы как таковые.

Йогачарины говорят о трёх видах бытия: *parikalpita*, *paratantra*, *pariniṣpanna*. *Parikalpita* именуется

бытие полностью невежественного, омраченного существа. Термин *parikalpita* можно перевести как «совсем, полностью выдуманный, совсем воображаемый». Речь здесь идёт, вероятно, о типе восприятия потока дхарм, когда сумбур неведения налагает свои интерпретации на переживаемый опыт существования. Дхармы распознаются существом, пребывающим в таком состоянии, неправильно или вообще не распознаются.

Paratantra – бытие более высокого уровня: «Второй уровень опыта характеризуется процессом осознания внешнего мира в терминах закона взаимозависимого возникновения. Это уже не обыденный, а первично-теоретический опыт, предполагающий созерцание содержаний сознания не как внешних объектов, но именно как структурирующих это содержание дхарм» [5, с. 91], т.е. это уровень опыта, переживаемого буддийским йогином, обладающим знанием Абхидхармы и правильно распознающим самскрита-дхармы (дхармы сансары), собственно, и составляющие этот опыт. Следует учитывать, что термин *paratantra* весьма многозначен и может быть переведён как «высшая, другая сущность, основа», «высшее, другое учение», а не только «зависимый от иного» (такой перевод даётся в нижеследующей цитате). Это уровень вершины сансарного бытия, с которого возможен переход к следующему уровню опыта – к наивысшему знанию, к нирване. Но всё же дхармы, правильно распознаваемые на этом уровне опыта, – самскрита-дхармы, причинно-обусловленные дхармы, составляющие собой сансару: «Но поскольку все причинно-обусловленное не может считаться реальным ввиду своей временной природы, то и дхармы, отражающие нестабильность внешнего мира, также интерпретируются как “не имеющие своего собственного бытия” и именуется виджня-навадинами *paratantra* (“зависимые от иного”)» [5, с. 91].

Pariniṣpanna – наивысшее: «Третий уровень опыта, не различающий субъект и объект, представляет собой <...> сознание, обращенное на себя, лишённое интенции вовне. Реальность в таком опыте предстает в своей нерасчлененности – как *tathatā* (букв. «таковость»). Она лишена каких бы то ни было признаков и ввиду остановки направленного вербального мышления не может быть поименована. В таком опыте нет разделения на существующее и несуществующее, а следовательно, дхармы, структурирующие этот опыт, не могут быть определены как имеющие свое собственное бытие (*svabhāva*). Состояние реализации этого опыта называется *pariniṣpanna* (букв. «совершенно-завершенное»)» [5, с. 91]. Можно перевести это слово и так: «совсем, полностью готовый». Первые два вида бытия – *parikalpita* и *paratantra* – соответствуют уровню *saṃvṛti*, «относительной», «условной» истины существования, тогда как *pariniṣpanna* соответствует уровню

paramārtha, «абсолютной» истине. Но понятие *svabhāva* всё же оказывается неприменимо и к данному состоянию полной свободы от сансары, ибо асамскрита-дхармы, дхармы нирваны, создающие это состояние, подлинно пребывают за границами какого-либо названия и наименования.

Онтология мадхьямаки

Возникновение философии мадхьямаки и вообще махаяны связано с именем великого проповедника праджняпарамитских сутр Арья-Нагарджуны (*Ārya-Nāgārjuna*) и датируется приблизительно I–II вв. н. э. С точки зрения мадхьямиков все дхармы – *шунья*, поэтому одно из названий философии мадхьямиков – «шуньявада» (учение о шунье). В. П. Андросов в книге «Буддизм Нагарджуны» даёт свой перевод трактата «Дхарма-санграха» – справочника-лексикона школы мадхьямиков, содержащего основные философские, мифологические, религиозно-культовые термины, а также списки дхарм [6, с. 451–608]. Набор дхарм «Дхарма-санграхи» подобен списку дхарм «Абхидхармакоши», но он имеет существенные отличия – некоторые дхармы из списка «Абхидхармакоши» отсутствуют, появляются новые дхармы. Здесь всего 72 дхармы, если включить в их состав *vijñāna* (см. выше) в качестве отдельной дхармы, которая в данном списке дхарм почему-то отсутствует в таком качестве. Суть же позиции шуньявадинов по поводу бытия дхарм В. И. Рудой понимает так: «Реальность дана индивиду через посредство его собственного потока дхарм. Однако дхармы <...> могут быть рассмотрены исключительно и всецело как номинальные сущности, которым в реальности соответствует нечто, лежащее за пределами дефиниций <...> Реальность не зависит, следовательно, от форм и способов ее наименования, а значит, эти последние по своей природе пусты (*śūnya*)» [5, с. 79–80]. Также следует помнить о том, что время существования дхарм рассматривается как пребывающее за пределами возможностей обычного человеческого восприятия («биллионная часть сверкания молнии», «одна тысячная длительности моргания глаза» и т.п.). Наше восприятие дхарм не поспевает за движением потока времени, собственно, и состоящего из дхарм. Следовательно, получается, что восприятие того, что есть на самом деле (идёт ли речь о мгновенном бытии дхарм или о «татхате», «шуньяте») – это удел просветлённых личностей.

«Шунья» переводится как «пустой, пустота, лишённый чего-либо, одинокий, необитаемый, пустыня, ничто, отсутствие чего-либо». Термин «шунья» может быть как прилагательным, так и существительным. Термин «шуньята» играет роль только существительного. «Шуньята» – это «пустота, пустыньность, недостаток чего-либо, бессмысленность, распыленность». О разнообразии значений этого ёмкого и загадочного понятия, думается, не следует забывать, так же

как не следует торопиться с однозначным его переводом. Традиционно во многих буддологических работах «шунья» и «шуньята» переводятся как «пустота», или «пустотность». Щербатской возражает против этого, указывая, что такое значение данный термин может иметь в обыденной жизни, но не в философии. Он опирается здесь на мнение великого мадхьямика Чандракирти (VII в. н. э.), говоря: «Те же, кто предполагает, что *śūnya* означает пустоту, объявляются не понявшими этот термин и не уразумевшими цель, для которой он вводился» [3, с. 243]. Сам Щербатской переводит шуньяту как «относительность». Под «относительностью» Щербатской понимает взаимосвязанность дхарм и отсутствие самостоятельного их существования, их нереальность. Г. Гюнтер предлагает перевод, более близкий к распространённому: «**nothing, nothingness**» – «ничто, ничтожность», «openness» – «открытость» [7, с. 210]. Д. Сингх приводит, без каких-либо, впрочем, обоснований, следующее мнение о происхождении этого слова: «Этимологически оно происходит от корня “*śvi*”, что означает “увеличиваться, расширяться” (to swell, to expand. – С.Б.)» [8, с. 36]. Но возможна и иная родословная этого фундаментального онтологического понятия махаяны. Итак, какие смысловые значения ещё можно разглядеть в слове «*śūnya*»: «нехватку бытия (яви)». Предположим, что санскритский слог «*ya / yā*» обладал когда-то тем же смыслом и обладает общим индоевропейским происхождением и схожим звучанием со старым русским словом «явь». Современное прочтение этих древних слов-слов так: *ya* – «который»; *yā* – «1) идти, проходить, 2) отправляться». Русской «яви» противопоставлялась «навь» – не-явь. В некоторых русских диалектах слово «навь» означает «покойник» [9, с. 596]. Санскритская отрицательная частица «*mā*» в сочетании со слогом «*yā*» даёт «*māyā*» – иллюзию, обман, нереальность, не-явь. Или же «*māyā*» – это некая не-проходимость, препятствие. Слово «*śūpa*» является причастием страдательного залога прошедшего времени как от вышеуказанного Д. Сингхом глагола «*śvi*», так и от глагола «*sū*», значение которого – «производить, давать (урожай), породить». В этом втором значении «*śūpa*» есть «недостаток, нехватка». Осмелимся предположить, что слово «*śūnya*» может обладать и таким значением: «недостаток, нехватка яви», т.е. недостаточность бытия. «Шунья» указывает на то, что нечто не вполне реально, не есть в полной мере. Русское слово «пустота», действительно, не вполне пригодно для перевода термина «шунья», поскольку в русском языке слово «пустота» подразумевает сущностное отсутствие чего-либо. Но в случае с «шуньей», на что и указывает этимология Д. Сингха, возможен и иной, прямо противоположный, смысловой акцент при истолковании данного

термина: «расширение, увеличение яви». Слово «шунья» содержит в себе парадокс, два противоположных смысла – полнота, увеличение бытия и нехватка, недостаток бытия. Д. Сингх с опорой на текст Арья-Нагарджуны предлагает такую интерпретацию «шунья-таттвы» – «истины шуньи»: «В онтологическом смысле *śūnya* есть пустота, которая так же полнота (о чем, собственно, и говорит опыт моего этимологизирования. – С. Б.). Шунья идентифицируется с нирваной, с Абсолютом, с Парамартха-сат (Высшей Реальностью), с Таттва (Действительностью). Что есть *śūnya-tattva*? Вот что о характеристиках шуньи говорит Арья-Нагарджуна:

*Aparapratyayaṃ śāntaṃ prapañcair aprapañcitaṃ
Nirvikalpaṃ anānārthaṃ etattattvasya lakṣaṇaṃ
[Mūlamadhyamakakārikās, XVIII, 9]*

(1) Это – «*aparapratyayaṃ*». Это такой опыт, который не может быть передан от одного к другому. Он должен быть реализован каждым самим для себя.

(2) Это – *śāntaṃ*. Это умиротворенность, не затронутая эмпирическим умом.

(3) Это – *prapañcair aprapañcitaṃ*, т.е. то, что невыразимо посредством вербализирующего ума. Это неопределимое.

(4) Это – *nirvikalpaṃ*, т.е. то, что за пределами дискурсивной мысли.

(5) Это – *anānārthaṃ*. Это не-двойственное» [8, с. 37].

Итак, истина шуньи познается на собственном опыте, она словесно и даже мысленно невыразима, но является глубокой внутренней умиротворенностью, находится за пределами дискурсивной мысли, она недвойственна и неопределима. В различных буддийских текстах приводится 16, 18, 20 или 22 вида шуньяты. Перечень видов шуньяты охватывает все основные категории индийской буддийской и небуддийской философии, основные параметры описания мира в рамках традиционной индийской учености. Речь идёт, в том числе, и о «асамскрита-дхармах», о дхармах нирваны. И они тоже – шунья. Бытие всего сущего, таким образом, объявляется в мадхьямаке не напрасным отсутствием чего-либо, подлинности, как часто ошибочно это понимают, а наоборот – оно объявляется тайной и вершиной буддийского пути абсолютно полновесного познания.

Список литературы:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 452 с.
2. Karunadasa Dr. Y. The dhamma theory. Philosophical Cornerstone of the Abhidhamma. URL: <http://www.zeh-verlag.de/download/dhammatheory.pdf> (дата обращения: 12.04.2013).
3. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. 426 с.
4. Чаттерджи А. К. Идеализм йогачары. М., 2004. 268 с.

5. Рудой В. И. Введение в буддийскую философию // Васубандху. Абхидхармакоша. Раздел I, II. М., 1998. С. 11–113.
6. Андросов В. П. Собрание основоположений Закона («Дхарма-санграха») // Андросов В. П. Буддизм Нарджуну : религиозно-философские трактаты. М., 2000. 799 с.
7. Guenther H. V. The Royal Song of Saraha. A Study in the History of Buddhist Thought. Washington, 1969. 210 p.
8. Singh J. An Introduction to Madhyamaka philosophy. Delhi, 1976. 60 p.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.

The Three Systems of the Buddhist Ontology

S. B. Berezhnoy

Branch of South Ural State University (Snezhinsk)
Ulitsa 40 years of October, 7, 456770 Snezhinsk, Russia
E-mail: berejnoi@mail.ru

The article represents the capsule review of the ontological constructions of the main trends of the Buddhist Philosophy: Sarvastivada, stating that only dharmas are real; Yogachara with its absolutization of the role of consciousness; Madhyamaka with its doctrine of the ineffability of reality. The article critically examines the statements of various modern researchers, such as Karunadasa, F. I. Scherbatskoy, J. Singh, and ancient philosophers, such as Vasubandhu and Nagarjuna, on the ontological problematics. In his article the author analyzes scrupulously the meanings of a number of Sanskrit philosophical terms and gives his own interpretations. He offers the peculiar explanation for the fundamental ontological principle of Sarvastivada: «Sarvam asti» – «Everything exists», that is all dharmas exist really, and in all three times. S.B. Berezhnoy considers also the first category of Madhyamaka Philosophy – Śūnya – as the paradoxical notion that means both «Deficiency, Lack of Being» and «Fullness of Being».

Key words: dharmas, sarvastivāda, yogacāra, vijñāna, mādhyaṃaka, śūnya, śūnyatā.

References

1. Heidegger M. *Being and Time*. Albany, 1996. 487 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytiye i vremya*. Moscow, 1997. 452 p.)
2. Karunadasa Dr. Y. *The Dhamma Theory. Philosophical Cornerstone of the Abhi-dhamma*, available at: <http://www.zeh-verlag.de/download/dhammatheory.pdf>
3. Scherbatskoy F. I. *Izbrannyye trudy po Buddizmu*. Selected works on Buddhism). Moscow, 1988. 426 p.
4. Chatterjee A. K. *The Yogachara Idealism*. New Delhi, 2007. 237 p. (Russ. ed.: Chatterjee A. K. *Idealizm yogachary*. Moscow, 2004. 268 p.)
5. Rudoy V. I. *Vvedeniye v buddiyskuyu filosofiyu* (Introduction to Buddhist Philosophy). Vasubandhu. *Abhidharmakosha*. Razdel I, II (Abhidharmakosha. Volume I, II). Moscow, 1998, pp. 11–113.
6. Androsoy V. P. *Buddizm Nagardzhuny* (Nagarjuna's Buddhism: Religious and Philosophic Treatises). Moscow, 2000. 799 p.
7. Guenther H. V. *The Royal Song of Saraha. A Study in the History of Buddhist Thought.*, Washington, 1969. 210 p.
8. Singh J. *An Introduction to Madhyamaka philosophy*. Delhi, 1976. 60 p.
9. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Linguistic Encyclopaedia). Moscow, 1990. 685 p.

УДК 101.1:316

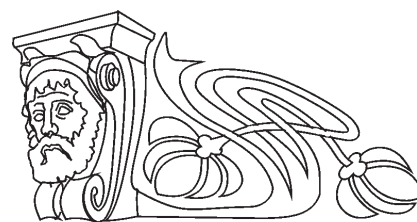
К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Р. С. Гаджиев

Гаджиев Ровшан Сабир оглы – кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Национальная академия наук Азербайджана
E-mail: vinodelrovshan1@rambler.ru

Определенно можно сказать, что еще с советских времен и по сей день со стороны ведущих ученых постсоветского пространства (этнографов, историков и др.) допускается разная трактовка сущности и содержания этнических общностей, в особенности это касается таких понятий, как «племя», «этнос», «народ», вместе с тем наблюдается определенное разногласие среди специалистов в вопросе типологии этнических общностей. Учитывая данное обстоятельство, в статье проведена работа по преодолению разногласий в классификации основных этнических общностей и внесена некоторая ясность в определение содержания таких понятий, как «этнос», «народ» и «нация».

Ключевые слова: этнос, племя, народ, нация, национальность, социокультурная система, этническая общность.

Известно, что типологическая классификация этнических общностей всегда вызывала особый интерес со стороны специалистов различных отраслей гуманитарной области науки в прошлом столетии [1]. Дискуссии по этому вопросу, как правило, принимали спорный, а иногда и противоречивый характер. Такое положение дел сохраняется и по сей день [2]. Этому определенно способствовало и то, что дифференциация таких основных типов социокультурных общностей, как этнос, народ и нация проводилась не до конца последовательно. Кроме того, в определении

содержания понятий «племя», «этнос», «народ» и «нация» до сих пор имеются неоднозначно трактуемые аспекты. Во многом поэтому не только ученые советской эпохи, но и специалисты постсоветского пространства используют данные понятия подчас в одинаковом смысле [3, с. 8; 4, с. 73; 5, с. 155; 6]. В настоящей статье предпринята попытка внести ясность в изучаемые вопросы.

Следует начать с того, что до сих пор некоторые ведущие специалисты постсоветского пространства в качестве основных типов этнических общностей выделяют известную триаду «племя – народ – нация» [7], хотя В. Генинг в своих исследованиях [8, 9] сумел показать и обосновать то, что племя – это не этническая, а в своей сущности – потестарная общность, и мы разделяем его мнение. По крайней мере, работы В. Шнирельмана [10, 11] отчетливо дают понять, что у некоторых первобытных общностей еще не было племени, а этническая самоидентификация уже существовала. Это, скорее всего, говорит о том, что отождествление этноса и племени было принято на основе исследований знаменитых этнографов XIX и XX вв., которые, как и многие современные специалисты, не уделяли достаточного внимания вопросу дифференциации этих понятий. Хотя следует отметить, что еще Л. Морган, а также основатели марксизма в качестве основного признака племени выделяли наличие власти, в частности, вождя социальной общности. Как нам известно, во всех определениях этноса отсутствует именно этот компонент, т.е. признак политичности, что не случайно. Ведь этнос по своей сути культурная общность, а не потестарная (т.е. политическая), а также не природная (или же биологическая), как у Л. Гумилева [12, с. 174].

Так зачем же до сих пор продолжают трактовать разные социокультурные явления человеческой жизни в одинаковом смысле? Возможно, потому, что этносы в своей сущности до сих пор определяются как социальные системы. Такая установка (или привычка) идет еще с советских времен, когда многие вопросы сознания, культуры в целом трактовались, исходя из известной марксистско-ленинской методологии, когда явление духовное следовало определять через социальное, руководствуясь изречением «общественное бытие определяет общественное сознание». Очевидно, в этом есть резон, но не всегда, т.е. не во всех случаях жизни, потому что в некоторых явлениях жизни именно духовное или же коллективное сознание определяет общественное бытие человека, его поведение, а в конечном счете, и образ жизни – и это в полной мере относится к этносу. В целом мы исходим из той позиции, что этнос, а также другие этнические общности в своей сущности являются культурными, а точнее, социокультурными явлениями (хотя здесь имеются свои особенности, о чем будет сказано ниже). Обоснуем нашу позицию.

Как известно, человек, рождаясь, постепенно становится представителем определенного этноса. В отличие от народа и нации, этнос человека не выбирается, а принимается по естеству определенного образа жизни. Человек может поменять свое местожительство, т.е. по своему выбору может входить в тот или другой народ, быть гражданином той или другой нации, но при этом он не волен выбирать свой этнос. Он может со временем лишь утратить свои этнические особенности. Эти реалии известны буквально всем, однако до сих пор и по этому вопросу имеются разногласия. Зачем дискутировать по вопросу, имеющему, казалось бы, очевидное решение? Из вышесказанного следует, что коллективное сознание общины (между прочим, в эпоху верхнего палеолита и мезолита имело значение только коллективное сознание) определяет этническое сознание человека, которое, в свою очередь, вынуждает его действовать в соответствии с определенным стереотипом поведения, определяя, в конечном счете, бытие этого человека. Это означает, что сформировавшаяся еще с детства этничность определяет сознательное бытие человека, в частности, установку на жизнь, поведение, а не наоборот. Таким образом, как бы ни критиковали конструктивисты примордиалистов [13], этнос, безусловно, не «воображаемая общность» (по Андерсону), а самая настоящая реальность. В этом плане я разделяю позицию всех так называемых примордиалистов, а также уважаемого Л. Гумилева.

Однако этнос вместе с тем не природное или биологическое явление. Доказать это не так сложно: ведь у людей типа Маугли определено не имеется этничности, что не удивительно. Этничность формируется исторически в определенной географической среде в коллективе родственных людей, находящихся в основном в эндогамных отношениях, о чём в свое время обстоятельно повествовал Ю. Бромлей [14, с. 200–212]. Безусловно, и природная среда, и особенности хозяйственной жизни, и отношения с другими аналогичными общностями влияют на формирование этноса. Но все же этого явно недостаточно, потому что эти факторы не составляют сущность изучаемого явления. Человеческий коллектив становится этносом лишь тогда, когда у его членов появляется этническое самосознание. Этот момент разделяется как примордиалистами (Ю. Бромлей, В. Козлов, Н. Чебоксаров и др.), так и конструктивистами (Э. Хобсбаум, В. Тишков и др.), для последних этнос фактически определяется через этническую самоидентификацию. Однако любой вид самоидентификации – явление духовное и носит не объективный, а субъективный характер. И понятно, что этнически человек самоидентифицируется не на основе экономики или социального статуса, а на основе культурных ценностей своего этноса. Как известно, культурными компонентами этничности являются язык, менталитет, традиции,

мировоззрение и другие явления духовной жизни. Значит, предварительно можно заключить, что в своей сущности этнос – явление культурное. Вместе с тем этого недостаточно. Дело в том, что без взаимоотношения членов коллектива, без социализации человека, без передачи культурной информации последующим поколениям невозможно усвоить и принять, а также сохранить *веками выработанные ценности* этноса. А это уже область социальной жизни общества. Исходя из вышесказанного можно смело утверждать, что этнос в своей сущности – явление социокультурное!

Известно, что в формировании этносов большое значение имеет выработка чувства отличия своего коллектива от других аналогичных социокультурных общностей. Однако противопоставление «мы – другие» не должно пониматься в плане недружелюбия, агрессивности и вражды. Скорее всего, значимость этнического противопоставления заключается в том, что для своей идентификации люди данного этноса нуждаются, прежде всего, в такой особенности этнического сознания, как чувство культурного отличия от других, что, наверное, и приводит к формированию этнонима. Однако следует помнить, что не любое противопоставление, а именно *культурное отличие от других*, выработанное веками, создает возможность становления конкретного этноса. Именно этой отличительной особенностью отдельного этноса и этнических общностей в целом уделил особое внимание Ю. Бромлей [15, с. 97–98]. И именно по этому существенному признаку народ и нация относятся к основным типам этнических общностей.

Однако следует ли отождествлять понятия этноса, народа, нации? Очевидно, нет, и вот почему: конструктивисты правы, скорее всего, в том, что и народ, и нация – это не естественный продукт коллективного усилия людей (как в случае с этносом), а целенаправленная сознательная деятельность государей, лидеров или же идеологов определенного социума. В отличие от становления этноса, для формирования народа или нации необходимо государство, т.е. наличие потестарной (политической) системы. Ведь неслучайно под народом понимается в основном совокупность людей определенного государства, т.е. население страны. Однако не всякое население страны является народом. И это понятно, так как для формирования народа нужны веками выработанные общие ценности, символы, особенно – национальная идея, т.е. общекультурные компоненты, которые идейно, духовно сплавляют население страны. Как известно, население большинства государств многоэтнично. Моноэтничное государство практически является исключением из правила. В таком случае нетрудно понять, что без выработки общих культурных ценностей (т.е. общеупотребительного языка, общенациональной идеи, символов государства и т.п.) невозможно было бы формирование целого народа и тем более

нации. Поэтому определенно можно сказать, что не всякая совокупность людей может называться народом, а лишь такая, которая сумела выработать общие ценности, разделяемые хотя бы большинством населения данного государства. Из вышеизложенного становится понятно, что хотя народ и является этнической общностью, однако с определенной оговоркой: ведь без социальной системы его образование невозможно. Это и приводит к путанице в решении вопроса о сущности народа и, тем более, нации. Понятно, что в данном случае следует отличать суть вопроса от необходимых факторов, способствующих формированию этнической общности. Общность политической системы, экономической жизни, социальной структуры необходима для становления народа, но все же его сущность определяется не этими факторами, а выработанными в веках общекультурными ценностями. Именно поэтому многие выдающиеся мыслители говорили о характере, о духе народа. Нет общекультурных ценностей, значит, нет и народа, а есть только подданные или же население определенного государства. Именно общие ценности, в частности национальная идея, сплавляют разноэтничное население страны в единый народ. Понятно, что формирование общенародной идеи – дело лидеров, идеологов страны: в качестве таковых могут выступать вожди, религиозные деятели, интеллигенция. Поэтому, возможно, правы те, кто считают, что народ или же нация – «конструируемые общности», но это вовсе не значит, что «конструируемые общности» не являются реальностью. Если бы это было не так, то разноэтничный римский народ не смог бы веками сохранять свое всемирное господство в эпоху античности. И таких примеров из истории человечества можно привести множество. Следует ли из вышеизложенных суждений, что можно отождествить народ и нацию? Наверное, нет!

Мы исходим из той известной посылки, что нация – явление более позднее, чем народ. Можно сказать, что если народ образуется из этноса, то нация формируется на основе народа, и эта последовательность возникновения социокультурных систем носит, безусловно, исторический характер. В своей монографии схожую позицию разделяет профессор А. Г. Дугин [16]. Если для образования народа требуются лишь усилия лидеров страны, то для формирования нации этого явно недостаточно. Но чтобы убедиться в правильности нашей предпосылки, требуется определить, что же подразумевается под понятием «нация». Буквально все специалисты единодушны в том, что нация – это продукт эпохи буржуазных революций. Если народы появляются в результате становления государства, то нации образуются на основе свержения авторитарных систем. Другими словами, нации могут возникнуть лишь в тех государствах, где сформировалось гражданское общество и где действуют правовые законы.

Давайте обратимся к известным специалистам по национальным вопросам: в монографии академика А. Козинга [17, с. 38] утверждается, что под нацией подразумевается суверенитет народа, который был обретен после буржуазных революций в Европе. Известный чешский специалист М. Хрох считает, что образование наций стало возможно в итоге буржуазных революций, когда в Европе сформировалось гражданское общество [18, с. 122]. В начале своей статьи философ Ю. Хабермас сразу же указывает, что нации образовались после Французской революции [19, с. 364]. В той же статье он особо подчеркивает, что понятие «гражданство» наравне с политическим компонентом подразумевает также культурное единство нации [19, с. 370]. Эта точка зрения Ю. Хабермаса значима для нас, так как на её основе можно прийти к выводу, что нация – это не только продукт политической борьбы, но включает и выработку общекультурных ценностей нации. Из вышеизложенных суждений можно сделать заключение, что нациями могут называться лишь те народы, которые смогли на основе своих культурных ценностей создать гражданское общество и правовое государство, эту точку зрения разделяют и ученые – А. Абасов и С. Адыгезалова [20, с. 31].

Итак, мы постарались внести определенную ясность в типологическую классификацию основных этнических общностей и дифференцировать такие важные понятия, как «этнос», «народ» и «нация». Проведенный анализ дает возможность отличать одно понятие от другого и преодолеть их отождествление. Настоящее исследование показывает, что дифференциацию вышеназванных понятий наиболее отчетливо удастся проводить на основе социокультурного подхода. В заключение хотелось бы отметить, что по давно установившейся практике в науке постсоветского пространства под «национальностью» подразумеваются этнос или народность, а под «национальным» – в целом народ или нация.

Список литературы

1. Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии, М., 1979. С. 5–24.
2. Руткевич М. Н. Теория нации : философские вопросы // Вопр. философии. 1999. № 5. С. 19–33.
3. Пивовев В. М. Этнос и нация : проблемы идентификации, Петрозаводск, 2006. 109 с.
4. Даидамиров А. Ф. Национальная идея и этничность. Азербайджанская идея в этнокультурном и этнополитическом контексте. Баку, 2001. 154 с.
5. Социология : учеб. для вузов, М., 2005. 448 с.
6. Замиралова Т. А., Крих С. Б. Этнология : конспект лекций. Омск, 2008. 52 с.
7. Беркович Н. А. Племя, народность, нация : социально-философское исследование : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2002. 287 с.
8. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности : учеб. пособие. Свердловск, 1970. 128 с.
9. Генинг В. Ф., Павленко Ю. В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. Киев, 1984. С. 60–109.
10. Шнирельман В. А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 207–257.
11. Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 83–108.
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли, М., 1993. 503 с.
13. Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
14. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 413 с.
15. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы : теория, история, современность, М., 1987. 335 с.
16. Дугин А. Г. Этносоциология. М., 2011. 639 с.
17. Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978. 293 с.
18. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации : процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм, М., 2002. С. 121–146.
19. Хабермас Ю. Европейское национальное государство : его достижения и пределы. О прошлом и будущем // Нации и национализм. М., 2002. С. 364–381.
20. Адыгезалова С., Абасов А. Национализм и интеграция эпохи глобализации // Elmi əsərlər. № 1(16). 2011. S. 52–57.

On Typological Classification of the Main Ethnic Communities

R. S. Hajiyev

Azerbaijan National Academy of Sciences
H. Javid Ave, 31, Az 1143 Baku, Azerbaijan Republic
E-mail: vinodelrovshan1@rambler.ru

One can definitely say that as far back as Soviet times and up to the present day the leading scholars of post-Soviet scope (ethnographers, historians and other) treat differently an essence and content of ethnic communities. It is, in particular, referred to such notions as «tribe», «ethnos», and «people». At the same time a definite disagreement is still observed among the specialists on the issue of typology. Taking into consideration this circumstance the present article carries out work on a new classification of the main ethnic communities. At the same time the content of such notions as «ethnos», «people» and «nation» has been made definitely clear.

Key words: ethnos, tribe, people, nation, nationality, socio-cultural system, ethnic community.

References

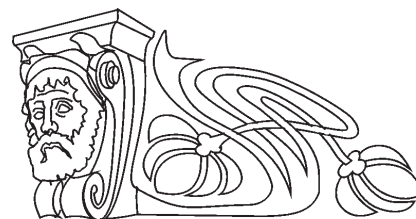
1. Kozlov V. I. O klassifikatsii etnicheskikh obshchnostey (sostoyaniye voprosa) (About classification of ethnic commonalities {status of the matter}). *Issledovaniye po obshchey etnografii (Researches in general ethnography)*. Moscow, 1979, pp. 5–24.
2. Rutkevich M. N. Teoriya natsii: filosofskiye voprosy (Theory of nation: Philosophical questions). *Voprosy filosofii (Issues of philosophy)*. 1999, no. 5, pp. 19–33.
3. Pivoev V. M. *Etnos i natsiya: problemy identifikatsii (Ethnos and nation: problems of identification)*. Petrozavodsk, 2006. 109 p.
4. Dashdamirov A. F. *Natsionalnaya ideya i etnichnost. Azerbaydzhanskaya ideya v etnokulturnom i etnopoliticheskom kontekste (National idea and ethnicity. Azerbaijani idea in ethnocultural and ethnopolitical context)*. Baku, 2001. 154 p.
5. *Sotsiologiya (Sociology)*. Moscow, 2005. 448 p.
6. Zamiralova T. A., Krikh S. B. *Etnologiya (Ethnology)*. Omsk, 2008. 52 p.
7. Berkovich N. A. *Plemya, narodnost, natsiya: sotsialno-filosofskoe issledovaniye: dis... d-ra filos. nauk (Tribe, peoples, nation: social-philosophic research: Dr. philos. sci. diss.)*. St. Petersburg, 2002. 287 p.
8. Gening V. F. *Etnicheckiy protsess v pervobytnosti (Ethnical process in primitive state)*. Sverdlovsk, 1970. 128 p.
9. Gening V. F., Pavlenko Yu. V. Institut plemeni kak organ zarozhdayushcheysya politicheskoy nadstroyki (Tribe institute like a body of emerging political superstructure). *F. Engels i problemy pervobytnoy istorii (F. Engels and problems of primitive state story)*. Kiev, 1984, pp. 60–109.
10. Schnirelman V. A. Problema doklassovogo i ranneklassovogo etnosa v zarubezhnoy etnografii (Problem of preclass and early class ethnos in foreign ethnography). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in preclass and early class society)*. Moscow, 1982, pp. 207–257.
11. Schnirelman V. A. Protoetnos okhotnikov i sobirateley (po avstraliyskim materialam) (Protoethnos of hunters and collectors {regarding to australian materials}). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in preclass and early class society)*. Moscow, 1982. pp. 83–108.
12. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera zemli (Ethnogenesis and the biosphere of Earth)*. Moscow, 1993. 503 p.
13. Tishkov V. A. O fenomene etnichnosti (About ethnicity phenomenon). *Etnograficheskoe Obzrenie (Ethnographic Review)*. 1997, no. 3, pp. 3–21.
14. Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa (Essays on ethnos theory)*. Moscow, 1983. 413 p.
15. Bromley Yu. V. *Etnosotsialnyye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost (Ethnosocial processes: theory, history, contemporaneity)*. Moscow, 1987. 335 p.
16. Dugin A. G. *Etnosotsiologiya (Ethnosociology)*. Moscow, 2011. 639 p.
17. Kosing A. *Nation in Geschichte und Gegenwart*. Berlin. 1976. 306 S. (Russ. ed.: Cozing A. *Natsiya v istorii i sovremennosti*. Moscow, 1978. 293 p.).
18. Hroch M. From national movement to the fully-formed nation: the nation-building process in Europe. *Mapping the Nation*. L. ; N.Y., 1999, p. 78–97. (Russ. ed.: Khroch M. Ot natsionalnykh dvizheniy k polnostyu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitelstva natsiy v Yevrope. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, 2002. pp. 121–146.
19. Habermas J. The European nation-state – its achievements and its limits. On the past and future of sovereignty and citizenship. *Mapping the Nation*. L. ; N.Y., 1999, p. 281–294. (Russ. ed.: Habermas Yu. Yevropeyskoye natsionalnoye gosudarstvo: yego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, 2002. pp. 364–380).
20. Adygezalova S., Abasov A. Natsionalizm i integratsiya epokhi globalizatsii (Nationalism and integration of globalization age). *Elmi asarlər (Scientific work)*, 2011, no. 1(16), pp. 52–57.

УДК 165.12:111.1

НЕОБЫЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ

П. А. Гордеев

Гордеев Павел Анатольевич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: p.a.gordeev@yandex.ru

В статье разрабатывается философское направление исследования проблемы необычных состояний сознания. Проводится терминологическая демаркация «измененных» и «необычных» состояний сознания, основанная на их феноменологии. Контекст философского осмысления проблемы – онтология и философская антропология. Исходным постулатом является утверждение, что проблема необычных состояний сознания неразрывно связана с проблемой конституции человека, его сущности и предельных состояний. Представлена идея многомерности бытия человека во взаимосвязи с типами реальностей, соразмерных

различным состояниям сознания. Основной вывод заключается в том, что необычные состояния сознания связаны с выходом за пределы опыта переживания привычной эмпирической и социальной реальности. В заключение обсуждается вопрос о возможности интеграции необычных состояний сознания в целостную систему опыта субъекта.

Ключевые слова: необычные состояния сознания, измененные состояния сознания, состояния сознания, философия сознания, типология реальностей, необычная реальность, многомерность человека.

Пространство измененных и необычных состояний сознания отмечается значительным разнообразием, оно включает: различные «мистические» состояния; дремоту, сон и «просоночные» состояния; трансовые, медитативные и гипнотические; психоделические, состояния алкогольного и наркотического опьянения; экстатические и религиозно-мистические; состояния озарения, просветления; творческие, связанные с инсайтами; «околосмертные» состояния сознания и т. д.

Выделяется также большое разнообразие факторов и способов, инициирующих измененные и необычные состояния сознания. Анализ этих факторов позволил отечественным ученым типологически разделить подобные состояния на: 1) вызываемые искусственно посредством психоактивных веществ или процедур; 2) возникающие спонтанно при обычных, необычных или экстремальных условиях и обстоятельствах; 3) психотехнически обусловленные, т. е. вызываемые целенаправленно посредством особых психотехнических процедур [1, с. 48]. В целом сходная дифференциация проводится и современными западными исследователями. Так, измененные состояния сознания (ИСС) подразделяются на: 1) возникающие спонтанно; 2) вызванные физическими и физиологическими стимулами; 3) индуцированные психологическими методами; 4) вызванные заболеваниями [2, с. 99–114].

Зачастую в специальной литературе термин ИСС обозначается все множество состояний, в большей или меньшей степени отличающихся от «обычного» состояния сознания, ассоциирующихся с нормальным состоянием бодрствования, привычным способом и уровнем психической активности, т. е. все состояния, не соответствующие этой норме – от «легкого» транса до религиозно-мистических состояний – именуется «измененными». Также многие исследователи, не различая, употребляют синонимично термины «измененные состояния сознания», «особые ...», «необычные ...» и т. д. Однако полиморфность и неоднородность подобных состояний сознания, а также семантический анализ понятий «изменение» и «необычность» требуют их дифференциации и терминологической демаркации. Так, понятие «необычные состояния сознания» (НСС) выражает некоторое количество потенциальных состояний, качественно отличных от актуального, наличного состояния. Здесь и происходит уточнение понимания подобного состояния сознания не как измененного, но как «иного», необычного. Таким образом, имеется в виду не изменение, а трансформация сознания. Понятие же «измененного состояния сознания» указывает скорее на количественное изменение параметров наличного состояния, целостность и общая структура которого остаются неизменными, т. е. имеются в виду изменения, но в пределах того же состояния, которое можно назвать «неизменным», обычным.

Близок в этом плане дифференцированный подход В.В. Козлова, который предлагает модель «плавающего» сознания для обозначения его динамики в пространстве различных состояний. Континуум уровней измененности сознания включает *полное*, четкое состояние сознания (связанное с инсайтами), *обычное* состояние сознания, *трансовое*, «нулевое» состояние сознания (характеристикой которого является полное отсутствие всякого сознания) и два «глубоких» состояния сознания – *расширенное* (возникающего при связанном дыхании, в том числе холотропном) и *психоделическое* (появляющееся в результате приема психоделиков, длительного и интенсивного использования психотехник и т.д.) [3, с. 22–26]. В пределах не «глубоких» ИСС (т.е. собственно ИСС, в нашей терминологии), которые относятся к области обычного состояния сознания, сознание может флуктуировать быстро и незаметно для индивида. «Глубокие» (расширенное и психоделическое) состояния сознания (входящие в объем понятия НСС, принятого нами), по утверждению В. В. Козлова, характеризуются глубокими изменениями в сознании.

Проведенная демаркация имеет важное методическое следствие: так как мы настаиваем на *принципиальном* различении количественных и качественных изменений, употребление лишь термина ИСС внесло бы путаницу в дальнейшее исследование. Проблема НСС неразрывно связана с проблемой конституции человека, его сущности и предельных состояний. Необычные состояния сознания становятся возможны благодаря строению человеческого существа как сущего особого рода, обладающего для-себя-бытием, бытием-в-мире и бытием-с-другими. Через эти экзистенциалы выражается многогранность бытия человека в его взаимосвязи с наличным бытием и бытием другого.

Человек наделен сознанием, выраженным «в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [4, с. 589], т.е. человек обнаруживает в первичном акте переживания сам себя как особое сущее, обладающее бытием, и окружающий мир, в который он включен. Благодаря интенциональной направленности и рефлексии осуществляются смысловое и ценностное полагание внутренней и внешней реальностей. Это полагание осуществляется в сфере *конкретного* опыта, имеющего свои границы. Границы этого опыта конституируются замкнутостью человека на определенных сферах бытия и его активностью, т.е. выстраиванием отношений с бытием и внутри того бытия, в котором он себя обнаруживает.

Вместе с тем существует сфера *возможного* опыта, закрытая для сознания, ориентированного на наличную реальность и детерминированного повседневностью. Человека как «духовное» существо, по М. Шелеру, характеризует «экзистен-

циальная несвязанность, свобода, отрешенность его <...> от принуждения, от давления, от зависимости от органического, от “жизни” и ото всего, что относится к “жизни”, то есть в том числе и от его собственного, связанного с влечениями интеллекта. Такое “духовное” существо <...> не привязано к влечениям и окружающему миру» [5, с. 153], оно свободно от него. Возможный опыт открывает сферы бытия, составляющие *альтернативную* реальность. Данный предикат в этом случае означает не нечто мистическое (экзотическое, непонятное и т. п.), но *иное* по отношению к обыденности (повседневности) существования в эмпирической (объективной, предметной) и социальной (интерсубъективной) реальностях.

Необычная, альтернативная реальность раскрывается в большом разнообразии форм и содержаний, поэтому характеризовать ее как *иную* можно лишь постольку, поскольку она *ничтожит* обычную реальность, т.е. обнаруживается не в отдаленности, а в отделенности от нее.

В отношениях «отдаленности» к обычной реальности выступает *измененная* реальность, т.е. обычная реальность, фиксируемая человеком как измененная. В феноменологическом ключе это изменение свойств и параметров реальности (при сохранении ее общей «картины», структуры), данной в непосредственном переживании. В психологическом дискурсе – это семантические и перцептивные aberrации, синестезии и т.д. В любом случае сфера опыта расширяется, но не выходит за рамки наличной реальности, с которой она соотносится. При этом необходимо учитывать, что «реальность» здесь понимается не абстрактно-отвлеченно, а во взаимосвязи с человеком, как актуальная данность, в которой он себя обнаруживает благодаря переживанию и осознанию. В связи с представленностью реальности в сознании, а следовательно, и корреляции изменений сознания и реальности весьма конструктивной представляется дальнейшая разработка предложенного С. Криппнером и А. Роком термина «измененные паттерны феноменальных свойств» [6]. Х. Плеснер говорит о человеке как о «личном жизненном единстве и сущностно существующих с ним слоях наличного бытия» [7, с. 101]. Но, во-первых, наличное бытие всегда есть определенное бытие человека, т.е. составляет мир для человека (Welt), а во-вторых, измененная и необычная реальности всегда даны человеку как определенная «наличность», они наличествуют для человека, также составляя Welt. Таким образом, можно констатировать наличие **корреляционных связей между состояниями сознания и типами реальностей**: так, обычная реальность соотносится с «обычным» состоянием сознания, измененная реальность – с ИСС, необычная (альтернативная) реальность – с НСС.

Переживания измененной и необычной реальностей опосредованы феноменом *телесности*. Имеется в виду тело не как биологический организм, а *тело вообще*, в котором человек себя обнаруживает и которое делает возможным активность, его действие в мире. Это – такое тело, которое «поддерживает жизнь в видимом нами спектакле <...> его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [8, с. 261]. Именно через тело как определенную целостность человек осознает себя в мире. Такая медиация осуществляет любое взаимодействие в мире, поскольку тело предстает его частью. Оно отвечает также способам действий в мире – реальности, наделенной определенными свойствами и законами.

Важным понятием феноменологии телесности является «схема тела». Оно выражает переживание и осознание человеком собственного тела, его образа, динамики, формы, границ, пространственных свойств. В измененных и необычных состояниях сознания схема тела может меняться и преобразовываться до неузнаваемости. М. Мерло-Понти выделяет перцептивный аспект такого изменения: «Внешняя перцепция и перцепция собственного тела меняются вместе, потому что они суть две стороны одного и того же акта» [8, с. 263]. Исходя из этого, он заключает, что «определенная форма внешнего опыта предполагает и вызывает определенное осознание собственного тела» [8, с. 264–265]. Яркой иллюстрацией влияния изменений перцептивного поля на сознание, в том числе на «схему тела», является феномен так называемой «флоатинг-капсулы» (англ. Flotation Tanks). Это сооружение, сконструированное американским нейробиологом Дж. Лилли, представляет собой плотно закрывающийся резервуар, в котором размещается испытуемый. Особенностью резервуара является искусственная внутренняя среда: держащий человека на плаву (в состоянии «невесомости») соляной раствор, температура которого равна температуре человеческого тела; светоизоляция; звукоизоляция. Проведя некоторое время в капсуле, в результате сенсорной депривации человек начинает испытывать эффекты: пребывания в особой реальности; изменения времени и пространства; различных оптических и акустических феноменов; перинатального и трансперсонального опыта; внетелесного опыта и других трансформаций схемы тела (например, чувство «бытия птицей» и соответствующее состояние полета) [9].

Однако изменение формы телесности не ограничивается изменением перцептивной сферы. Так, известны случаи отождествления с различными существами и объектами живой и, соответственно, неживой природы, причем это отождествление происходит на всех уровнях человеческого существа, затрагивая схему тела, эмоциональные

и когнитивные проявления, перцептивную сферу, способы действий и т. д., что также опосредуется телом как целостностью. Таким образом, можно говорить о множественности «тел», в которых человек себя обнаруживает и посредством которых взаимодействует в актуальной для определенного состояния сознания реальности.

Исходным телом, посредством которого мы взаимодействуем в привычной реальности, является биологическое тело. Оно приучено к эффективному функционированию, «знает» и формирует множество движений в различных возможных сочетаниях, что обеспечивает возможность активного целенаправленного действия. Образ действий и движений, в свою очередь, формируется исходя из потребностей и желаний человека, его мотивов в широком смысле. Но способы действия биологического тела как элемента природной реальности основываются на человеческих мотивах, соизмеримых с его существованием в эмпирической реальности. По мнению А. Гелена, человеческие «движения должны иметь <...> богатство комбинаций именно для того, чтобы соответствовать безграничному многообразию обстоятельств и ситуаций, которым представлен человек и которыми он должен овладеть» [10, с. 181]. Таким образом, многообразие движений человека образуется «в столкновении с вещами» [10, с. 182], следовательно, возможности биологического тела ограничиваются, во-первых, физическими законами природного мира, а во-вторых, целями человека, определяющими его активность в мире. Переход к НСС и соразмерным им реальностям, в которых снимаются законы естественного мира и целесообразность привычных паттернов и комплексов движений, ведет к преобразованию формы тела, его схемы, свойств, качеств и способов проявления активности.

Показательно, что одними из возможных факторов индукции ИСС и НСС являются моменты: 1) «отрицания» биологического тела (самоистязание, голодание, обезвоживание, кровопускание, удушье, крайние температурные воздействия); 2) выполнение телом непривычных, необычных движений и положений, неадекватных и ненужных для эффективной деятельности в обычной реальности (ритуальные танцы, кружения дервишей, йогические асаны); 3) смена режимов функционирования тела (гиперактивность, релаксация, засыпание и др.).

Таким образом, тело обладает возможностью самотрансцендирования и способно опосредовать переход к необычным состояниям сознания и восприятию необычной реальности. Это доказывает и доминирование в древности телесно-динамических ритуалов, «в которых тело играло роль “моста” между профанным и сакральным мирами, было главным проводником религиозного опыта» [11, с. 569]. Примечательно, что ИСС,

индуцируемые телесной динамикой, привлекают внимание современных исследователей. В частности, изучается целительный потенциал ИСС, возникающих в процессе «танцевально-двигательной терапии» [12].

Другим важным аспектом человеческого существа является его *социальность*. Человек – существо социальное, встроенное в общество, взаимодействующее с другими его членами. Так, человек обнаруживает себя включенным не только в эмпирическую, но и в социальную реальность, также детерминирующую его своими порядками. Социальные порядки, идеалы, взаимодействия формируют и сознание членов общества, т.е. социализация происходит путем формирования такого сознания, которое адаптировано к требованиям общества и способно осуществлять эффективную коммуникацию в социальном пространстве. Мы должны обладать «сходным» сознанием, чтобы даже на речевом уровне взаимодействовать друг с другом. Этот тезис имплицитно устанавливает интерактивную парадигму, предполагающей «принципиальную взаимную согласованность состояния языкового сознания человека с его общим функциональным состоянием» [13, с. 231]. По мере изменения сознания изменяется и язык, выражаясь в словах и грамматических формах, несвойственных речи человека в обычном состоянии сознания. Изменяется структура предложений, употребление глагольных времен, падежей и т.д. По мнению Д. Л. Спивака, для каждого ИСС можно составить свой «разговорник». Причем, используя такой разговорник для общения с человеком, находящимся в соответствующем состоянии сознания, можно многократно повысить эффективность вербальной коммуникации [14]. Отсюда «установление наличия или отсутствия ИСС следует связывать с совершившимся фактом перехода на качественно своеобразный модус организации языковой способности и речевой деятельности» [13, с. 13].

Адекватная и успешная активность человека в социальной реальности – «коммуникационном пространстве» – становится возможной благодаря наличию «консенсусного» сознания. Такое сознание как общественный идеал не только выстраивает образцы коммуникации, но и осуществляет регулятивную функцию, формулируя нормы, контролирующие поведение человека в целом, способы и цели его деятельности. Эти нормы экстраполируются и на существование человека в эмпирической реальности, определяя способы ее восприятия и осмысливания, и на внутреннюю реальность. А. В. Россохин связывает ИСС с переходом «от социально-нормированной культурой форм категоризации к новым способам упорядочения внутреннего опыта и переживания» [15, с. 26].

По мнению исследователей, к способам продуцирования измененных и необычных состояний сознания можно отнести социальную изоляцию. Примеры преодоления социальности, снятия ее ограничений обнаруживаются в различных духовных практиках, в которых один из этапов духовного развития человека связан с отшельничеством, затворничеством, ретритом или обетом молчания. Практики инициирования НСС (в общепринятом смысле), разумеется, не должны отождествляться с духовными практиками, но могут лишь включаться в них как составная часть – в качестве психотехнического элемента. Однако снятие социальных влияний на сознание человека может рассматриваться как разрушение привычного мира, и в первую очередь социальной реальности. Это создает благоприятные условия для формирования состояния сознания, релевантного другому типу реальности, замещающему обычную реальность.

Пределные выражения НСС связаны с *трансперсональностью* человека. Трансперсональные области, в которых человек в необычных состояниях сознания себя обнаруживает, являют прекрасный пример необычной (альтернативной) реальности. Как характеристика человека трансперсональность проявляется при: 1) изменении человеком способов структуризации привычного пространства и времени; 2) трансцендировании вовлеченности в эмпирическую и социальную реальность; 3) трансформации схемы тела и способов проявления его активности; 4) реорганизации эго с его когнитивными, волевыми и ценностными структурами; 5) изменении корреляции между уровнями сознания.

Таким образом, проблема НСС высвечивает *многомерность* человека как отличительную характеристику, благодаря которой вообще становится возможным дискурс об этих состояниях сознания. Многомерность человека делает возможным его размыкание, изменение способа существования, преодоление давящей повседневности и переживание полноты собственного бытия, чувство подлинности трансцендентного и утрату ощущения «разорванности» бытия.

Многомерность выступала бы сама в качестве фактора «разорванности», фрагментарности человеческого бытия, если бы не было определенной целостности, некоего единства. Формы и способы бытия человека в различных типах реальностей настолько отличны и различны, а его возможные качества настолько разнообразны, что может сложиться ложное впечатление о наличии нескольких субъектов вместо одного, но речь идет об одном человеке и его состояниях. Поэтому человек как целостность есть то, что он *присваивает*, а его сущность выражается через *единство в опыте*. В завершённой форме это единство предстает, когда осознается, т.е. возвышается до уровня

сознания, разума. Именно поэтому главным этапом интенсивных психотехнологий (например, холотропной терапии С. Грофа) является не само получение переживания необычной реальности, а последующая интеграция этого опыта. Так как человек обнаруживается в обычной реальности, его единство и целостность реализуются, в том числе, путем осознания потенциала НСС, их продуктивных возможностей для гармонизации обычного существования.

Поскольку человек есть определенное единство в опыте, постольку можно констатировать наличие нитей взаимодействия, взаимовлияния, связующих друг с другом пары «состояние сознания – соразмерный тип реальности». Так, опыт, полученный в необычной реальности, наполняет смыслом обычную реальность. Такое определение близко формулировке У. Джеймса: «Видимый мир является лишь частью иного, духовного мира, в котором он черпает свой главный смысл» [16, с. 378]. Откровения, полученные в НСС, устанавливают ценностные ориентиры, дают новое понимание мира, себя и сферы человеческих отношений, формируют новые стратегии бытия-в-мире и бытия-с-другими. Станислав и Кристина Гроф на основании многолетней психотерапевтической практики заключают: «Люди, пережившие мощные трансформирующие переживания и успешно применившие их в своей повседневной жизни, демонстрируют весьма заметные изменения системы ценностей и жизненных ориентаций» [17, с. 359]. Биографии пророков, духовных учителей, а также случаи из медитативных и трансперсональных практик изобилуют соответствующими примерами.

Список литературы

1. *Спивак Л. И., Спивак Д. Л.* Измененные состояния сознания : типология, семиотика, психофизиология // *Сознание и физическая реальность*. 1996. Т. 1, № 4. С. 48–55.
2. *Vaitl D. et al.* Psychobiology of Altered States of Consciousness // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131, № 1. P. 98–127.
3. *Козлов В. В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. М., 2005. 544 с.
4. *Лекторский В. А.* Сознание // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. Т. III. М., 2010. С. 589–591.
5. *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 129–193.
6. *Rock A., Krippner S.* Does the Concept of «Altered States of Consciousness» Rest on a Mistake? // *International Journal of Transpersonal Studies*. 2007. Vol. 26. P. 33–40.
7. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // *Проблема человека в западной философии* : переводы. М., 1988. С. 96–151.

8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 608 с.
9. Kjellgren A., Lyden F., Norlander T. Sensory Isolation in Flotation Tanks : Altered States of Consciousness and Effects on Well-being // *The Qualitative Report*. 2008. Vol. 13, № 4. P. 636–656.
10. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии : переводы. М., 1988. С. 152–201.
11. Пелипенко А. А., Хачатурян В. М. Измененные состояния изменяющегося субъекта в контексте кризиса логоцентризма // Субъект во времени социального бытия : историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции. М., 2006. С. 569–586.
12. Woods A. The Use and Function of Altered States of Consciousness within Dance/Movement Therapy : A Thesis for the degree of Master of Arts. Philadelphia, 2009. 128 p.
13. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания : психология и лингвистика. СПб., 2000. 296 с.
14. Спивак Д. Л. Матрицы : пятая проза? (Филология измененных состояний сознания) // Родник. 1990. № 9. С. 15–19.
15. Россохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания : интросознание в психоанализе. М., 2010. 304 с.
16. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. 432 с.
17. Гроф С., Гроф К. Эпилог : духовные критические ситуации и глобальный кризис // Гроф К. Духовный кризис : когда преобразование личности становится кризисом. М., 2003. С. 357–360.

Nonordinary States of Consciousness as a Problem of Philosophy

P. A. Gordeyev

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: p.a.gordeev@yandex.ru

The article develops philosophical aspect of the problem of nonordinary states of consciousness research. The demarcation of terms «altered states of consciousness» and «nonordinary states of consciousness» is based on their phenomenology. Ontology and philosophical anthropology are the context of philosophical comprehension of this problem. The statement about the connection of the problem of nonordinary states of consciousness with human nature and constitution and ultimate states is taken for the initial point. The author expresses the idea of multidimensionality of human existence in connection to types of realities, which are commensurate with different states of consciousness. The main conclusion is that nonordinary states of consciousness are connected to the going beyond the limits of usual empiric and social reality. At the end the author speculates about the possibility to integrate nonordinary states of consciousness into a person's comprehensive system of experience.

Keywords: nonordinary states of consciousness, altered states of consciousness, states of consciousness, philosophy of consciousness, types of realities, nonordinary reality, multidimensionality of a human.

References

1. Spivak L. I., Spivak D. L. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: tipologiya, semiotika, psikhofiziologiya* (Altered States of Consciousness: Typology, Semiotics, and Psychophysiology). *Soznaniye i fizicheskaya realnost* (Consciousness and Physical Reality), 1996, vol. 1, no. 4. pp. 48–55.
2. Vaitl D., Birbaumer N., Gruzelier J., Jamieson G., Kotchoubey B., Kubler A., Lehmann D., Miltner W., Ott U., Putz P., Sammer G., Strauch I., Strehl U., Wackermann J., Weiss T. Psychobiology of Altered States of Consciousness. *Psychological Bulletin*, 2005, vol. 131, no. 1, pp. 98–127.
3. Kozlov V. V. *Psikhotekhnologii izmenennykh sostoyaniy soznaniya* (Psychotechnologies of Altered States of Consciousness). Moscow, 2005. 544 p.
4. Lektorskiy V. A. *Soznaniye* (Consciousness). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* (New Philosophical Encyclopedia), vol. 3. Moscow, 2010, pp. 589–591.
5. Scheler M. The Human Place in the Cosmos. Evanston, 2009. 79 p. (Russ. ed.: Sheler M. *Polozheniye cheloveka v Kosmose*. Sheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* {Selected Writings}. Moscow, 1994, pp. 129–193).
6. Rock A., Krippner S. Does the Concept of «Altered States of Consciousness» Rest on a Mistake? *International Journal of Transpersonal Studies*, 2007, vol. 26, pp. 33–40.
7. Plessner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* (The Levels of the Organic and Man. Introduction to Philosophical Anthropology). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* (The Problem of Man in Western philosophy: Translations). Moscow, 1988, pp. 96–151.
8. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. N.Y., 2012, 696 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, 1999. 608 p.).
9. Kjellgren A., Lyden F., Norlander T. Sensory Isolation in Flotation Tanks: Altered States of Consciousness and Effects on Well-being. *The Qualitative Report*, 2008, vol. 13, no. 4, pp. 636–656.
10. Gehlen A. O sistematike antropologii (About Systematics of Anthropology). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* (The Problem of Man in Western philosophy: Translations). Moscow, 1988, pp. 152–201.
11. Pelipenko A. A., Khachaturyan V. M. *Izmenennyye sostoyaniya izmenyayushchegosya subyektu v kontekste krizisa logotsentrizma* (Altered States of Altering Person in the Context of Logocentrism Crisis). *Subyekt vo vremeni sotsialnogo bytiya: istoricheskoye vypolneniye*

- prostranstvenno-vremennogo kontinuumu sotsialnoy evolyutsii* (The Subject in the Time of Social Existence: Historical Realization of Social Evolution's Space-Time Continuum). Moscow, 2006, pp. 569–586.
12. Woods A. *The Use and Function of Altered States of Consciousness within Dance/Movement Therapy: A Thesis for the degree of Master of Arts*. Philadelphia, 2009. 128 p.
  13. Spivak D. L. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* (Altered States of Consciousness: Psychology and Linguistics). St. Petersburg, 2000. 296 p.
  14. Spivak D. L. *Matritsy: pyataya proza? (Filologiya izmenennykh sostoyaniy soznaniya) (The Matrixes: Fifth Prose? (Philology of Altered States of Consciousness))* *Rodnik* (The Spring), 1990, no. 9, pp. 15–19.
  15. Rossokhin A. V. *Refleksiya i vnutrennyy dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya: Intersoznaniye v psikhooanalize* (Reflection and Inner Dialog in Altered States of Consciousness: Inter-Consciousness in Psychoanalysis). Moscow, 2010. 304 p.
  16. James W. *The Varieties of Religious Experience*. Lexington, KY, 2009, 284 p. (Russ. ed.: Dzheyms U. *Mnogoobraziye religioznogo opyta*. Moscow, 1993. 432 p.).
  17. Grof S., Grof C. Epilogue: Spiritual Critical Situation and The Global Crisis. *Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis*. Los Angeles, 1989, p. 233–235. (Russ. ed.: Grof S., Grof K. *Epilog: Dukhovnyye kriticheskiye situatsii i globalnyy krizis* *Dukhovnyy krizis: Kogda preobrazovaniye lichnosti stanovitsya krizisom*. Moscow, 2003, pp. 357–360).

УДК 111

СООТНОШЕНИЕ ТЕЛА И ДУХА – КЛЮЧ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Das Verhältnis von Körper und Geist – ein Schlüssel für die Bestimmung der menschlichen Identität)

(Окончание. Начало в № 2 за 2013 г.)

Р. Катер

Катер Регине – доктор философии, профессор кафедры философии, Университет Фрайбурга/Брейсгау, Германия
E-mail: regine.kather@philosophie.uni-freiburg.de

В статье дается анализ в настоящее время доминирующего одностороннего определения личности через *самосознание*; тело имеет значение только благодаря его биологическим функциям. В контексте неокантианской философии Эрнста Кассирера проводится параллель между телом и душой, которая определяется как *символическое отношение*. Посредством тела чувства и намерения могут восприниматься и пониматься, в том числе, исходящие и от Других. Символическое выражение есть условие возможности *интерсубъективности*, которая включает в себя действия, намерения и чувства. Личность должна рассматриваться как единство тела и духа, которое в существенной степени связано с другими личностями и *природой*. Этика должна учитывать и эти аспекты, чтобы защитить целостность и неприкосновенность личностной жизни человека.

Ключевые слова: самосознание, тело, символическое отношение, интерсубъективность, природа, этика.

III. Одухотворенное тело как основа интерсубъективности

Представитель естествознания мог бы, естественно, все еще попытаться объяснить мимическое выражение разного рода состояний чувств и движений рук и ног, включая те, которые проявляются как поведение и как действие, вызванное нейронными, а тем самым электрохимическими процессами. Тест на способность

выполнять физиологические функции, например, в состоянии ли еще данное лицо с определенным заболеванием взять в руки стакан, и какое-либо действие, для понимания которого решающей является целенаправленность, анализировались бы по той же схеме категорий. Направленность ограничивалась бы исходной каузальной связью.

Однако в этом случае понятие выражения было бы уменьшено на решающую размерность: когда направленность выражается посредством тела, то она воспринимается и *Другими*, и понимается в своем значении. Движение выражения самого себя, следовательно, только первый, решающий шаг к отношению с другими. При этом мы делаем вывод не по истечении какого-то периода времени, а по аналогии, – от, прежде всего, пространственно-вещественного существования тела по отношению к духу, упрятанному в нем «как в коробочке» и доступному лишь интимно собственной внутренней жизни. Не физически определяемая частота голоса, а значение слов есть основа беседы. Когда мы встречаем друга, мы интерпретируем движение его руки как приветствие, на которое мы отвечаем, а не как угрожающий жест, которому мы противодействуем. Даже язык сообщается телом путем сказанного слова, которое становится слышно, путем написанного,

которое становится видимым, или, в случае языка глухонемых – путем жестов руками и пальцами. Не физиология тела, а только смысл выражения посредством тела решает, как мы ведем себя по отношению к своему визави. «Смысл жестов дан не просто так, он хочет быть понятым, активно определяться <...> Коммуникация, понимание жестов основывается на взаимном соответствии моей направленности и жестов Других, моих жестов и жестов в поведении другой проявляющейся направленности» [1, с. 219]. Только через способность выражаться символами посредством тела люди могут общаться друг с другом. Поэтому и диалог невозможно ограничить до логически сформулированного, ментального содержания или чисто рациональных аргументов; понимаются всегда и жесты, и взгляды, сопровождающие слова. И высказываемое ими не обязательно должно совпадать с высказываемыми словами. Таким образом, на способности выражения символами основывается и возможность осознано или неосознано вводить в заблуждение Другого. Тогда тело получает выражение, не соответствующее внутреннему состоянию. Поэтому тело никогда не является лишь телом для меня, а всегда является телом, находящимся в связи с другими, и фундаментальным условием возможности коммуникации.

Естественно, нельзя ограничивать общение обменом определенным содержанием. Вместе с выражением символами всегда сообщается и специфическая целенаправленность субъекта, его манера смотреть на мир. Исходя из этого, в символике тела также воспринимается и присутствие другого лица. Жан-Поль Сартр впечатляюще показал в своем анализе взгляда, что через содержащуюся в нем направленность раскрывается присутствие другого и существенный аспект собственной направленности [2, с. 338–463]. Если бы, говорит Сартр, можно было обращаться с другим, как с какой-либо вещью, тогда его можно было бы описать лишь понятиями, которые используются в отношении неживых (неодушевленных) вещей: он, например, удален от стульев на расстояние двух метров, оказывал бы определенное давление на пол и излучал бы определенную температуру. Хотя у него, например, есть глаза, на которые попадают световые лучи, он ничего бы не понимал в отношении мира. Он открылся не тому, кто фотографически точно отображает его во всей его реальности, а тому, для кого вещи проявляются в своих качественных параметрах и в своем значении. Однако для стороннего наблюдателя определяемо только то, что вещи определенным образом обращаются к другому (человеку). Хотя мы знаем, что и он видит зелень травы и может даже рассчитать угол, под которым свет падает в его глаза, но мы не знаем, как он это видит и какое значение это имеет для его переживания и его интереса.

При этом он может смотреть не только на вещи, но и на какого-нибудь человека. Если на человека упадет взгляд другого человека, то первый чувствует буквально собственным телом (на собственной шкуре. – *пер.*) присутствие другого сознания. Невозможно внутренне дистанцироваться от своего тела и успокаивать себя тем, что взгляд другого падает только на внешнюю оболочку, «телесную машину», но не на самого тебя как личность. Во взгляде Другого тело проявляется как факт собственной идентичности. Исходя из этого, функционально физическое бытие тела, которое (бытие) можно анализировать с естественно-научной точки зрения, не идентично с чувственным присутствием тела, которое чувствует себя затронутым намеренностью постороннего сознания.

Одновременно с этим и присутствие Другого посредством его взгляда становится непрерываемой достоверностью: взгляд является не взглядом «ниоткуда», а взглядом «кого-то». В то время как глаза можно описать с естественно-научной точки зрения как зрительные органы, действие взгляда можно понять только на основании намеренности, которая в нем проявляется. Но поскольку ее невозможно научно «овеществить», то она подтверждает присутствие Другого, для которого, как и для собственного сознания, намеренность является определяющей. «Взгляд Другого скрывает его глаза, он, как кажется, находится *перед ними*. Этот обман происходит от того, что глаза как предметы моего восприятия пребывают на определенном расстоянии, которое раскрывается от меня к ним <...> в то время как взгляд без расстояния покоится на мне. Я не могу рассматривать взгляд, который Другой бросает на меня, как возможную демонстрацию его объективного бытия. Связь, которую я называю “рассматриваться Другим”, представляет собой необратимый факт, который нельзя вывести ни от Другого как Объект, ни от меня как Субъект» [2, с. 343–345].

Даже не делая выводов относительно структуры интерсубъективности, которую Сартр выводит из анализа взгляда, можно сказать: для развития собственной намеренности недостаточно идентификации с собственными интересами. Личностью человек никогда не становится только через самого себя или через отношение к вещам, системам и функциям. Перспективе рассматривания первого лица первично соответствует перспектива рассматривания второго лица, не «Он», «Она» или «Оно», а «Ты». Только через обмен обращения и ответа человек начинает осознавать самого себя. Он мог бы совершенно не понимать себя как некое «Я», если бы он не был постоянно соотносен с другим человеком как какое-либо «Ты». Развитие сознания, языка и соучастия, а вместе с этим и способности артикулировать свои интересы происходит только в живом обмене с другими лицами. Исходя из этого, условие возможности индивидуального сознания есть встреча с другим,

чужим сознанием. Человек, как ясно показывают Мартин Бубер и Карл Ясперс, только при понятии «Ты» становится понятием «Я». «Я только в коммуникации с Другим. Таким образом, одно единственное, изолированное сознание было бы без передачи сообщения, без вопроса и ответа без самосознания. Оно должно узнавать себя в другом “Я”. В коммуникации, через которую я вижу себя затронутым, Другой есть только *этот* незаменимый Другой» [3, с. 50, 55; 4, с. 70, 80].

Поэтому то, что есть Другой, мы знаем не только через проведение аналогии от себя к другим, подобно выглядящим существам. Это с точностью до наоборот: уже о себе самих мы знаем только на основании связи с ними. Таким образом, какая-либо личность никогда не может пониматься как изолированная, относящаяся только к самой себе сущность, которая только сложными окольными путями приходит к результату, что она в этом мире не одна. Личности находятся в существенной степени в связи с другими личностями. Как формулирует Макмаррей, «личность может существовать только тогда, когда их, по меньшей мере, две» [5, с. 162].

В *этическом* отношении основание идентичности предполагается в диалогической связи с Другими: знать себя вообще как данного человека, которого невозможно перепутать с кем-либо, и постоять за себя перед лицом Другого. Способности видеть себя как «Я» соответствует способность распознавать и признавать другого человека как персональное визави. Исходя из этого, мы ответственны одновременно перед собой и Другим. Уметь преподнести себя и выслушивать Другого есть две стороны одного движения. «“Ты”, – как пишет Фердинанд Эбнер, – это “возможность обращения” в Другом, и она также относится к сущности личности как возможность высказаться, в которой так же дано “Я”» [6, с. 17]. Из взаимного признания личностей можно вывести и обязанности.

Признание других личностей приобретает значение, естественно, не только с пробуждающимся самосознанием. Так как нельзя отделить друг от друга телесно-физическое и душевно-духовное развитие, то собственная биография развивается с самого начала в связи с Другими. Уже отдельная клетка обладает зачаточной чувствительностью к раздражителям, которой нет у какого-либо кристалла. С образованием и переплетением нервных клеток уже очень рано в лоне материнского тела у ребёнка появляется способность к зачаточным ощущениям, которые все более дифференцируются. Они опять же вызывают при обратной связи сплетение нервных клеток в развивающемся мозге. При этом первое, что чувствует дитя в материнском теле, это «тело Другого» [1, с. 400] с чувствами и поведением. Таким образом, функционально физическое тело, как и эмоциональные влияния, которым дитя под-

вергается в данной жизненной фазе, оказываются подсознательно и на взрослого. Даже не приходя на память осознанно, позднее они воздействуют на качество переживания и оценку событий. Участвуя в определении всех последующих жизненных решений, они становятся неотъемлемой частью осознанной биографии. Поэтому история личности начинается не с разрыва пуповины при рождении или с развитием осознания своего «Я» на втором году жизни. Она начинается гораздо раньше, в какой-то момент в материнском теле.

Если собственная идентичность в существенной степени определяется и из связи с Другими, то она уже опирается не только на то, что даже для *одного* является существующим в настоящий момент. Другие могут напоминать *ему* о событиях, которые забылись, и свидетельствовать о случаях поведения, которые *им самим* (еще) не были осознаны. Возможность выступления в качестве свидетеля, известная из юридической сферы, имеет не только личностные, но и правовые последствия, которые подчеркивал еще Лейбниц против Локка.

«Если болезнь такого рода вызвала прерывание периода нахождения в сознании настолько, что я не знаю, как я пришел в существующее состояние, хотя я мог бы вспомнить о более отдаленных вещах, то провал в моей памяти могло бы заполнить свидетельское показание. На основании этого свидетельского показания меня можно было бы даже наказать, если бы я в тот период времени преднамеренно совершил что-либо худое, о котором я вскоре забыл бы вследствие этой болезни. И если я забыл бы все предыдущие вещи и был бы вынужден учиться всему заново вплоть до своего имени и вплоть до чтения и письма, то, тем не менее, я всегда мог бы узнать от других о моей прошедшей жизни в моем предшествующем состоянии, как я сохранил свои права, даже если это было бы обязательно, разделиться на две личности и стать наследником себя самого» [7, с. 407–409; 8].

В случае длительного бессознательного состояния не обязательно самому выяснять вопросы «своего унаследования себя самого». Кроме того, диалогическая размерность собственной идентичности включает в себя то, что мы видим себя ответственными за Других как раз тогда, когда они не могут принимать решения самостоятельно.

Привязанность к телу имеет, естественно, две стороны: с одной стороны, тело – это существенная основа коммуникации, с другой стороны, оно делает человека ранимым не только с телесной точки зрения, но и с точки зрения душевной (ср.: в особенности Г. Бёме [9]). Это подтверждает и повседневный опыт: то, что человек «заходит слишком далеко», следует понимать не только в переносном смысле, но и в буквальном. Если кто-либо переступает определенный пространственный порог, у другого возникает неприятное ощущение. Взгляды фиксируют и вызывают чувство, как будто человек оказался в беспомощном

состоянии. Человека может разрушить не только насилие через тело, но и намерение, присутствующее в определенных действиях. Последнее лишает его того, что делает его человеком: как предмет чужой воли он теряет уважение к самому себе: он ломается.

Эта беззащитность является, естественно, лишь оборотной стороной возможности утешить объятиями, передать чувство защищенности и тепло, обменяться нежностью и любовью. Любят не гены или мозг, а лицо, и лицо со своим особым выражением и его жизненной историей; оно обращается к кому-то и пробуждает интерес, сочувствие или же отвращение. Невозможно отрицать и значение телесно-физического контакта для детей, который способствует у них развитию чувства самого себя. В этой связи и тело никогда не было и не будет, в первую очередь, способным к функционированию в качестве организма, который когда-либо воспринимался и Другими. Тело с самого начала есть тело *вместе с Другими*.

IV. Философские и этические импликации и перспективы

В конце концов, с отношением тела и души меняется и отношение к окружающему миру. Посредством своего тела любая личность является неотъемлемой частью природы, в которой она участвует на основании квалифицированных перцепций, через восприятие цветовых оттенков и запахов, боли и приятного самочувствия.

Но нельзя ли столь же хорошо понимать мир без чувственных качеств? Апории, к которым ведет эта попытка объяснить весь мир при помощи естественно-научных теорий, подтверждает многократно дискутируемый эксперимент мысли: следует представить себе определенную личность по имени Мэри, которая с рождения не имела доступа к внешнему миру. Посредством современных технологий по переработке информации она могла бы обрести все мыслимые теории о мире. Но если бы у нее однажды появилась возможность увидеть мир во всем многообразии его цветовых оттенков и форм, узнала бы она что-то принципиально новое? Может быть, расширился бы не только ее интеллектуальный горизонт, но и ее жизнь чувств, и изменилось ли бы ее отношение к миру?

В отличие от гомогенного, с одинаковыми формами пространства физики, переживаемое пространство классифицируется через чувственные качества. Они, естественно, являются не только производными собственного сознания, хотя природу стоило бы описывать как взаимосвязь, строго подчиняющуюся природным законам. Они порождаются из особого отношения существующих живых людей к своему окружающему миру, который, в свою очередь, образуется из множества живых существ. Если смотреть на человека как на продукт эволюции, тогда уже в природе без существования в ней человека должны быть историче-

ски предшествующие формы его возможностей выражения. Тогда сфера *Живущего* проявляется как поле образов выражения, в которых, пусть в зачаточном состоянии, существуют качества и значения, которые обладают вещью для других живых существ. Исходя из этого, речь о языке природы не является ни простой метафорой, ни антропоморфизмом. Она основывается на признании подчеркнутого Дарвином положения, что с эволюцией жизни произошла и эволюция внутреннего мира [10, с. 11–33].

«В громком возмущении по поводу оскорбления, которое нанесло достоинству человека учение о животном происхождении, было упущено, что по тому же принципу всему царству жизни было что-то возвращено от его достоинства. Если человек состоит в родстве с животными, то тогда и животные состоят в родстве с человеком и, соответственно, являются в определенной степени носителями той внутренней сущности, которую человек <...> осознал в самом себе <...> Но если внутренняя сущность совпадает с жизнью, то тогда <...> интерпретация одними понятиями внешней сущности не может быть достаточной» [10, с. 17]).

Под этой предпосылкой человек на основании своего генетического родства с другими живыми существами может понимать их выражение, по меньшей мере, в пределах определенных границ. Благодаря этому становится возможной межвидовая коммуникация между живыми существами [11, с. 41], в особенности между животными и людьми, и одними и другими животными.

Малоизвестно то, что уже Дарвин из родства человека и животного сделал и этические выводы: «Идея гуманности, кажется, все больше развивается при всевозрастающем рафинировании и расширении нашего благополучия, пока она не достигнет своего пика с распространением его на все чувствующие существа» [11, с. 41].

Уже у животных, – как в связи с этим по праву подчеркивал еще Гердер, – есть язык, на котором они членораздельно общаются, чтобы подавать сообщения и другим живым существам. Исходя из этого, измененная концепция личности является и основой для философии природы, в которой функционально физическое тело невозможно ограничить научно-физическим пониманием.

В том числе и при встрече с нечеловеческой природой люди еще раз знакомятся с собой с новой стороны. В отличие от социального мира, устройство природы не является творением человека. Понимая самого себя на основе отношения к ней, человек мерит себя масштабом, который основывается не только на консенсусе. Благодаря этому он учится в соответствии со своими возможностями и пределами лучше себя оценивать. Таким образом, возникает и этически релевантный вопрос: имеет ли природа в своем собственном бытии определенную собственную значимость, к которой следует относиться с уважением?

И на вопрос «Существуют ли нечеловеческие личности?» можно ответить несколько иначе, чем представляет это Петер Зингер. Благодаря эмпирическим исследованиям с шимпанзе уже документально зафиксировано, что, по меньшей мере, они достигают состояния сознания двух-четырёхлетнего человеческого ребенка. Шимпанзе узнают свое тело в зеркале; они заучивают несколько сотен слов, очевидно, понимают их смысл и могут изобретать новые слова; они используют, изобретают и передают друга от друга простые инструменты и уже могут целенаправленно вводить в заблуждение своих соплеменников. В том числе и бонобо, карликовые шимпанзе, которые в ряду эволюции предков, предположительно, стоят к человеку ближе всех, орангутанги и, возможно, некоторые виды китов обнаруживают манеры поведения, которые мы в иных ситуациях наблюдаем только у человеческих личностей.

Исходя из этого, было бы неверно связывать право на жизнь только с принадлежностью к виду «человек» и тем самым с биологическими механизмами, а духовные способности – не замечать [12, с. 264].

«Права личности – это права человека. И если в универсуме обнаружатся другие природные виды, которые живы, обладают чувствующей внутренней сущностью и взрослые экземпляры которых часто обладают рациональностью и самосознанием, тогда мы должны бы также признать личностями не только их, но и все экземпляры этого вида» [12, с. 264].

Естественно, ожидание, что *человеческие* и *нечеловеческие* личности совершенно равны по своим духовным свойствам, на данный момент воспринимаются в литературе как неверные, если в качестве фактора личностной идентичности рассматривать функционально физическую конституцию тела, т.е. вполне могли бы быть и нечеловеческие личности, которые, естественно, в каком-либо отношении обладали бы и несколько другими формами выражения.

Подведем итоги: если рассматривать тело в перспективе третьего и первого лица, как способный функционировать физиологический организм и как символическое выражение чувств и намерений, понимание личности меняется принципиально. Личность должна рассматриваться как единство тела и духа, она посредством своего

тела в существенной степени связана с другими личностями и с нечеловеческой природой. Как выражение внутреннего мира тело становится средой коммуникации и квалифицированной формой раскрытия мира. Таким образом, уважение к Другому относится не только к осознанно артикулируемым интересам и социальным функциям, но и к его целостности относительно тела. К этому относится *притязание* не только на защиту от медицинских экспериментов, пыток и жестокого обращения, но и на заботу о такой окружающей среде, которая позволит человеку выжить и помимо того вести качественно хорошую жизнь. Поскольку тело связывает человека как с устройством природы, так и со сферой культуры, он в ответе и за первое, и за второе.

Перевод с нем. Л. И. Тетюева

Список литературы

1. Merleau-Ponty M. Phänomenologie der Wahrnehmung. Berlin, 1966. 535 s.
2. Sartre J.-P. Das Sein und das Nichts. Versuch einer phänomenologischen Ontologie. Reinbek b. Hamburg, 1962. 785 s.
3. Jaspers K. Philosophie II: Existenzerhellung. Berlin/Heidelberg ; N.Y., 1973. 440 s.
4. Bauer J. Das Gedächtnis des Körpers. Wie Beziehungen und Lebensstile unsere Gene steuern. Zürich, 2005. 272 s.
5. Hick J. Religion. Die menschlichen Antworten auf die Frage nach Leben und Tod. München, 1996. 462 s.
6. Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Frankfurt/M., 1980. 293 s.
7. Leibniz G. W. Von den Ideen 27 § 9 // Philosophische Schriften in 3 Bd. Darmstadt, 1985. Bd. 3. 703 s.
8. Locke J. Über den menschlichen Verstand : in 2 Bd. Buch. Über die Ideen, Hamburg, 1988. 484 s.
9. Böhme G. Leibsein als Aufgabe. Leibphilosophie in pragmatischer Hinsicht. Zug, 2003. 402 s.
10. Jonas H. Evolution und Freiheit // Jonas H. Philosophische Untersuchungen und metaphysische Vermutungen. Frankfurt/M. ; Leipzig, 1992. 256 s.
11. Darwin C. Ursprung und Entwicklung der moralischen Gefühle // Bayertz K. (Hg.) Evolution und Ethik. Stuttgart, 1993. S. 37–48.
12. Spaemann R. Personen. Versuche über den Unterschied zwischen 'etwas' und 'jemand'. Stuttgart, 1998. 275 s.

The Relation of Body and Mind – a Fundamental Issue concerning Human Identity

R. Kather

Universität Freiburg i. Br., Deutschland
Werthmannplatz, 3, 79085 Freiburg, Germany
E-mail: regine.kather@philosophie.uni-freiburg.de

The actual debate on human identity is dominated by a one-sided definition of person: It focuses on rationality, language and consciousness of time, in brief on self-consciousness. The relevance of the body is constrained to its physiological functions. Yet as lived body it is also an expression of the inner life, of feelings, emotions and mental acts. As expression of the variety of intentional acts the relation of body and mind can be defined as a symbolic relation, as Ernst Cassirer, an important representative of neo-Kantianism, argues. By means of the bodily expression the

inner life can be observed by fellow humans and the higher animals who can respond to its meaning by their own actions. Therefore the bodily expression of intentional acts is the necessary condition of intersubjectivity which embraces concrete actions, speech and emotions. The lived body is not the means of communication but its medium. Due to the bodily expression of intentional acts humans are not only essentially related to fellow humans, the relation to nature changes, too. As unity of body and mind persons are related essentially to fellow humans and to the whole range of nature. If human integrity has to be preserved, ethics must also deal with these relations.

Key words: self-consciousness, body and especially lived body, symbolic relation, intersubjectivity, nature, ethics.

References

1. Merleau-Ponty M. *Phänomenologie der Wahrnehmung*. (Phenomenology of Perception). Berlin, 1966. 535 s.
2. Sartre J.-P. *Das Sein und das Nichts. Versuch einer phänomenologischen Ontologie*. (Being and Nothing. An Essay on Phenomenological Ontology). Reinbek b. Hamburg, 1962. 785 s.
3. Jaspers K. *Philosophie II: Existenzhellung*. (Philosophy II: On Human Existence). Berlin; Heidelberg; New York, 1973. 440 s.
4. Bauer J. *Das Gedächtnis des Körpers. Wie Beziehungen und Lebensstile unsere Gene steuern*. Zürich, 2005. 272 s.
5. Hick J. *Religion. Die menschlichen Antworten auf die Frage nach Leben und Tod*. (An interpretation of religion: humanity's varied response to the transcendent.). München, 1996. 462 s.
6. Ebner F. *Das Wort und die geistigen Realitäten*. (The Word of God and the Spiritual Reality). Frankfurt/M, 1980. 293 s.
7. Leibniz G. W. Von den Ideen 27 § 9. *Philosophische Schriften* : in 3 Bd. (Philosophical Writings in 3 vol. Bd. 3.1/2). Darmstadt, 1985, pp. 407–409.
8. Locke J.: *Über den menschlichen Verstand*, (Essay on Human Understanding) : in 2 vol. Vol. 2. *Über die Ideen*. Hamburg, 1988. 484 s.
9. Böhme G. Leibsein als Aufgabe. Leibphilosophie in pragmatischer Hinsicht (The Lived Body as challenge. Philosophy of the Lived Body in pragmatical Respect.) Zug, 2003. 402 s.
10. Jonas H. Evolution und Freiheit (Evolution and Freedom). Jonas H. *Philosophische Untersuchungen und metaphysische Vermutungen*. (Philosophical Inquiries and Metaphysical Assumptions). Frankfurt/M; Leipzig, 1992, pp. 11–33.
11. Darwin C. *Ursprung und Entwicklung der moralischen Gefühle* (The Origin and the Evolution of Moral Feelings). Bayertz K. (Hg.) *Evolution und Ethik* (Evolution and Ethics). Stuttgart, 1993, pp. 37–48.
12. Spaemann R. *Personen. Versuche über den Unterschied zwischen 'etwas' und 'jemand'* (On Persons. Essay on the Difference between 'something' and 'somebody'). Stuttgart, 1998. 275 s.

УДК 101.1:316

ДИАДА «ИДЕНТИЧНОСТЬ—ОТЧУЖДЕНИЕ» В СИНТАГМЕ К. МАРКСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. С. Краснов

Краснов Антон Сергеевич – кандидат философских наук, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы осмысления феномена идентичности в диалектической связи с феноменом отчуждения в западноевропейской философской традиции. Особое внимание уделяется артикуляции идентичности и отчуждения в единую диаду К. Марксом. Предпринята попытка в свете марксистских представлений раскрыть содержание диады «идентичность—отчуждение» применительно к человеческому бытию в условиях современного капиталистического общества. Представляется, что в реалиях современного капитализма процесс самоотчуждения не минует никого. Отчуждению и утрате собственной идентичности в равной мере подвластны как пролетариат, так и буржуазия. Отмечается, что современный капитализм продуцирует новую форму идентичности – «негативную идентичность».

Ключевые слова: идентичность, отчуждение, Гегель, Маркс, Энгельс, капитализм, пролетариат.

Феномен идентичности и тесно связанные с ним процессы идентификации и самоидентификации – как в условиях современной капиталистической социальной реальности, так и в поле субъектного становления и самопознания индивида, обретения им своей самости – не являются новацией и известны философии со времён античности. За столь продолжительную историю своего существования категория «идентичность» тесно коррелировала с категориями «тождество» и «самосознание», образуя с ними единое когнитивное пространство философской рефлексии.

Изначально категория «идентичность» использовалась Аристотелем в артикуляции «тождество», которое сам Стагирит наделял он-

тологически фундаментальным значением. В Новое время «идентичность» осмысливается не в форме логического тождества « $A \equiv A$ » классической логики Аристотеля, но как «самосознание» в синтагмах представителей эмпиризма Дж. Локка и Д. Юма. В дальнейшем понятие идентичности разрабатывается в феноменологическом аспекте Ф. Шеллингом и Г. Гегелем. Для Шеллинга самосознание есть системообразующая, универсальная категория, являющаяся «...единым абсолютным актом» [1, с. 79]. Деятельностный аспект самосознания состоит для Шеллинга в абстрактно-рефлексивном отношении «Я» и конструировании эйдетической деятельности самого «Я», которая отождествляется с реальностью. Гегель не наделял самосознание онтологическими и гносеологическими свойствами системообразующего фактора. По его утверждению, самосознание есть точка бифуркации в развитии «субъективного духа» – человеческого сознания, в которой самосознание образует дефинитивную диаду: оно есть, с одной стороны, познание сознанием самого себя, с другой – самоопределение сознания по отношению к внесубъектному миру.

Существенно, что Гегель впервые в истории философской мысли ставит проблему *отчуждённой* идентичности и начинает разрабатывать её в пространстве диалектической диады «идентичность – отчуждение». Категория отчуждения в пространстве философии Гегеля не однозначна. По традиции гегелевское понимание отчуждения рассматривают в контексте процесса объективации Абсолютного духа в природные и исторические начала, а также в контексте диалектики субъективного и объективного духа. Впервые в истории философии Гегель вкладывает в онтологическую основу и первичную детерминанту объективного наличного отчуждения не естественные права, отчуждаемые суверену (Дж. Локк, Т. Гоббс и пр.), а реальную, отчуждённую в результате деятельности человеческую сущность. Д. Лукач совершенно справедливо заметил, что категория «отчуждения» есть центральная категория гегелевской «Феноменологии духа». На наш взгляд, отчуждение есть центральная категория всей философской системы Гегеля, которая в пространстве гегелевской мысли делает диалектичным всё бытие.

К. Маркс, следуя Гегелю, имплантирует категорию отчуждения в методологический центр своей диалектико-материалистической системы, однако решительно переносит её из пространства бесконечной самообъективации и самопостижения гегелевского Абсолютного духа в пространство социальных отношений, конституированных капиталистическим способом производства. При этом он так же, как и Гегель, видит онтологические корни отчуждения в том, что раб является рабом лишь постольку, поскольку весь

объём его трудовой деятельности отчуждается в пользу господина. Однако в этом пункте пути Гегеля и Маркса расходятся, поскольку Маркс не выстраивает дальнейшего надмирового развития Абсолютного духа, он изначально отрицает его наличие, упрекая Гегеля в «мистицизме» и пр. Последний аспект, где Маркс следует гегелевской мысли, – это принятие и дальнейшее развитие диалектической пары «отчуждение – идентичность», которую Маркс трактует через понятие родовой сущности человека.

В марксистской синтагме идеальная модель человека как творца своей материальной жизни и всего социального организма и одновременно как исходной, отправной точки воспроизводства исторического процесса являет собой самодостаточную личность, полностью соответствующую своей родовой человеческой сущности – идентичности. Предпосылкой утраты человеком своей родовой сущности в марксистской синтагме является возникновение частной собственности, которую Ф.Энгельс характеризовал так: «Собственность – природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу – возводится благодаря этому на трон, и, в конечном счёте, чтобы завершить это отчуждение, деньги – отчуждённая, пустая абстракция собственности, – делают властелином мира» [2, с. 605]. Эта фраза Энгельса в некотором смысле повторяет мысль молодого Маркса: «Чем ничтожнее твоё *бытие*, тем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё *имущество*, тем больше твоя *отчуждённая* жизнь...» [3, с. 68].

Попробуем проанализировать и соотнести основные постулаты марксистской теории с реалиями современного капиталистического общества. При этом будем следовать марксовой традиции в вопросах социально-классовой стратификации, т.е. выстраивать феномен идентичности, а также его диалектическую противоположность – отчуждение – на социальных отношениях и социальной метафизике, обусловленных наличием антагонистических классов и способом материального производства.

Маркс совершенно точно заметил, что в условиях капиталистического общества, где общественные отношения конституируются логикой капитала, любая деятельность человека, не являющегося собственником средств производства и вынужденного продавать свою рабочую силу, т.е. пролетария, является отчуждающей, элиминирующей его родовую сущность (идентичность). Гений Маркса проявился в раскрытии им товарного фетишизма как одной из субстанциональных основ наличного бытия всей капиталистической системы, которая в силу своего онтологического статуса всегда следует «логике капитала». Если говорить кратко, для Маркса товарный фетишизм – это персонализация товаров, вещей и деперсо-

нализация человека, оборачивающаяся элиминацией его идентичности, утратой своего «Я».

В современных условиях глобального капиталистического рынка, проникновения его законов во все сферы человеческой деятельности происходит не только смешение постоянного и переменного капиталов, но и «проституирование товаров» (Маркс). Человек, в первую очередь пролетарий, латентно превращён в товар, его идентичность утрачена, она косвенно заменена логикой капитала, которая нарушает субъективную логику выстраивания идентичности самим субъектом, описываемую фихтеанской формулой тождества «Я $\equiv$ Я». Капиталистическая логика, строящаяся на отношении господства и подчинения, всеобщей покупаемости и продажности всего и вся, выражается с субъективной позиции индивида тождеством «Я $\equiv$ Товар», или более универсальной формулой «Я $\equiv$ тому, во сколько я оценён». Дабы не быть голословными, приведём высказывание Э. Фромма: «... моё Я можно определить ценой, которую за меня дали» [4, с. 461].

В конечном итоге, происходит обмирщение имманентной сущности и экзистенциального бытия человека. И чем беднее его внутреннее Sein, чем в большей степени нарушается баланс диады «идентичность–отчуждение» в пользу отчуждения, тем в большей степени человек подпадает под логику универсального процесса капитализации и, следовательно, пролетаризации. Некрофилированное внутреннее «Я» (отсутствие идентичности), уже живущее логикой капитала, начинает требовать внешнего обогащения, поэтому человек всё больше старается окружить себя предметами роскоши, т.е. показать *свою* стоимость. Таким образом, он превращается из «раба капиталиста», в раба капиталистической системы. Этому есть и практическое подтверждение: одной из болезней развитых капиталистических стран стал «шопоголизм» как психическое расстройство личности, свидетельствующее о «тотальной шизофрении» и рождении «шизофренического субъекта» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари).

Здесь следует сделать одно методологическое замечание в контексте нашего понимания идентичности. Идентичность доходит в своём диалектическом развитии в субъективном сознании только до ступени познания сознанием самого себя, поскольку вторая и наивысшая ступень развития самосознания как познания и определения себя по отношению к внешнему наличному миру нарушена, она подменяется «превращённой формой» сознания (Маркс). Подобную «недоразвитую» форму идентичности можно артикулировать как *негативную идентичность*.

Все обозначенное выше относится в большей степени к пролетариату, но в условиях современного капиталистического общества и капиталист как диалектическая «пара» пролетария также

утрачивает свою идентичность, однако в несколько иной форме. Капиталист в результате утраты своей родовой сущности, как отмечал Энгельс, «...чувствует себя <...> удовлетворённым и утверждённым, воспринимает отчуждение как свидетельство своего *собственного могущества* и обладает в нём *видимостью* человеческого существования» [5, с. 571]. В силу своего «возвышения» над пролетариатом капиталист перманентно вытолкнут из истинных человеческих коммуникаций, где рождается и одновременно теряется его *humanitas*, – из труда и трудовых отношений.

Капиталист, имея широкие финансовые возможности, мыслит только об осуществлении «...своих чудовищных прихотей и странных, фантастических причуд» [6, с. 608]. Чем же вызваны подобные причуды? На наш взгляд, первичной детерминантой подобных явлений является усиленное экзистенциальное отчуждение, которое в гораздо большей степени, чем в случае с пролетарием, порождает одиночество и духовную пустоту капиталистов. Лишённый живых человеческих коммуникаций, капиталист покупает себе не только общение, но и «любовь», «друзей» и прочее. Внутреннюю пустоту он старается заполнить консультациями личного психоаналитика, занятиями в тренажёрном зале, игрой в казино, элитным отдыхом, спортом и т.д., но в то же время прекрасно понимает, что это не жизнь, а лишь её симуляция, симулякр самой человеческой экзистенции.

В конечном счёте, утрата человеком (будь то пролетарий или капиталист) своей идентичности как родовой сущности превращает с субъективной стороны само бытие субъекта в бессмысленность. Приоритет негативной идентичности редуцирует субъективное сознание до уровня *tabula rasa*, готовое к «записыванию» на него логики капитала. Утративший своё «Я», человек не имеет своего собственного места в жизни, каждый его экзистенциальный мотив имплантируется в него и объективируется реалиями капиталистического общества, мирового рынка. Вся объективная реальность воспринимается им как «универсальная пародия» или «тотальный симулякр». Само проявление, овнешнение имманентной жизни требует теперь наличия «провокации» со стороны социального организма. Здесь кроется гордиев узел проблемы: сама жизнь ставится в необходимость воздействия на неё некоего «провокатора», «раздражителя», заставляющего работать, любить, ненавидеть, восхищаться, желать и т.д. Но с момента прекращения «раздражения» имманентная жизнь замирает, превращаясь в аморфное подобие самой себя как с субъективной, так и с интерсубъективной стороны. Жизнь отчуждённого человека, в первую очередь пролетария, таким образом, начинает носить спорадический, случайный характер. Онтологическая схема экзи-

стенции человека превращает *жизненное время* в постоянное ожидание действия «раздражителя», побуждающего человека жить, его *жизненное пространство* превращается в «универсальную пародию». В контексте подобной экзистенциальной катастрофы бытие человека становится *аффективным*, требующим аффекта – приступа «слепого возбуждения», говоря словами М. Хайдеггера [7, с. 50]. В результате, жизнь становится слепой, лишённой смысла, превращается в пустую объективацию, формальность. И сам человек становится не столько «сторонним» наблюдателем течения своей жизни, сколько его пленником.

В заключение отметим, что выводы, сделанные Марксом во второй половине XIX в., в наибольшей степени оказались актуальными для XXI в., а обозначенные им проблемы имеют непреходящий характер. Выстраивание субъектом своей идентичности и эпистемологической картины своего наличного бытия, как мы выяснили, – это проблема отчуждения как социального, так и экзистенциального начал. Поэтому сегодня, в эпоху «позднего капитализма» (С. Жижек), проблема отчуждения выходит далеко за рамки

чисто теоретического предмета, она становится насущной проблемой всего человечества, от разрешения которой, в конечном счёте, зависит его дальнейшая судьба – *aut vincere, aut mori*.

Список литературы

1. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. М., 1936. 486 с.
2. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 598–617.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 41–174.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000. 571 с.
5. Энгельс Ф. Положение в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 559–579.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. 690 с.
7. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. Т. 1. Мировая Ницшеана. СПб., 2006. 602 с.

Dyad «Identity – alienation» in Marx syntagm: Past and Present

A. S. Krasnov

Kazan (Volga Region) Federal University
Ulitsa Kremlyovskaya, 18, 420008 Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

The article deals with current problems of understanding the phenomenon of identity in a dialectical relationship with the phenomenon of alienation in the Western philosophical tradition. Special attention is devoted to the articulation of identity and alienation in a single dyad by Marx. In the context of Marxist ideas, an attempt is made to reveal the content of the «identity–alienation» dyad in relation to the human being in a modern capitalist society. It seems? That in the realities of modern capitalism the process of see-alienation does not pass or anyone. Alienation and loss of identity are equally subject to the proletariat and bourgeoisie. It is noted, that modern capitalism produces a new form of identity – the «negative identity».

Key words: identity, alienation, Hegel, Marx, Engels, capitalism, proletariat.

References

1. Schelling F. W. J. *System of Transcendental Idealism*. (Russ. ed.: Shelling F. V. Y. Sistema transsendentalnogo idealizma. Moscow, 1936. 486 p.)
2. Engels F. Polozheniye Anglii. Vosemnadtsatyy vek (The position of England. The Eighteenth Century). Marx K., Engels F. *Works*. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 598–617.
3. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Marx K., Engels F. *Collected Works*: in 50 vol. Vol. 3. L., 1975, pp. 229–348. (Russ. ed.: Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskiyey rukopisi 1844 goda. Marks K., Engels F. *Works* : v 50 t. Moscow, 1974, vol. 42, pp. 41–174).
4. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya*. (Escape from Freedom. Man for himself). Minsk, 2000. 571 p.
5. Engels F. The State of Germany. Marx K., Engels F. *Collected works*: in 50 v. Vol. 6. L.; N.Y., 1976, pp. 15–33. (Russ. ed.: Engels F. Polozheniye v Germanii. Marx K., Engels F. *Works*. Moscow, 1955, vol. 2, pp. 559–579).
6. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Marx K. *Selected writings*. Indianapolis, 1994, pp. 54–97. (Russ. ed.: Marx K. Ekonomicheskoye-filosofskiyey rukopisi 1844 goda. Marx K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* {From the early works}. Moscow, 1956. 690 p.)
7. Heidegger M. *Nietzsche: in 2 vol. The Will to Power as Art, v. 1. (vol. I & II)*. San Francisco, CA, 1991, 608 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Nitssh* : in 2 t. Vol. 1. St. Petersburg, 2006. 602 p.)

УДК 1(430) (091) + 929 Больнов

ФИЛОСОФИЯ ОТТО ФРИДРИХА БОЛЬНОВА: СОЦИАЛЬНОЕ, ЭТИЧЕСКОЕ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

О. М. Ломако

Ломако Ольга Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу этических и экзистенциальных оснований социального бытия человека на примере философии Отто Фридриха Больнова. Являясь по своей сути позитивным экзистенциализмом, эта философия направлена на позитивное восприятие общества и истории в их человеческом измерении. Основное понятие философии Больнова – «человечность». Речь идет о преодолении чувства опасности, страха и беззащитности в рискованных условиях современной цивилизации и о создании «новой защищенности», которая раскрывается через понятия «родина», «надежда», «благодарность», «праздник». Бытование социального хронотопа осуществляется как единство социального пространства и социального времени в их человеческом (этическом и экзистенциальном) понимании.

Ключевые слова: социальная философия, этика, Больнов, позитивный экзистенциализм, человечность, цивилизация, общество риска, родина, надежда, благодарность, социальный хронотоп.

В современных исследованиях всё чаще отмечается существенное изменение экзистенциальной проблематики, вопросы смысла бытия человека уступают место проблемам существования всего человечества перед лицом всевозможных природных катастроф и социальных рисков. Стимуляция и симуляция различных фобий, провоцирующих чувство страха, опасности и беззащитности, обретают глобальный характер.

Немецкий философ и педагог Отто Фридрих Больнов (1903–1991) – основоположник философии надежды и позитивного экзистенциализма, возникновение которых было инициировано глубочайшим социальным кризисом военного и послевоенного времени. Оценивая современную ему эпоху как драматическое противостояние человечности и бесчеловечности, он предлагает философскую программу оздоровления общества. Самой драматичной оппозицией современности О. Ф. Больнов считает не столько противостояние капитализм–социализм, сколько человечность–бесчеловечность; самая страшная угроза – не наращивание технизации, а потеря человечности [1, с. 24].

Фундаментальный философский вопрос «Что есть человек?» подразумевает, прежде всего, попытку найти на него разумный ответ. О. Ф. Больнов раскрывает трансцендентальный характер социальности, рассматривая человека как трансцендентальную предпосылку своего сообщества.

Тем самым процесс познания, расширяясь до социально-философской тематики, сближается с философией жизни, которая понимается не как простой иррационализм, а направлена на осмысление глубинных смыслов абстрактных понятий, моральных запретов и норм, на понимание их происхождения и значения для человека и общества.

Вполне очевидно, что человек – весьма рискованное существо. В силу своей природной незавершенности он не может жить в естественной среде; психическая неустойчивость, склонность к насилию делают его опасным для общества. Если животное живет в природной окружающей среде, то человек сам открывает свой мир. Вначале мир практически закрыт для него, хотя, возможно, и не полностью; он приоткрывается только в следующем круге, на следующем уровне обустройства окружения, насколько того требуют естественные потребности человека. Открытие, точнее, открывание (Erschließen) и есть само бытие, но не мира, а того, что мы называем человеческим существованием. Открывание и познание для грека нацелены на алетейю. Αληθεύειν означает быть открывающим, вывести мир из закрытости и спрятанности: таков способ человеческого существования [2, с. 16–17], и он наполнен опасностью и риском.

Понятие «человечность» связывается с понятием подлинности бытия, для обретения которого человеку необходимо место обитания. О. Ф. Больнов приводит два предельных варианта: образ «бездомного» (Unbehauster), о котором Гёте говорит как о «не-человеке», как о существе без цели и покоя, и образ цитадели – места, отвоеванного у пустыни и требующего постоянной защиты через напряженную работу и напряжение сил человека. Человек рассматривается как житель. Согласно концепции экзистенциализма, человек бездомен, лишен родины, чувствует себя потерянным и одиноким в неуютном мире, полном опасностей и угроз. Укорененность в определенной точке мира и включенность в установленный порядок представляются ему иллюзорными. «Неприкаянный» – это древнее обозначение человеческой ситуации на земле – означает в краткой форме судьбу экзистенциального человека, которого лишили последнего утешения – потусторонней помощи. Осталась

полная бездомность. Образ homo viator – вечный странник, беглец обозначает глубоко экзистенциальное состояние человека: любое ощущение уверенности представляется ему невозможным. В данной ситуации страх становится принципом мироощущения: неслучайно А. Камю назвал XX век «столетием страха».

В этом смысле слово «Verfall» (упадок, заброшенность) ни в коем случае не означает в «Бытии и времени» М. Хайдеггера только внутренний душевный процесс. Речь идет об упадке «социальной экзистенции, для которой полис был жизненным пространством, принадлежащим народу, и совместное бытие которого с другими представляет собой незыблемый экзистенциал. Это процессы макросоциологической природы, взятые в своём основании» [3, с. 28].

В самой постановке вопроса преодоления экзистенциализма как проблемы имеется, по О. Ф. Больнову, двойная предпосылка. Во-первых, экзистенциализм является не только неотъемлемой частью философии, но и необходимым выражением обширного историко-духовного развития. Во-вторых, он – только выражение кризиса современности, но не её результат и не решение. Этим сразу задается некая граница: необходимо пройти через кризис экзистенциального опыта, но нельзя в нем остаться. В таком случае важнейший вопрос – каким образом становится возможным для человека разорвать оковы экзистенциального одиночества и возратить «несущее отношение», т.е. отношение в основах бытия, в реальность вне человека. Отто Ф. Больнов намечает этот путь: таковым является преобразование осознания пространства и времени. Это и есть, по мысли философа, путь от экзистенциального угнетенного состояния, переживания беззащитности человеческого бытия к новому чувству защищенности.

Речь, прежде всего, идет о философии и психологии понятия «защищенность»: во-первых, обретение цельности, здоровья возможно только благодаря действиям природных сил. Если мы чувствуем связь с космическим целым, для нас становится достижимым здоровье, неразрушимость и цельность в этом смысле. Во-вторых, обретение и сохранение цельности (Heil-werden и Heil-sein) связаны непосредственно с культивированием пространства, его обживанием и очеловечиванием. Как пространство-образующее и пространство-напрягающее существо человек есть не только предпосылка, но одновременно и центр своего пространства, точнее говоря, человек движется в своем пространстве, в то время как пространство есть нечто устойчивое по отношению к человеку. При этом пространственность человеческой жизни и переживаемое человеком пространство соответствуют друг другу. Любое высказывание об одном содержит непременно высказывание о другом.

В-третьих, человек есть постольку, поскольку он живет. Речь, стало быть, идет о связи понятий «быть» и «жить» (Sein – Wohnen), на которую со свойственной ему пронизательностью обратил внимание Хайдеггер. Человек не просто находится в пространстве, являясь творческим существом, он создает его в процессе строительства. «Строить» (bauen) в древненемецком языке означало «проживать» (buan), это слово превратилось позже в wohnen, которое родственно готскому wunian – быть довольным, пребывать в мире и покое. Определяющей чертой проживания, жизни в доме (Wohnen), отмечает Хайдеггер, и является как раз эта защита (Schonen). Иначе говоря, дом – оберегающее, охраняющее человека пространство.

В-четвертых, задача преодоления экзистенциализма означает открывание мира через создание священного пространства, каким является дом. Человек перестает быть «заложником времени», поскольку время становится «строительным материалом». Метафизика дома прямо указывает на методологию строительства как творческого воспроизведения мира, его нового рождения, возвращения к «началу». Для преодоления всеисильности времени как линейного и необратимого процесса и необходим дом как священное пространство, в котором время может быть приостановлено, разделено, «повёрнуто» по кругу. Философ не случайно подробно анализирует вопрос о том, как время становится живым, пульсирующим через праздник (Fest). Очень важно, что праздник в этом смысле ни в коем случае не является весёлым времяпровождением. Напротив, это максимальное напряжение, сосредоточие, очищение, ведущее к обретению надежной точки опоры.

Собственно говоря, происходит кристаллизация пространства через его освящение: сначала выделяется, как бы «вырезается» из общего целого кусок, часть, которая маркируется как определенная местность, пункт обитания (die Ort). Затем местность становится местом-жилищем, очагом, сосредоточием энергии (die Stätte) – медиумом между человеком и миром. При этом, настойчиво повторяет философ, в этом смысле невелика разница в том, рассматриваем ли мы жилище одного отдельного человека или храм как дом одного Бога. Дом, храм, город, в сущности, одно и то же, так как и дом, и храм, и город изначально – священный район. Каждый дом – картина мира в целом, imago mundi. Мир в целом отражается в доме, и поэтому каждое строение дома и, конечно, храма есть повторение творения мира, продолжение древнего (первого) начатого богами дела. Поэтому каждое человеческое упорядочивание пространства есть только повторение более древнего (первичного) действия: это космизация пространства, стремление к устойчивости и порядку, переживаемым как уверенность и защищенность. Неслучайно

первые построенные жилища человека имели в основании углубление круглой формы, будучи символом протопространства – материнского лона – и являясь одновременно символом защиты и связи жизни и смерти. Симптоматично, что немецкое слово «священный» (heilig) является однокоренным с прилагательным heil – «цельный», «невредимый», «здоровый» и с существительным Heil – «благо», «благополучие», «спасение».

Нет нужды рефлексировать по поводу того, что первыми жилищами были пещеры. В жилом пространстве в любом случае так же, как и сегодня, квартира является пещерой. В городской квартире имеется отверстие, которое связывает ее с окружающим миром – это дверь. Отсюда возникают возможности движения как система силовых линий, которая разворачивается вовне через прихожую и лестницы в комнаты, но они повсюду наталкиваются на границы в виде стен квартиры. Здесь пространство кончается. Что лежит за пределами этих стен, изнутри недостижимо, этого практически не существует. То, что мы видим через окна, в реальности для нас нет. Таким образом, квартира немногим отличается от пещеры. Основная идея книги О. Ф. Больнова «Человек и пространство» – всё человеческое пространство сакрально, сознает человек это или не сознает. Оно строится по модели храма. Храм – жилище, город, мир, космос, защита от хаоса, человеческий порядок. В социально-философском, этическом и экзистенциальном смысле дом и мир соответствуют друг другу. И, исходя из этого, человек обживает свой мир, делая его своим и, по возможности, родным. Он строит храм, дом, город – огороженное защищенное пространство.

Пожалуй, первым соотнес метафизику дома, родины и защищенности Г. В. Ф. Гегель в своих «Лекциях по истории философии», замечая, что образованный человек чувствует себя «дома» в мире греческой философии, там его родина. Человек только там «у себя дома», где свободен его дух. Эта свобода греческого духа нашла отражение в организации социального городского пространства полиса.

Принципиально другой моделью города – как символа могущества империи – является Roma quadrata – Древний Рим. Неслучайно в ставшей классической книге «Человек и пространство» О. Ф. Больнов называет римлян учителями современного градостроительства. Для римского стиля характерно наличие трех элементов: 1) круг, 2) стены, 3) крестообразные улицы в соответствии с направлениями частей света – *квадранты*. Achsenkreuzsystem – осевая крестообразная система улиц имела сакральный характер, она воспроизводилась в каждом лагере как знак имперской власти.

В главе «Открытие пространства» встречаем у Больнова интересное наблюдение: именно улицы в большей степени, чем жилища, – сви-

детельство различия человека и животного. Животные тоже обустраивают жильё – норы, гнёзда, но только человек создаёт планомерную целенаправленную систему улиц – пространственный социальный порядок. Именно римляне осознают принципиальную особенность градостроительства: сельские улицы могут рождаться сами по себе, но строительство широких мощеных улиц требует больших усилий и может проводиться только под руководством государства. Городские улицы – дело государственное. Вполне очевидна связь римской уличной системы с римской империей. Эти улицы вызваны к жизни мощной системой власти, позже они обрели значение как военное стратегическое пространство: по ним было легко перебросить войска из одного места в другие. Улицы служили расширению и укреплению империи, начинаясь в Риме, они несли порядок и структуру, обеспечивали быстрое и надежное управление в целом государстве – они были каналами римского господства. Здесь перед нами налицо внутренняя связь планомерного строительства городских улиц и сильной централизованной власти.

Так, при Наполеоне III проводилось грандиозное переустройство уличной сети Парижа, разрушалась веками создававшаяся извилистая и узкая сеть улиц. Сейчас эти две сети существуют как разные временные измерения: один поворот за угол – и человек оказывается в другом столетии. И в Германии строительство автострад было вызвано диктаторской установкой национал-социализма.

О. Ф. Больнов называет два принципа строительства улиц: господство и планирование. Не только люди, но и ландшафт подчиняется рациональному принципу. Но улица, прежде всего, связь одного места с другим: она выполняет свою функцию только тогда, когда связана с другими в уличную сеть. Таким образом, улицы открывают пространство. Эта система может обладать разной структурой: в государствах с сильной центральной властью улицы расходятся лучами от центра власти, как сегодня во Франции, и не только улицы, но и железнодорожные пути. Часто оказывается, что расстояние между двумя периферийными местами быстрее преодолеть через центр. В других странах, например, в Германии, сложилась иная система улиц: нет центра, а улицы расположены как сосудистая система листа растения: от больших ответвляются мелкие, от них еще мельче [4, с. 99].

Так или иначе большие улицы обретают самостоятельное значение и возрастающую автономию: это нечто другое, нежели пространство, которое выстраивалось вокруг середины храма или дома. Когда мы покидаем дом и выходим на улицу, мы оказываемся в некоем наиндивидуальном пространстве: пространство улиц становится гомогенным, однородным – это уже не личное пространство человека, а нейтральное простран-

ство транспорта. Если сакральное пространство дома и храма гетерогенно, то уличное пространство техногенно. Уличная сеть образует систему артерий, где пульсирует транспорт. Дома человек индивидуален, на улице он – аноним.

Но и ландшафт меняется, теряя собственный характер, уникальность. Не только дорога индифферентна по отношению к ландшафту, но и ландшафт становится индифферентным, поскольку дорога разрушает внутреннюю интимность и непосредственность, доверительность сельского и уводит в бесконечность. Что важно для улиц – это бо́льшая или ме́ньшая принадлежность к транспорту: особую важность обретают измерения в километрах, на перекрестках появляются указатели направлений и расстояний – действительно, «каждая улица ведет к концу мира» (Ф. Шиллер). Путь – это знак бесконечной дали: он вовлекает статичный ландшафт в движение, а движение – к устремлению в бесконечность, к горизонту.

Можно сказать, что современная улица как *путь* – это *эксцентрическое* пространство, в отличие от сакрального централизованного пространства дома и храма. В этом смысле путь – выражение трансценденции самого человека; путь как образ человеческой жизни, древнего символа человечества, который в ДАО китайской философии становится метафизическим первичным понятием (Urwelt). И всё же символ жизненного пути ДАО имеет другой смысл, чем символ той жизни, с которой мы встречаемся на современной улице. *Путь* показывает человека как путника, который, к сожалению, не может найти места, где остановиться. Отсюда и двойственность определения человека городского: как жителя и как путника, т.е. централизованного и эксцентричного существа. Улица – это преимущество лишь одного измерения пространства – длины, поэтому пространство становится временем: направленность улицы в будущее означает *скорость*, которая становится самоцелью и обретает всё большую власть над человеком [4, с. 109].

О. Ф. Больнов различает временны́е и пространственные характеристики социальной и персональной экзистенции, относя к первым надежду и благодарность, ко вторым – дом и родину. Он рассматривает надежду как доверительное отношение к будущему, которое дополняется благодарностью к прошлому. Её антиподом являются безнадежность, отчаяние, тоска. В этом смысле надежда, являясь предметом этики, становится философской категорией, связанной с категорией времени. Как отмечает О. Ф. Больнов, «первичное временное устройство человеческой жизни определяется через надежду» [5, с. 113]. Понимая надежду как временное отношение, точнее, определенное отношение к будущему, Больнов вступает в полемику с Хайдеггером, согласно которому именно временность есть основное определение человеческой жизни, по-

скольку она конституирует жизнь как целое. и эта временность определяется как забота [6, с. 196]. В отличие от Хайдеггера, Больнов считает, что изначальной является именно надежда, поскольку «без надежды всякая решительность свободы обречена на пустоту» [5, с. 115].

Отмечая двойственность феномена надежды, Больнов считает, что она не является добродетелью, потенциально присущей человеку, однако относится к добродетелям христианским. Всё дело в том, замечает философ, что следует различать естественную надежду и сверхъестественную. Речь идет, по сути, о некоем «зазоре» между ними, который можно понимать как «переход» от естественной (природной) надежды к сверхъестественной. Это означает, что призвание религии в том, чтобы укрепить человека в надежде, данной ему самой природой. С феноменом надежды Больнов связывает феномен *благодарности*. С философской точки зрения благодарность является общественной добродетелью, она всегда направлена на Другого. В то же время, выражая общее устройство отношения к окружающему миру и жизни в целом, она выходит за рамки общественной добродетели. Человек не может пребывать во внутренней гармонии с самим собой и с другими людьми, с обществом и историей, если он не способен испытывать чувство благодарности. Именно поэтому благодарность и готовность к благодарности означают внутренний настрой человека, вызывающий потребность дарить. Таким образом, благодарность, связанная с феноменом дарения, приобретает основополагающее философское значение. Она может пониматься как горизонт возможностей, соединяющий онтологические и социальные смыслы и создающий направление будущего личностного и социального поведения, открывая будущее.

Защита дома понимается Больновым в широком смысле, это – экзистенциал, который соединяет социальное и этическое в их истоках, в их предельных основаниях, и эта связь постоянно актуализируется. Таким образом, бытование социального хронотопа осуществляется через единство социального пространства и социального времени в их экзистенциальном основании.

Список литературы

1. *Bollnow O. F. Die Forderung der Menschlichkeit. Tübingen, 1961. 24 s.*
2. *Heidegger M. Platon : Sophistes. Frankfurt/M, 1992. 667 s.*
3. *Veauthier F. W. Zeitkritik als Metaphysikkritik // Martin Heidegger. Denker der Post – Metaphysik. Heidelberg, 1992. S. 9–47.*
4. *Bollnow O. F. Mensch und Raum. Stuttgart, 1963. 310 s.*
5. *Bollnow O. F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus. Stuttgart ; Köln, 1960. 247 s.*
6. *Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1993. 445 s.*

Philosophy of O. F. Bollnow: it's Social, Ethic and Existential Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of ethical and existential grounds of a man's social being through the philosophy of O. F. Bollnow. Actually his philosophy can be considered as the positive existentialism and thus it focuses on positive perception of society and history in their human dimension. The basic concept of the philosophy of Bollnow is «humanity». What is meant is the struggling through sense of danger, fear and vulnerability in risky environment of the modern civilization. To overcome all mentioned, «new defence» should be created, being uncovered by the following notions: «motherland», «hope», «gratefulness», «and festival». Social «chronotope» comes into existence in the identity of social environment and social time in their human (ethical and existential) understanding.

Key words: social philosophy, ethic, Bollnow, positive existentialism, humanity, civilization, risky society, motherland, hope, gratefulness, social «chronotope».

References

1. Bollnow O. F. *Die Forderung der Menschlichkeit* (The Demand of the Humanity). Tuebingen, 1961. 24 p.
2. Heidegger M. *Platon: Sophistes* (Plato: Sophist). Frankfurt/M., 1992. 667 p.
3. Veauthier F. W. Zeitkritik als Metaphysikkritik (Critics of time as critics of metaphysics). *Martin Heidegger. Denker der Post-Metaphysik*. Martin Heidegger. Thinker of the Post-metaphysics). Heidelberg, 1992, pp. 9–47.
4. Bollnow O. F. *Mensch und Raum* (Man and Space). Stuttgart, 1963. 310 p.
5. Bollnow O. F. *Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus* (New Security. The Problem of Overcoming of Existentialism). Stuttgart ; Cologne, 1960. 247 p.
6. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Being and Time). Tuebingen, 1993. 445 p.

УДК 140.8

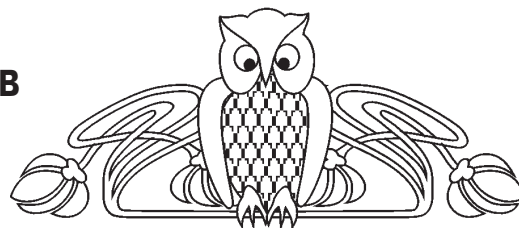
ДИНАМИКА ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: ПРОБЛЕМА АЛГОРИТМОВ

В. П. Рожков

Рожков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме алгоритмов мироосмысления философского сознания в России и Китае. Доказательство правомерности категориально-алгоритмического описания динамики миропознания автор основывает, обращаясь к аналогии аналитической процедуры проведения алгоритмизации уровней абстрагирования в языке математических символов и философских универсалий. Исходя из этого, он выводит категориальные алгоритмы, проявляющиеся в онтологических обращениях русской религиозной философии и даосизма в китайской традиционной философии. Это позволяет провести категориально-алгоритмическое сравнение различающихся исторических типов мировоззрения изучаемых культур. Источником этих различий, как показывается в статье, является антиномия религиозного и философского мировоззрений русской религиозной философии, с одной стороны, и конфуцианства, даосизма и буддизма – с другой. В результате обозначается интересное направление разработки категориально обоснованной и методологически выдержанной концепции ментальных мировоззренческих различий философского сознания в России и Китае.

Ключевые слова: философия, религия, сознание, онтология, алгоритм, Россия, Китай, даосизм, антиномии, нумерология, творение, порождение, превращение, саморазвертывание.

Исследование обозначенной темы требует предварительного изъяснения относительно двух, отражающих специфику изыскательного интереса, понятий: «философское сознание» и «алгоритм». Что касается первого, то в этом случае предлагается исходить из авторской точки зрения на базовую категорию «сознание», заявлявшейся ранее [1, с. 4–5]. С целью уточнения можно предложить следующее определение: сознание – психоэнергетический поток перцептивно-когнитивной информации, вырабатываемой нейросистемой человека и трансформирующейся в образы, символы, знаки, понятия, дифференцируемые и интегрируемые в процессе чувственно-образного, образно-символического и абстрактно-логического мышления. Категория «философское сознание» в таком случае служит методологической конкретизацией уровня трансформации нейро-психической энергии, указывая на то, что преобразование перцепции «Я ↔ Мир»

в мировоззрение будет происходить на основе философского мироосмысления.

С учетом уточнения методологической установки, раскрытой выше, необходимо прояснить и особенность использования категории «алгоритм», тем более что обычно этот термин выражает одно из основных математических понятий, абстрагируемых непосредственно из опыта, а значит, не обладающих формальным определением. Думается, что алгоритмическое описание процессов на языке математических символов может служить аналогом подобного описания на категориальном языке философии. Обоснование такой аналогии видится в самой аналитической процедуре проведения алгоритмизации, в соответствии с которой процесс должен расчленяться на элементарные, последовательно взаимосвязанные акты. Соотношения, описывающие эти элементарные акты и их взаимосвязи, объединяются в систему и представляются в виде алгоритма. Уместно предположить, что если такого рода алгоритмическое описание возможно на уровне абстрагирования в языке математических символов, то оно достижимо и на уровне абстрагирования в языке философских универсалий.

Исходя из этого заключения, обратимся к проблеме алгоритмов философского сознания России и Китая. Предыдущее исследование традиций и особенностей философского процесса в культурах рассматриваемых стран способствовало обнаружению историко-типологических различий в мировоззренческом выборе предков в истоках русско-российской и китайской цивилизаций. Эпицентр этих различий проявляется в антиномии религиозного и философского мировоззрений русской религиозной философии, с одной стороны, и конфуцианства, даосизма и буддизма – с другой [2, с. 7]. Последнее, естественно, отразилось в специфике как исторической, так и современной динамики философского сознания России и Китая [2, с. 16–22]. Если попытаться алгоритмически описать эти процессы, то следует начать с традиции, которая в русском философском сознании связывается, прежде всего, с религиозной философией В. С. Соловьева [3, с. 21]. Основу мировоззрения в созданной им первой системе русской религиозной философии, как известно, представляет метафизика всеединства, с характерной апелляцией к сверхприродной области божественного сущего как «безусловного начала» или «безусловного единства». Кроме того, решая задачу выведения смыслового алго-

ритма русского религиозно-философского мироосмысления в варианте метафизики всеединства В. С. Соловьева, необходимо учитывать еще одну общепризнанную универсальную отличительную характеристику русской религиозно-философской мысли, отчетливо просматривающуюся в его концептуальном метафизическом построении. Речь идет о панэтизме, проявляющемся в абсолютизации нравственных ценностей Любви и Добра в Боге. Выявление онтологического обращения к первосущему с одновременной онтологической этизацией позволяет предположить выведение сложного алгоритма мироосмысления, отличающегося от алгоритма миропонимания, выражающего онтологическую апелляцию к бытию, естественную для «со-знания», трансформирующего перцепцию «Я ↔ Мир».

Исходя из этого предположения, обратимся к реконструкции метафизической концепции В. С. Соловьева. Предварительно необходимо отметить, что свое онтологическое обращение к первосущему – Богу – мыслитель воплощает в сложной, насыщенной в смысловом отношении и этически скоррелированной онтологической вариации. В ее основе обозначается категориальная взаимосвязь: сущее – сущность – бытие, дополняясь мотивом единства. «... Бог есть все, – рассуждает он, – то есть, что все в положительном смысле или единство всех составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность Бога» [4, с. 109].

Выявленную взаимосвязь можно выразить в следующем метафизическом тождестве: *Бог > абсолютное сущее → безусловно единое*. Затем в метафизический ряд вводится ещё один элемент – идея. Под идеями русский философ подразумевает «особенные формы метафизических существ, присущие им самим по себе...» [4, с. 91]. В результате категориальную взаимосвязь возможно представить в смысловом выражении: *Бог > абсолютно сущее ↔ безусловно единое ↔ ↔ идеальное существо*.

Но для метафизической системы необходима связь или отношение элементов, а значит нужна системно-образующая категория, отражающая «существенное отношение». Самой общей и широкой идеей, «внутренно» покрывающей «собой все остальные», в представлении русского мыслителя могла быть лишь любовь [4, с. 84–85]. В итоге проявляется сложный алгоритм религиозно-философского миропредставления, который может быть выражен формулой:

$$\text{Бог} > \frac{\text{абсолютно сущее} \leftrightarrow \text{объективная сущность} \leftrightarrow \text{безусловно единое} \leftrightarrow \text{абсолютная идея}}{\text{безусловная любовь}}$$

Вполне понятно, что выведение онтологических смыслов сущего в подобном алгоритме вызывает необходимость переориентации «со-знания» с перцептивно-когнитивной информации в двучленной линейной системе «Я ↔ Мир» на

интуитивно-рефлексивное постижение в сложной трехчленной системе:

$$\frac{\text{Я} \leftrightarrow \text{Мир}}{\text{Бог}}$$

В такой системе мировосприятия Бог открывается как первооснование, сущее, обосновывающее и меня в моем сотворенном «Я», и «Мир», сотворенный как и «Я». Бог как абсолютное единство, сотворив и человека в его человеческом, личностном «Я», и «Мир», обосновывает их единство.

Если попытаться провести подобное алгоритмическое описание динамики философского сознания Китая в исторических параметрах его основных традиций, то, наверное, целесообразно обратиться к даосизму, в котором наиболее акцентированы онтологические характеристики Дао – ключевого понятия в мировоззренческом основании всей традиционной китайской культуры.

Именно при таком подходе отчетливо выделяется апелляция даосизма к онтологическим параметрам, космологическому смыслу Дао. Показательно, что в предлагаемом А. И. Кобзевым «Синоптическом списке основных понятий и категорий традиционной китайской философии и культуры» в разделе «Онтология» обозначены такие смыслы Дао, как: путь, закономерность, теория, логос, метод [5, с. 236].

Приведенные замечания отражают и еще один важнейший аспект категории Дао – методологический. Этимологическая интерпретация последнего, как представляется, весьма убедительно проводится С. Ю. Рыковым. В самом деле, если метод определять как инструмент или, образно выражаясь, «технологический путь» исследования, то методологическая роль категории Дао становится очевидной. Достаточно ссылки на то, что в переводе с греческого метод (μεθοδος) означает «путь следования», а один из генерирующих смыслов Дао, как известно, составляет «путь» [6, с. 138–139].

Обращение к методологической функции Дао в ходе решения задачи категориально-алгоритмического описания миропонимания традиционного китайского философского сознания, естественно, выводит на проблему особенностей китайской методологии и рациональности в целом. Так, по мнению С. Ю. Рыкова, если «вслед за некоторыми современными синологами принять, что искомая методология помимо философии и науки была общей еще и для китайской мифологии, религии, искусства и т.д., т.е. для всего культурообразующего ядра этого народа, то можно сказать, что проблема методологии китайской классической философии ныне призвана не только внести ясность ratio в китайскую традиционную философию и науку, но и найти Дао – Путь всей традиционной китайской культуры» [6, с. 123].

Поиски в этом направлении, как достаточно развернуто и последовательно показывает автор изложенного выше заключения, привели к выявлению «особого метода», обозначенного как «нумерология», или «коррелятивное мышление»,

или «универсальный классификационизм», или «алгоритмический стиль мышления» и т.п. Дискуссия, развернувшаяся среди зарубежных и отечественных китаеведов, до сих пор не окончена [6, с. 125–138]. Однако в ходе споров и обсуждений выявились те особенности «алгоритмического стиля мышления», которые, как думается, необходимо учитывать при построении категориального алгоритма мироосмысления китайской традиционной философии.

Непосредственный интерес в этом отношении представляет, к примеру, конструктивистски разработанная А. А. Крушинским тема двух видов обобщений в древнекитайской логике: «обобщения-сокращения» – юэ и «обобщения-приведения» – тун. Первый предполагает такой тип дедуктивных умозаключений, как «рассуждение на основании образца». Второй ориентирует на довольно часто применяемый в парадигме рациональной философии «переход от одних истинных оснований к другим (со своей спецификой)» [7, с. 20].

С точки зрения С. Ю. Рыкова, в этом случае видение автором сущности обобщений концентрируется на взятой у А. И. Кобзева, но конструктивистски воспринимаемой «репрезентативной абстракции» с математико-логической трактовкой выбора репрезентирующего элемента [6, с. 133]. Следует обратить внимание, что при этом «обобщение-сокращение» интерпретируется как «задание объема понятий в виде алгоритмически конструируемой потенциально бесконечной последовательности объектов, входящих в объем этого понятия», когда репрезентант, образец (в качестве исходного единичного объекта) дополняется алгоритмом порождения по этому образцу новых объектов в «бесконечной последовательности» [7, с. 18, 88]. Напомним отмечающееся синологами уподобление Дао в древней китайской философии образцу [6, с. 138–139].

На выявленных основаниях можно приступить к построению категориального алгоритма мироосмысления китайской традиционной философии. Логика проведенного исследования обуславливает целесообразность начала алгоритмического описания с ключевой категории Дао, с выделения его качественных характеристик, определяющих конфигурацию алгоритмического конструирования. Думается, что, решая эту задачу, следует, во-первых, обратить внимание на то, что Дао не декларируется как творящее божественное первоначало – Бог русского религиозно-философского мировоззрения и христианского миропредставления в целом. «Китайская культура, – пишет А. Г. Юркевич, – не знает разграничения Творца и твари, соответственно, и разграничения трансцендентной Божественной жизни и жизни тварного мира. Через саморазвертывание Дао его трансцендентное бытие переходит в жизнь

(«порождающие порождения») феноменального мира, присутствия в «небесном аспекте явленного универсума» [8, с. 120].

Отсюда, во-вторых, в китайской философии креативные идеи отражаются терминологически не в «творении», а в «порождении» или «превращении». Это ясно просматривается в трактовке Дао в известном даосском литературном источнике «Дао дэ Цзин»: «Преобразования невидимого [Дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо» [9, с. 15].

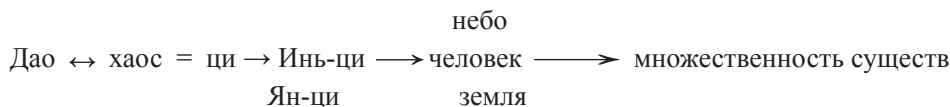
Эти терминологическо-смысловые особенности весьма емко обобщены А. Г. Юркевичем. «В христианской теологии, – отмечает он, – феномен жизни определяется не только и не главным образом через «порождение». Личное бытие живого Бога – Божественную жизнь – отличает творческое созидание <...> В китайских философских и религиозных построениях креативные идеи представлены косвенно и не связаны с личным бытием Бога и человека: «созидательные превращения» (цзао хуа) – один из синонимов «порождающих порождений», подчеркивающий факт возникновения качественно новых вещей и явлений в ходе этого процесса» [8, с. 120].

И в-третьих, необходимо акцентировать внимание на качественной характеристике даосизмом Дао как образца, помогающего познать все вещи: «Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образцы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности о неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью. С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей» [9, с. 26].

Выделенные качественные характеристики Дао ориентируют на вполне определенную конфигурацию категориального алгоритма мироосмысления традиционного китайского философского сознания. К ключевым терминологическим обозначениям, обосновывающим искомую конфигу-

рацию, как представляется, могут быть отнесены: «образец», «саморазвертывание», «порождение», «превращение», «нескончаемая нить», «бесконечная последовательность». Можно предположить, что выделенные терминологическо-смысловые обозначения ориентируют на линейную или линейно-лучевую конфигурацию категориального алгоритма. В самом деле, Дао представляет собой не обосновывающее тварное бытие абсолютное, Божественное, свободно творящее первоначало, сущее, а саморазвертывающийся «единотелесный универсум», «образец», «исходный единичный объект», который может стать исходным категориальным обозначением в «бесконечной последовательности» категориально обозначенных объектов, «модусов», субстанциально подобных друг другу и порождающему их «исходному единичному объекту».

Формула развертывания выведена в «Книге о Пути и Добродетели»: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» [9, с. 43]. Переведший на русский язык «Дао дэ Цзин» Ян Хин-шун в своем комментарии к книге так расшифровывает эту формулу: «Одно, по нашему мнению, означает хаос, состоящий из мельчайших частиц ци, как первоначальной формы существования Дао. Два – это легкие и тяжелые ци, из которых возникли три – небо, земля и человек» [10, с. 327]. К этому следует добавить, что диалектическая пара инь и ян, выражая биполярность универсума, не нарушают субстанционального подобия бесконечной последовательности «объектов», «вещей», «существ» рождающему их Дао в силу того, что «субстрат» – ци – наполняет и «одно» (хаос – нерасчлененный универсум), и биполярный универсум «двух», «трех» и всех «существ». Правомерным в этом отношении представляется утверждение А. Г. Юркевича о выраженной понятием Юань ци «изначальная пневма» субстратности нерасчлененного, хаотического (хунь) единства и субстратности всех явлений биполярного универсума, которая объясняется им субстантивированностью в «пневмах» инь и ян [8, с. 116]. Основываясь на всем вышеизложенном, можно предложить следующую категориально-алгоритмическую конструкцию:

Разумеется, выведенное категориальное построение схематично. С учетом особенностей форм проявления рациональности в китайской классической философии его следует рассматривать лишь как один из возможных вариантов категориально-алгоритмического выражения

миропредставления китайского философского сознания. Однако несмотря на отмеченные допущения, думается, что оно дает возможность, во-первых, провести категориально-алгоритмическое сравнение типов мировидения в традициях русской и китайской философских

культур, а во-вторых, создать категориально обоснованную и, отсюда, методологически выдержанную концепцию ментальных мировоззренческих различий религиозно-философского и философско-религиозного сознания России и Китая.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» № 12-33-09003 а).

Список литературы

1. Рожков В. П. Альтернативы мировоззренческого выбора. Опыт осмысления философского процесса в России. Саратов, 2012. 176 с.
2. Рожков В. П. Традиции и особенности современного философского процесса в России и Китае // Традиции России и Китая в глобализирующемся мире (опыт анализа культурно-философского процесса). Саратов, 2012. С. 5–24.

3. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 5–26.
4. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб., 1994. С. 32–202.
5. Кобзев А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 220–243.
6. Рыков С. Ю. Проблема методологических оснований китайской классической философии в современной синологии // История философии. 2009. № 14. С. 123–142.
7. Крушинский А. А. Логика древнего Китая : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2006. 316 с.
8. Юркевич А. Г. Жизнь как ценность в китайской классической философии и культуре // Жизнь как ценность. М., 2000. С. 112–120.
9. Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели. М., 2011. 384 с.
10. Ян Хин-цун. Комментарии // Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели. М., 2011. С. 326–328.

Dynamics of Philosophical Consciousness of Russia and China: Problem of Algorithms

V. P. Rozhkov

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

The article is dedicated to a problem of algorithms of world-learning and understanding of philosophical consciousness in Russia and China. The author bases a proof of legitimacy of categorical and algorithmic description of world-learning dynamics and refers to analogy of analytical procedure of conducting of algorithmization of levels of abstraction through language of mathematical symbols and philosophical universals. Based on it, the author deduces categorical algorithms which appear in ontological references of Russian religious philosophy and in the Chinese traditional philosophy, Taoism. It allows conducting categorical and algorithmic comparison of differing historical types of world outlook for studied cultures. As shows in the article, a source of these distinctions is, on the one hand, antinomy of religious and philosophical outlooks of Russian religious philosophy, and, on the other hand, of Confucianism, Taoism and Buddhism. As a result, author indicates the interesting direction of development of categorically relevant and methodologically sustained concept of mental world outlook distinctions of philosophical consciousness in Russia and China.

Key words: philosophy, religion, consciousness, ontology, algorithm, Russia, China, Taoism, antinomy, numerology, creation, generation, transformation, self-expansion.

References

1. Rozhkov V. P. *Alternativy mirovozzrencheskogo vybora. Opyt osmysleniya filosofskogo protsesssa v Rossii (Alternatives of the ideological choice. Experience in understanding the philosophical process in Russia)*. Saratov, 2012. 176 p.
2. Rozhkov V. P. Traditsii i osobennosti sovremennogo filosofskogo protsesssa v Rossii i Kitaye (Traditions and characteristics of modern philosophical process in Russia and China). *Traditsii Rossii i Kitaya v globaliziruyushchemsya mire (Traditions of Russia and China in the globalizing world)*. Saratov, 2012, pp. 5–24.
3. Berdiaev N. Philosophical verity and intelligentsia truth. *Signposts: a collection of articles on the Russian intelligentsia*. Irvine, CA, 1986, pp. 1–16. (Russ. ed.: Berdiaev N. A. *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda. Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii* {Milestones:

a collection of articles on the Russian intelligentsia}. Moscow, 1990, pp. 5–26).

4. Solovyev V. S. Chteniya o bogochelovechestve (Readings on God-manhood). Solovyev V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve. Statyi. Stikhotvoreniya i poemy. Iz «Trekh razgovorov» (Readings on Godmanhood. Article. The poems. Of the «Three conversations»)*. St. Petersburg, 1994, pp. 32–202.
5. Kobzev A. I. Kategorii i osnovnyye ponyatiya kitayskoy filosofii i kultury (Categories and concepts of Chinese philosophy and culture). *Universalii vostochnykh kultur (Universals of Eastern cultures)*. Moscow, 2001, pp. 220–243.
6. Rykov S. Yu. Problema metodologicheskikh osnovaniy kitayskoy klassicheskoy filosofii v sovremennoy sinologii (The problem of methodological foundations of ancient Chinese philosophy in modern sinology). *Istoriya filosofii (History of Philosophy)*. 2009, no. 14, pp. 123–142.
7. Krushinskiy A. A. *Logika drevnego Kitaya (The logic of*

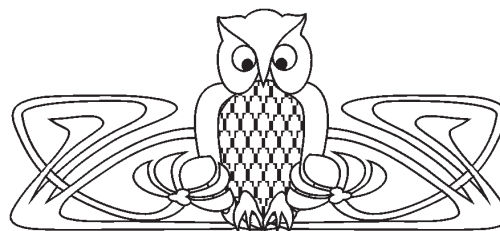
- ancient China): diss. ... dokt. filos. nauk (Dr. philos. sci. diss.). Moscow, 2006, 316 p.
8. Yurkevich A. G. Zhizn kak tsennost v kitayskoy klasicheskoy filosofii i kulture (Life as a value in classical Chinese philosophy and culture). *Zhizn kak tsennost (Life as a value)*. Moscow, 2000, pp. 112–120.
  9. *Tao Te Ching: the book of meaning and life*. L.; N.Y., 1990, 144 p. (Russ. ed.: *Dao de Tszin. Kniga o puti i dobrodeteli*. Moscow, 2011. 384 p.).
  10. Yan Hin-shun. Kommentarii (The Comments). *Dao de Tszin. Kniga o puti i dobrodeteli (The Book of the Way and Virtue)*. Moscow, 2011, pp. 326–328.

УДК: 1(470) (091)

ИМЯ И ЧИСЛО В РУССКОЙ И В КИТАЙСКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В. А. Фриауф

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

Онтологический статус имени и числа в русской и в китайской философии – предмет статьи. Русская философия имени и китайская школа мин-цзя сопоставляются в компаративистском анализе. Согласно ономотологии Павла Флоренского имя и число – два разных онтологических принципа устройства бытия: число – исток внешнего, объектного бытия вещей; имя – исток внутреннего, личностного бытия. Число продуцирует время и пространство; имя есть ядро личности, продуцирует стихийность и долг. Флоренский предлагает понятие первоисточного имени как архетипа имён собственных. Хрия – это энергичная ось организма имени. У мудрецов мин-цзя слово «мин» (имя) сочетается со словом «хао» (название). Сино-тибетская группа языков под именем понимает не знание и не память, а способность мудреца выражать мысли Неба. Алексей Лосев дополняет идеи Флоренского: имя есть предел самооткровения вещи. Лосев также создаёт оригинальную философию числа: число – это априорная смысловая форма, форма смыслового полагания. Китайская нумерология дополняет школу мин-цзя. Книга Перемен – И Цзин – сочетает в себе тайну имени и тайну числа в традиции Дао.

Ключевые слова: имя, знание, число, смысловая форма, философия имени, философия числа, И Цзин, нумерология, мин-цзя.

Целью настоящей статьи является компаративистский анализ и философский комментарий к определению статуса и роли имени и числа в русской и в китайской мыслительных традициях. Репрезентативным предметом предстоящего анализа со стороны русской традиции автор избирает знаменитую (хотя до сих пор плохо понятую) русскую философию Имени – как она концептуально разработана, прежде всего, в трудах Павла Флоренского, Алексея Лосева и Сергея Булгакова. Что касается философии числа, то гениальные наброски к ней осуществлены Флоренским в его ономотологии, а у Лосева, русского философа «имени, числа и мифа», мы находим вполне системно разработанную философию числа.

Со стороны китайской мыслительной традиции автор привлекает к сравнительному анализу

школу синмин-цзя (школа [изучения] телесных форм и имён). В свою очередь, данная школа представлена в трудах великих китайских мудрецов, каждый из которых внёс свой вклад в идейное наследие этой школы. Сюда, например, следует отнести учение Конфуция об «исправлении имён» (чжэ мин), труды представителей школы Дао, разработки моистов и методологические разработки легизма. Самым известным примером соотношения принципов имени и числа в китайской мыслительной традиции является знаменитая Книга Перемен (И Цзин), которую некоторые синологи относят только к традициям китайской нумерологии, не усматривая связи И Цзин с традицией мин-цзя. Лично мне такая позиция представляется не вполне корректной, что я и собираюсь показать в своей статье.

Начнём сравнительный анализ с идеи «русского Леонардо» – Павла Флоренского. В контексте исследования нас интересуют, прежде всего, размышления великого русского мыслителя о сущности, т.е. об онтологическом статусе имени и числа, а также те следствия из идей Флоренского, которые легли в основу русской философии имени и философии числа.

«Имя, – пишет Павел Флоренский в статье «Имена», – есть форма внутренней организации. Ей соответствует число как форма организации внешней. Иначе говоря, инварианту субъективности противостоит инвариант объективности. И ещё: имя – инвариант личностный, а число – вещный» [1, с. 507]. Каждое из познавательных начал, развивает свои тезисы Флоренский, в свой черёд порождает из себя пары, члены которых попарно относятся между собою так же, как самые начала друг к другу. Далее русский мыслитель уточняет статус и функции имени и числа. Что касается их статуса, то Флоренский определяет его как онтологические принципы, или начала

бытия и познания. «Число, – утверждает Флоренский, – космологически есть то же, что *идея* (в смысле Платона. – В.Ф.) онтологически, а имя отражает идею пневматологически. Материальная сторона числа, *количество*, есть в отношении его формальной стороны, *качества* то же, что материальная сторона *идеи*, число, в отношении к её формальной стороне – имени» [1, с. 507].

Ту же двойственность, отмечает русский мыслитель, развивает в себе и это последнее: его материальная сторона есть *усия*, а формальная – *ипостась*. «Итак, имеем четыре начала, два во внешнем мире и два – во внутреннем: *количество* и *качество*, *усия* и *ипостась*. Они возглавляются попарно ещё двумя началами – верховными началами соответствующих миров: это – *число* и *имя*. И, наконец, эти последние иерархически подчинены верховному онтологическому началу – *идее*. Итого – *семь* основ начал знания, они же – начала бытия» [1, с. 508]. Топологически и метрически указанные категории и начала Павел Флоренский изображает как два квадрата, внутренним содержанием их являются начала и категории, генетическим истоком которых является либо число, либо – имя [1, с. 509]. При этом число есть инвариант объектности, имя – инвариант субъектности. Для сохранения места в объёме статьи я привожу лишь словесные характеристики, предложенные Флоренским. «Внешний мир есть объединение *пространства* и *времени*, а вещь – место особой кривизны времени-пространства. Пространство определяется преимущественно количеством, а время – качеством. Во внутреннем мире личность есть то, что соответствует вещи в мире внешнем. Внутренний мир слагается из стихийности и нормы, долга, и есть стихийность-долг. По знаменательной словесной параллели, стихийность, как *простор* самопроявления, этимологически есть то же, что и *пространство*, тогда как *долг*, т.е. пребывающее в потоке событий, этимологически означает *долготу* или *время*» [1, с. 508]. Кроме приведённых сравнительных характеристик в этой же работе – «Имена» – Павел Флоренский наделяет принцип имени дополнительными чертами, теми, которые имеют самое непосредственное отношение к личностно устроенному бытию. Здесь мы находим и яркие примеры из литературы и мировой истории, а также теоретические определения с обобщающими их выводами. К таким определениям и выводам я могу отнести предложенные великим русским мыслителем определение имени как духовного ядра личности, а также весьма существенную идею Флоренского, согласно которой существуют так называемые *первоисточные* имена, т.е. имена-*архетипы*, источники имён собственных. И таковых, по мысли Флоренского, на всю историю человечества не так уж и много – каких-то две-три сотни. Каждое первоисточное имя, утверждает мыслитель, опре-

деляет *тип* личности и тем самым задаёт сценарий личной судьбы, обуславливает типологические черты личности, её человеческие качества. В свое время, занимаясь исследованиями русской философии Имени, я обратил внимание на введённое Флоренским в глоссарий, т.е. в список терминов данной теории, такого термина как *хрия* [1, с. 511].

Есть ещё один существенный момент в ономотологии Павла Флоренского: в тексте, озаглавленном «*Имевание как философская предпосылка*», русский мыслитель выявляет этимологические корни слова «имя» в двух семействах языков – в индоевропейском и в семитском. При этом Флоренский выписывает название имени сначала в группе индоевропейских языков и находит после *лингвоэтимологического* анализа, что общим корнем (этимомом) здесь является «*гно*» – производное от слова *gnosis* – *знание*. «*Именами – знаем, знанием – именуем*», – резюмирует русский мыслитель этот раздел своего исследования [1, с. 299–300]. После аналогичного выписывания названий слов, обозначающих имя в группе семитских языков, Флоренский берёт за основу иврит и находит, что здесь таким корнем слова-имени будет *шем* [1, с. 304]. «*Шем* и ему сродные – это познания со стороны познаваемого объекта, это то, на что направлено переживание, – что переживается. *Имя* и его арийские сродники, – констатирует Флоренский, – это познания со стороны познающего субъекта, то, что служит орудием познания» [1, с. 305].

В связи с тем обстоятельством, что китайский язык принадлежит к *сино-тибетской* группе языков, было бы крайне интересно дополнить анализ, начатый Павлом Флоренским, аналогичным анализом сино-тибетского семейства языков с целью выявления общего корня слова «имя» в данной группе языков. Сразу возникает вопрос: можно ли отнести этимом «мин» к искомому нами общему корню для сино-тибетской группы языков? Вопрос осложняется тем, что письменность Китая сохранила иероглифическую запись. Китайские иероглифы, в отличие от букв алфавита, выражают собою смысловые слоги. Они есть идеограммы, т.е. символическая запись идеи, какого-то смысла. При этом данная идея-смысл обусловлена вполне определённым контекстом – учением о Дао, о котором, как сказано китайскими мудрецами, *кто знает, тот не говорит, а кто говорит – тот не знает* [2, с. 52].

Дадим в начале сопоставления краткую справку о традициях китайских именовании: «Обычно китайцы имеют имена, состоящие из одного или двух слогов, которые пишутся после фамилии. Существует правило, согласно которому китайское имя должно поддаваться переводу на путунхуа. С этим правилом связан известный случай, когда отцу – заядлому интернетчику – было отказано в регистрации сына на имя “@”» [3].

«Совершенные мудрецы древности, [прислушиваясь] к громким звукам [в природе] (сяо), постигали с их помощью Небо и Землю и называли [эти звуки названиями или] званиями (хао). [Они прислушивались] к пению [птиц и крикам животных], нарекали их [по этому признаку] и называли это именами. В имени (мин) выражаются, [таким образом], пение (мин) и наименование (мин). В звании (хао) выражается, [таким образом], громкий звук (сяо) и постижение (сяо). Итак, громкие звуки (сяо), с помощью которых постигаются Небо и Земля, это [названия или] звания (хао). Пение [и крики животных] (мин), с помощью которых давались названия, это – имена (мин). Имена и звания хотя и разнятся по звучанию, но основа у них единая. Имена и звания – [это способ] проникнуть в мысли Неба. Небо не говорит, оно заставляет людей выражать его мысли. Небо не действует, оно заставляет действовать людей, находящихся [в его власти]. Таким образом, имена являются [тем способом, которым] совершенные мудрецы выражали мысли Неба. [А следовательно], их нельзя не [подвергнуть] глубокому рассмотрению» [4].

Омофоны, которые, прежде всего, важны для поэтической и музыкальной формы, в китайской традиции именованию играют конститутивную роль. Возвращаясь к замыслу продолжить анализ корня слова «имя» в сино-тибетской группе языков, мы находимся в методологическом затруднении. В самом деле, обращаясь к намеченной Флоренским оппозиции между *шем* как действием внешнего объекта на воспринимающую способность человека и *именем-знанием* как познавательным действием самого человека, мы видим, что оба эти корня одновременно и отсутствуют, и присутствуют в китайской школе именованию (мин-цзя). «Имена и звания – это способ проникнуть в мысли Неба, Небо не говорит, оно заставляет людей выражать его мысли». Разумеется, это вполне в традиции Дао, традиции, в которой Небо, Земля и человек, следующий Дао, представляют собою три равновеликие силы. Уникальность китайского «мин» во взаимодействии этих трёх сил. Имя – *мин* – по этой причине трудно поддаётся адекватному переводу на имена индоевропейской группы языков и на имена семитской группы, о которых размышлял Павел Флоренский. Прежде чем мы перейдём к другим аспектам сопоставления, привлечём для целей нашего анализа *ономатодоксию* Алексея Лосева. Лосев, как и Флоренский, методологически и мировоззренчески размышляет о тайнах имени и числа на основе *паламитского богословия энергий*. Следствием такой основы является русская философия Имени и в значительной степени – русская философия Числа. Привлечём для нашего компаративистского анализа те идеи Алексея Лосева, которые были высказаны им в его знаменитой «Философии имени», а также в менее

известном трактате «Вещь и имя». Они интересны хотя бы тем, что при парадигмальной близости к идеям Павла Флоренского обладают своеобразием и уникальностью. Лосевская «Философия имени» – уникальный философский трактат, о котором другой выдающийся русский мыслитель, Семён Людвигович Франк, отозвался в том смысле, что со времён гегелевской философской системы ещё не было такого всеобъемлющего философского анализа действительности в целом. Не случайно сам Лосев, завершая своё эпохальное исследование, утверждает: «Онтологии не существует помимо вышеуказанных (в трактате. – В.Ф.) наук» [5, с. 791]. В третьей части своего трактата, названном «Предметная и до-предметная структура имени», Алексей Фёдорович предлагает сводку всего предыдущего своего анализа по сущности и структуре имени. В связи с большим объёмом содержания данной сводки я привожу лишь названия его четырёх частей, чтобы затем выделить наиболее значимые для целей нашего анализа элементы.

«1. Абсолютный меон, “иное”.

2. Меон в модусе осмысления, под осмысляющим действием энергемы < ... >

3. Сущность, или смысл – без инобытия, или меона < ... >

4. Апофатический момент» [5, с. 834].

Эта одна из схем знаменитой лосевской *тетрактиды*. В данной схеме мы можем констатировать движение «снизу вверх» – от *меона* (Лосев заимствует этот термин из античной философии и придаёт ему примерно тот же смысл, что современная философия и наука закрепляют за латинским термином – *материя*). В другом тексте, озаглавленном «Миф – развёрнутое магическое имя», Лосев намечает обратный порядок, указывающий, соответственно, на движение «сверху вниз» [6, с. 222].

В плане сравнительного анализа с *даоцентричной* традицией китайской культуры интересно отметить, что в ней тоже можно констатировать обратное-поступательное движение категорий – от абсолютного начала, терминологически выраженного как *У Цзи* – к моментам, обозначенным как *Ян – Инь* и *Тай Цзи*, а также знаменитую обратную схему движений в даосских практиках с целью возвращения к безначальному *У Цзи* [7, с. 133].

Конечно, заслуживает внимания и другой момент сходства мыслительных путей русских философов и китайских мудрецов. Как я уже отметил ранее, и у Лосева, и у Флоренского общей установкой является *богословие энергий*, развитое в трудах византийского монаха, подвижника и архиепископа Фессалоникийского *Григория Паламы*, а также его учеников и сторонников. В *даоцентричной* традиции Китая всегда присутствует указание на онтологическую роль движения энергии (*ци*). Это настолько существенно для данной

традиции, что даже сложнейшие линии движения, которые совершают меч воина или кисть мастера рисования иероглифов, фиксируют не что иное, как контуры движения энергии – ци, я уже не говорю о знаменитой дыхательной практике – Цигун.

В трактате «Вещь и имя» русский философ виртуозно развертывает диалектические моменты переходов категорий «действительность», «имя» и «вещь». Здесь читатель может обнаружить вполне удивительные определения русского мыслителя, как-то: «Имя вещи <...> есть осмысление её как объективно определённой личности, данной в повелительном самооткровении и сампроявлении» или: «Имя вещи есть предел смыслового самооткровения вещи» [5, с. 831–841]. Заслугой Алексея Лосева оказывается философски корректное выведение и определение понятия «энергия», понятия, которое со времён Григория Паламы доставляет христиански ориентированным авторам массу хлопот, т.е. теоретических и методологических затруднений. Диалектический гений Лосева решает вопрос с энергией изящно и без всяких затруднений: «Как вообще “бытие” и “небытие” синтезируются в становление, где есть и то, что становится, и это “что” всё время есть иное и иное, т.е. всё время

отталкивается от себя и становится небытием, так, в частности, тождество сущности с именем синтезируется с их различием так, что получается некое новое специфическое становление, которое мы называем энергией сущности. Энергия сущности есть, таким образом, диалектический синтез тождества и различия между сущностью и именем» [6, с. 225]. Какими характеристиками в китайской и в русской традиции наделяется число?

И Цзин – Книга Перемен – главный аргумент и главный критерий правильности суждений о статусе числа и имени в синологии. Приведу лишь некоторые фрагменты из статьи И. К. Разумова и Г. А. Ерёмченко о числовых закономерностях гексаграмм Вэнь Ванна: «Две канонических формы размещения гексаграмм приписываются мифическому императору Фу Си (3 тыс. до н.э.) и историческому основателю династии Чжоу – Вэнь Вану (XI в. до н.э.). Гексаграммы в порядке Фу Си (рис. 1, а) построены по простому правилу, отвечающему двоичной системе счисления, что впервые заметил Лейбниц. Заменяя сплошную и прерывистую черту соответственно на 0 и 1, имеем ряд целых чисел от 0 до 63 в двоичной системе, вписанных в квадрат Фу Си построено.

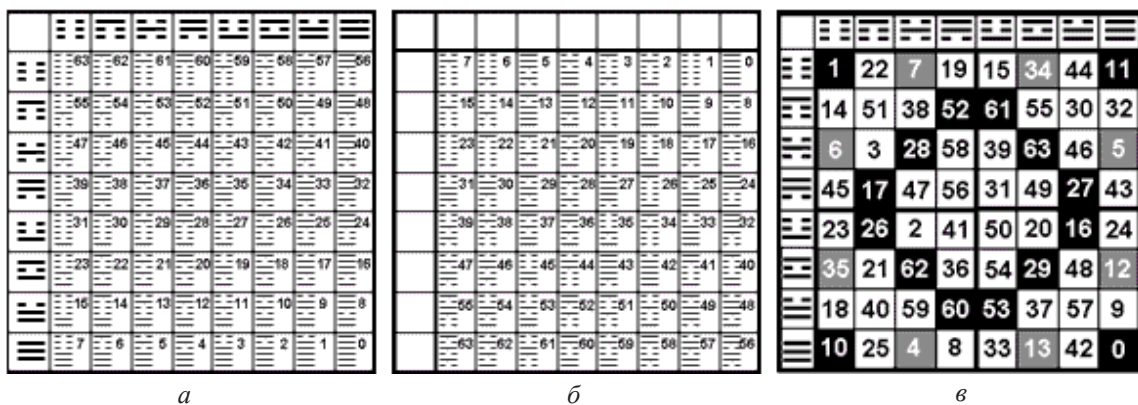

Рис. 1. Порядки Фу Си (а) и Вэнь Вана (б) размещения гексаграмм; представление Вэнь Вана через квадрат Фу Си (в)

В порядке Вэнь Вана (рис. 1, б) гексаграммы с четными и нечетными порядковыми номерами получают друг из друга переворачиванием, если же переворачивание сохраняет вид гексаграммы – проводится инверсия черт» [8, с. 102].

Приведу ещё одну схему из указанной статьи и затем вернусь к сравнительному анализу с философией числа у Флоренского.

Представление порядка Фу Си через квадрат Вэнь Вана: «Качественно подобные закономерности проявляются и в том случае, если гексаграммы квадрата Вэнь Вана заменить их номерами согласно Фу Си (рис. 2, а). Особенно интересен полумагический квадрат 4x4 в правом верхнем углу рисунка (рис. 2, б); $S_N = 3$ для этого квадрата в целом, для всех его строк, и для каждого из четырех вложенных квадратов 2x2.

Левая половина квадрата Вэнь Вана демонстрирует симметрию относительно горизонтальной оси при вычислении нумерологических сумм. Наконец, на рис. 2, в представлен результат нескольких последовательных преобразований порядка Вэнь Вана. Сначала проведено разделение четных и нечетных столбцов, так что все номера в левой части получившегося квадрата являются независимыми переменными по отношению к порядку Фу Си. Далее вычислены суммы по клеткам 2x2; и найдена нумерологическая разность R_N верхней и нижней половины квадрата (т.е. матрица 4x2, приводящая к верхней половине квадрата при поклеточном нумерологическом сложении с его нижней половиной). В последней матрице шесть раз встречается число 6 и два раза – 9.

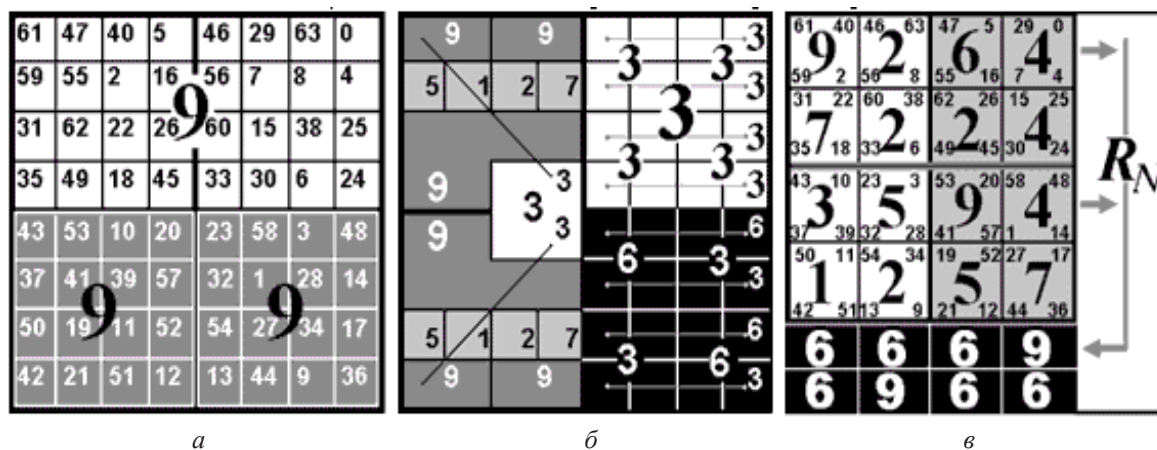

Рис. 2. *a* – Квадрат Вэнь Вана, заполненный номерами гексаграмм по Фу Си; *б, в* – некоторые закономерности в квадрате Вэнь Вана, числа соответствуют нумерологическим суммам S_N (*б*) и разностям R_N (нижние строки – *в*)

Как и в разд. 2.1, строгий анализ вероятностей затруднен по причине группировки гексаграмм в пары, причем номера в паре связаны через квадрат Фу Си. В частности, эта связь приводит к тому, что нумерологические суммы S_N для номеров спаренных гексаграмм могут быть равными только трем числам: 3, 6 и 9. Мы провели компьютерное моделирование, случайно размещая 32 пары чисел в каждом из 107 штук квадратов. Оказалось, что полумагический квадрат 4×4 , образованный равными числами, подобно рис. 2, *б* (правый верхний угол), реализуется с вероятностью 10^{-3} ; а совпадение нумерологических разностей, подобное рис. 2, *в*, с вероятностью $6 \cdot 10^4$, т.е. вероятности случайного совпадения чисел в рассмотренных конфигурациях невелики (в статье Разумова, Ерёмченко приводятся три рисунка, мною использованы два, поэтому их нумерация изменена. – В.Ф.)» [8, с. 102].

На основании этих ссылок легко согласиться с теми исследователями-синологами, которые относят И Цзин к китайской нумерологии. Такое суждение явно не учитывает не только подлинного соотношения традиции синмин-цзя и китайской нумерологии. Я уже приводил рассуждения Павла Флоренского о статусе имени и числа. Пора привести рассуждения Алексея Лосева, Алексей Фёдорович о числе и его природе размышлял во многих своих трактатах: мы находим у него определения числа и абстрактно-философские, например: «совпадение бытия и небытия в бытии есть число», и определения конкретно-всеобщие, которые приведены Лосевым в его трактате «Диалектические основы математики».

«Число, – утверждает русский философ, – является настолько основной и глубокой категорией бытия и сознания, что для его определения и характеристики можно брать только самые первоначальные, самые отвлечённые моменты того и другого». Я приведу лишь самую главную в контексте нашего исследования идею Алексея Лосева:

он квалифицирует число как «нерасцветшее имя», как имя *меонизированное*, как *инобытие* имени. Вот почему в числе, по Лосеву, сочетаются бытие и небытие, логическая и алогическая стихия. Число есть сфера смысла, смысловое априори sui generis: «Число есть определённая форма, или тип чистого смыслового полагания, форма смысловой положенности [9, с. 41].

Вот почему любая гексаграмма И Цзин имеет не только порядковый номер, но поясняется названием, а также герменевтическим истолкованием смысла данной позиции. Таким образом, мы можем заключить, что как *логоцентричная* русская мыслительная традиция, так и *даоцентричная* традиция китайских мудрецов каждая по-своему глубоко раскрывают тайну имён и тайну чисел.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» №12-33-09003 а).

Список литературы

1. Флоренский П. Имена. М.; Харьков, 1998. 912 с.
2. Антология даосской философии. М., 1994. 447 с.
3. Морозова Н. В. Китайские имена // Советская библиография. 1990. № 6(244). С. 24–28.
4. Анашина М. В. Омофоны в китайском языке. URL: <http://zhongdao.ru/omofony-v-kitajskom-yazyke/> (дата обращения: 16.07.2013).
5. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. 958 с.
6. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. 919 с.
7. Чжоу Цзунхуа. Дао Тайцзи-цюаня / пер. с англ. Киев, 1995. 352 с.
8. Разумов И. К., Ерёмченко Г. А. Числовые закономерности порядка гексаграмм Вэнь Ванна // Доклады независимых авторов. 2008. Вып. 9. С. 95–105.
9. Лосев А. Ф. Хаос и структура. М., 1997. 831 с.

Name and Number in the Russian and Chinese Thought Traditions

V. A. Friauf

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: friaufva@inbox.ru

Ontological status of name and number in Russian and Chinese philosophy – is the subject of the article. Russian onomatology and Chinese school of ming jia are compared. According to onomatology of Paul Florensky, name and number – are two different ontological principle of being-organization. The number is the source of an external and objective being of things. The name is the source of inner and personal being. The number is the source of time and space. The name is the core of personality and the source of spontaneity and duty. Florensky offers concept of the initial name as archetype of any name. Florensky so offers concept the Chreia as energy axis of the name-organism. In philosophy of Mines-Jia the word «min» (name) is combined with the word «Khao» (title). In Chinese-Tibetan group of languages the name is implied not to knowledge or memory, but to the sage's ability to express thoughts of the sky. Losev complements the ideas of Florensky, mentioned above. The name is the limit of self-disclosure of things. Losev also creates an original philosophy of number. The number is an apriory form of the semantic meaning. Chinese Numerology adds to the school of ming jia. The «Book of changes» - the I Ching – combines in itself the mystery of name and the mystery of number in the tradition of Tao.

Key words: name, number, knowledge, semantic form, philosophy of name, philosophy of number, I Ching, numerology, ming jia.

References

1. Florensky P. *Imena* (Names). Moscow ; Kharkov, 1998. 912 p.
2. *Antologiya daoskoy filosofii* (Anthology of philosophy of Tao). Moscow, 1994. 447 p.
3. Morozova N. V. Kitayskie imena (Chinese names). *Sovetskaya bibliografiya* (Soviet bibliography), 1990, no. 6, pp. 24–28.
4. Anashina M. V. *Omofony v Kitayskom yazyke* (Omofons in Chinese language), available at: <http://zhongdao.ru/omofony-v-kitajskom-yazyke/>
5. Losev A. F. *Bytie. Imya. Kosmos* (Being. Name. Cosmos). Moscow, 1993. 958 p.
6. Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost.* (Myth. Number. Essence). Moscow, 1994. 919 p.
7. Jou Tsung Hwa. *The Tao of Tai-Chi Chuan.* Warwick; N.Y., 1981. 257 p. (Russ. ed.: Chzhou Tsunkhua. *Dao Taytzi-tsyuanya.* Kiev, 1995. 352 p.).
8. Razumov I. K., Yeremenko G. A. Chislavye zakonomernosti poryadka geksagramm Ven Vana (Numerical regularities of an order hexagrams, Wen Vann). *Doklady nezavisimyykh avtorov* (The Papers of Independent Authors), 2008, iss. 9, pp. 95–105.
9. Losev A. F. *Khaos i struktura.* (Chaos and structure). Moscow, 1997. 831 p.

УДК 1: 316

МОДА И ЯЗЫК КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. М. Фролова

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов)
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Исследование в статье этапов становления моды позволило проследить процессы формирования норм поведенческих и вещных предпочтений, а также развитие системы социальной ранговой иерархии. Изучение значения языковых практик определило важность их роли в нормировании и сохранении порядка повседневного бытия. Обыденный язык как четко структурированный, фиксирующий заложенную в нем систему представлений и общения феномен устанавливает в зависимости от социальных ролей строгую упорядоченность применения, обуславливая тем самым институциональную значимость своего существования. Статусом языка обладает такое явление современности, как потребление. Возможности обретения материальных благ и внешний вид не только дают информацию о субъекте, которая иногда превосходит речевую, но и ориентируют обывателя на нормы потребле-

ния. Таким образом, язык и мода являются нормообразующими компонентами, четко определяющими институциональные границы повседневного бытия.

Ключевые слова: повседневность, мода, язык, обыденный язык, языковые практики, традиция иерархии в одежде, институционализация повседневного бытия.

Понятие института заимствуется гуманитарными науками у экономистов, в частности у Д. Норта, полагающего, что институты это «правила игры», которые «уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» [1] и ограничивают выбор поведенческих действий человека посредством внутренних нормативных

«глубинных» регуляторов (С. Г. Кирдина), которые не только упорядочивают и нормируют взаимоотношения людей, но и связывают прошлое с настоящим и будущим. В рамках повседневной деятельности такими нормообразующими факторами являются мода и язык, которые проходят длительный, не зависящий от директив властных структур путь формирования и, как правило, не только отражают исторические, технические, экономические преобразования в социуме, но и являются показателем его духовного состояния.

Не вызывает сомнений, что изменение повседневной деятельности человека непрерывно, оно зависит от «предшествующих траекторий» его генезиса, но «при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями», которые «частично наследуются из прошлого в виде непререкаемых матриц...» [2, с. 9], обусловленных каждодневными потребностями человека и неразрывно связанных с рутинной повседневной практикой индивида. Возьмем, к примеру, установку на поддержание общественного порядка через нормы повседневной одежды, моды, которую исследователи метко называли «разновидностью культурных норм».

В повседневной суете мы не задумываемся, что мода оказывает на нас огромное влияние, что при привычных и уже необходимых для нас руководств-эталонах при подборе элементов своего гардероба мы не только следуем простому желанию хорошо выглядеть, но и руководствуемся правилами, которые диктуют нам множество факторов: время года, день недели (будничным или выходной), мероприятие, род занятий. Таким образом, мода как образец вещественных и поведенческих предпочтений определенного общества нормирует, унифицирует и одновременно противопоставляет индивида коллективу, вынуждает не нарушать существующие, иногда навязанные правила поведения, одежды, этикета, противопоставляет (и даже осуждает) того, кто моде не следует. Мы полагаем, что с установлением образцов в одежде приходит и осознание значений общественных норм поведения, определенных этикетом, которых субъект вынужден придерживаться, дабы не быть изгоем и не подвергнуться коллективному порицанию. Это, несомненно, способствует развитию взаимо- и самоконтроля, ведь если бы окружающим было безразлично, как выгляжу «я» и рядом живущий человек, то, вероятно, не возникло бы необходимости через моду следовать нормативным установкам во внешнем виде, во всем соответствовать их требованиям. Следовательно, моду необходимо рассматривать как институциональный элемент повседневного бытия, отражающий нормы, правила, особенности общественного развития определенной исторической эпохи и уводящий субъекта от отклонений в нормах поведения и одежды.

Понятие моды сформировалось в эпоху Средневековья: тогда было введено строгое предписание фасона костюма, который зависел от социального положения индивида: монастырские уставы тщательно определяли цвет одежды орденов; рыцарские и университетские уставы упорядочивали аксессуары, точно указывающих на ранг их владельца; украшения и меха имели право носить только представители высших слоев общества. С установлением таких норм закрепляется введенное Т. Парсонсом понятие «дифференцирующего ранжирования индивидов» определенной социальной системы – когда субъекты принимают ранговую упорядоченность, следуют нормативной иерархичности в одежде [3]. Если изначально отступление от правил в одежде считалось просто деянием, достойным лишь общественного порицания (позже стало восприниматься как грех), то со времени утверждения ранговой иерархии костюм обретает законодательный статус.

В измененном виде законодательная традиция иерархии в одежде (в основном у священнослужителей и военнослужащих) и наличие аксессуаров (количество «звездочек» на погонах у военных, кортик у моряков, петлицы, обозначающие принадлежность к роду войск, награды) сохранилось до настоящего времени. Более того, неуполномоченное ношение аксессуаров (например, несоответствие военному званию погон или присвоение незаслуженных наград) по-прежнему подвергается общественному осуждению и преследуется по закону. Согласно Н. Элиасу, такому нормированию способствовали модификация прежних социальных фигураций и увеличение числа взаимосвязей между людьми, что обусловило необходимость запретов, привело к «рывку» цивилизации и, на наш взгляд, способствовало институализации каждодневной деятельности человека, поэтому моду можно рассматривать как экзистенциальное постижение и принятие нормативного бытия.

Благодаря значимости установленных в недалеком прошлом норм общественного существования современный человек не размышляет, в чем пойти на работу (в пижаме или костюме), он освобожден от выбора способа приветствия при встрече со знакомым или того, какое дерево нужно украшать в канун празднования нового года. Все это заранее определено и потому не замечается, не оспаривается, рутинно, обыденно и подвержено «рефлекторному автоматизму» (П. Штомпка). Таким образом, существующие нормативные шаблоны (к которым мы с уверенностью относим моду), обобщившие социальный опыт, выполняют функцию имманентных, не всегда замечаемых регуляторов наших предпочтений, стандартизирующих механизмы поведения и тем самым институализирующих повседневное бытие индивидов.

Для результирующего взаимодействия (В. Кермеров) и эффективного нормирования бытия крайне важно уметь донести до субъекта информацию, поскольку даже при описании одного предмета с использованием одних и тех же слов восприятие сказанного двумя субъектами может расходиться, так как за применяемым словом скрывается эмпирически воспринимаемая реальность, выработанная человеком в повседневной жизни. Чтобы информация была общедоступна, а главное, правильно воспринимается большинством членов общества, важны общие схемы коммуникации, выработке которых способствуют общие правила передачи информации, подразумевающие как упорядочивание языка жестов и мимики, так и нормирование словоупотребления. Вследствие этого язык как «объектирующий работу мышления» (С. Ожегов) начинает навязывать нам заложенную в нем систему представлений, затрудняющую четкое видение окружающих явлений посредством созданных им понятийных рамок. Следовательно, язык, как точно заметил К. Ясперс, относится к средству сохранения порядка, поскольку часто «сказанное значения не имеет; ценностным масштабам формулы служит возможность сохранить порядок, замаскировать то, что ставит его под сомнение» [4, с. 318], т.е. язык является нормирующим не только мышление, но и бытие человека феноменом.

Не вызывает сомнений, что язык формируется постепенно в процессе повседневного бытия и изначально был предназначен только для каждодневного общения. С развитием знаний начинает входить в повседневный обиход искусственный язык, который объединил специализированный (созданный для объяснений сложных, специфических явлений) и обыденный языки, а также вербальные и невербальные формы общения. Конечно, в сравнении с формальным, повседневный (обыденный) язык демонстрирует минимальный уровень определенности, но несмотря на то, что он существенно сокращает применение специальной терминологии, точно объясняющей многие явления, обыденный язык намного богаче и разнообразнее, поскольку включает в себя огромное количество форм словоупотребления, отражающих различные стороны бытия – бытового, разговорного, жаргонного, сленгового, и потому более понятен обывателю. Согласно точному замечанию Г. Райла, обыденный это значит «общий», т.е. тот, который не «противопоставляется обычным словам и выражениям» [5, с. 339], его употребляют многие люди, обращаясь к нему как постоянной величине. Особенности обыденного языка, продолжает мысль другой исследователь, свидетельствуют не столько «о его несовершенстве, сколько о могуществе, гибкости и скрытой силе» [6], требующих к себе особого внимания и подразумевающих определенный порядок его

употребления, не случайно иностранцы не могут уловить глубинного смыслового подтекста русского языка, привычного для его носителей.

Язык, согласно Бергеру, это первый институт, структурирующий микромир человека, через который раскрывается «обширная реальность», лежащая за пределами этого мира: «именно средствами языка в опыте <...> стабилизируются роли», что является «решающим шагом в процессе социализации» [7, с. 94–95] и расширении макромира любого субъекта. Если язык это институт, а институциональные установки формируются в процессе повседневной жизнедеятельности, то феномен речи можно рассматривать как институциональную составляющую повседневности, отражающую нормативное содержание бытия. Вероятно, не случайно Н. Луман считал, что «говорение – это специализированное на коммуникации, дифференцированное для исполнения этой функции и тем самым очень выделяющееся для восприятия поведение» [8, с. 226]. Это понятно, ведь нормы языка вырабатываются исходя из «презумпции понимания», представлений о порядке вещей, условий повседневной бытия среды, отражают культурное, материальное и социальное развитие общества.

И. Гофман, исследуя механизм нормативности языковой практики и приводя множество способов закрепления в обществе формальных и неформальных высказываний, пришел к выводу, что для индивида особо значимо умение свободно ориентироваться в разговорном пространстве, поскольку правильный учет времени, места и окружения помогает ему правильно осуществлять выбор норм общения [9, с. 609–612] и тем самым избегать непонимания. С этим сложно не согласиться, ведь языковые практики объединяют знания, выработанные в процессе каждодневных взаимодействий в соответствии с типизацией социальных ролей (роль пациента, родителя, работника), и потому имеют институализированные, понятные для всех форм общения правила, которые структурируют многообразие ситуаций повседневной деятельности и не допускают «отрыв от реальности» бытия. Таким образом, как социальный институт язык является отражением разнообразия «разновидностей» системы отношений, накладываемых повседневной деятельностью и реальностью бытия.

Несмотря на неповторимость и индивидуальность каждого субъекта в вопросе выбора способов выражения идей в процессе повседневной жизни (исключая творчество и искусство), язык ограничен выработанными в процессе каждодневного бытия знаково-семантическими рамками, которые определены каждодневной значимостью и не могут зависеть от предпочтений одного индивида. Следовательно, язык и его знаково-семантическое разнообразие вынужденно-необходимо структурированы и зафиксированы в понятных для всех нормах

общения, что помогает избежать бесформенности и «хаоса судорожных импульсов и неопределимых эмоций» (К. Гирц), допускает возможность определить через нормы языка индивидуальное и коллективное восприятие каждодневно окружающей реальности, а преобладание в языке определенных значений делают для всех очевидным наиболее значимые для индивидов явления.

Подтверждение сказанному находим у Э. Кассирера. Опираясь на исследования К. фон дер Штайнена, немецкий философ пишет, что не случайно у народов бакайри существует множество слов, дающих различные характеристики попугаям и пальмам, а у аборигенов Тасмании нет понятия дерева, но существует масса значений, отражающих многообразие разновидностей акаций и пальм [10, с. 228]. По этой же причине у северных народов для обозначения понятия «снег» существует около сорока различных значений и практически нет определений для зеленого цвета [11]. Можно сказать, что язык не только несет в себе бытийственное содержание, но и вкладывает в слова особый аспект мировидения.

При обсуждении языковых разнообразий, подчеркивает В. Гумбольдт, мы должны учитывать, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, но различные видения ее» [12, с. 349], поэтому отличия в формировании системы языковой практики (дискурса) можно рассматривать как разнокоординированность субъектов в восприятии нормативных, мировоззренческих и социальных установок каждодневного существования. Следовательно, утверждение, что «повседневный дискурс проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию» [13, с. 224], которой индивид руководствуется в процессе повседневного бытия, не лишено определенной значимости. Ведь эмпирические навыки являются не только производными дискурса, но и важными составляющими в выборе «говорения», приоритетных способов и норм изложения звуковой информации.

Аналогичная точка зрения прослеживается у М. Хайдеггера, который считал, что основополагающим элементом создания повседневной реальности является речь, «об-реченность», поскольку «речение <...> почерпнуто из того, о чем речь», следовательно, в языке отражены все мыслимые человеком культурные концепты, «уразумение потребностей», выражаемые через «голосовое озвучивание в словах» [14, с. 32], которые накладываются на реальные события и приспособляются под существующие правила восприятия. Очень важно в понимании языка то, что он «говорит вместе с нашей речью» [15, с. 264], является *текстом нашего бытия*. Кроме этого, «говорение», по Хайдеггеру, определяет социальную связь, дает ощущение неразрывности в пространстве, очерченном едиными языковыми

границами, и формирует мир субъектов, отличающийся единством мыслей, действий, поведенческих предпочтений и осмысления бытия.

В современных условиях, когда человечество превратилось в глобальную целостность, повседневное бытие все больше обретает открытый характер, что не всегда позитивно сказывается на культуре, цивилизации и языковых практиках различных народов. Дело в том, что глобализация способствует «надлому» традиционных, внутренних ценностных и нормативных установок, ведущему к потере индивидуальности, деформации и даже утрате наработанных веками языковых правил. Кроме этого, добавление в словарный запас слов и терминов, заимствованных из других языков, ведет к сглаживанию «оттенковых» различий национального языка, способствует его разнормированию и, как бы абсурдно это ни звучало, смысловому обеднению, ведь слепое и бессмысленное подстраивание под чужие нормы привычного словоупотребления лишает язык сплоченности «звуковых элементов» (П. Флоренский), заставляет искать в сказанном подтекст, затрудняет, согласно Ж. Лакану, диалог с Другим, а также усиливает речевые изъяны и непонимание в разговоре, создает ощущение, что субъект «отличен от того, что говорит» [16, с. 257], чем лишает внутреннего, духовного единения собеседников.

Духовным разобщением, разрушением общности нормативных установок становится все более институализирующийся феномен современности – потребление, к тому же обретший статус языка, при помощи которого становится возможным считать информацию о другом субъекте. Согласно Ж. Бодрийяру, «обращение, покупка, продажа, присвоение различных благ и вещей <...> составляет сегодня наш язык, кодекс, согласно которому целое общество *общается* и разговаривает. Такова структура потребления, ее *язык*...» [17, с. 109]. Приведенная цитата свидетельствует о небезосновательности подхода французского исследователя к потреблению как к институту, отражающему его «структурный принцип», основанный на принуждении и социальной избирательности, основанный не на принципе удовольствия или права, а на позиции гражданского долга.

Потребление как институт обладает регулирующей функцией, поскольку построено на правилах и нормах, упорядочивающих повседневную жизнь. Через нормирование потребления четко просматриваются особенности повседневного бытия на протяжении всего исторического развития общества. Не заглядывая в далекое прошлое, можно отметить разницу в отношении к потреблению в советский и постсоветский периоды. Так, в советское время ограниченное потребление было связано с экономическим несовершенством управляющей системы, и потому стремление «иметь» расценивалось как негатив-

ный фактор в характеристике членов общества. В постсоветский период навязываемое, нормируемое СМИ и рекламой тяготение к безграничному потреблению, способствующее хабиутализации (опривычиванию) идеи обогащения, вынуждает рассматривать активного потребителя товаров и услуг как одобряемого, положительного представителя общества.

Потребительская культура ведет к разрушению социального порядка, последствиями которого являются уравнивание человека с вещью, соответствующей моде, и всеобщая стандартизация жизни. Такая нормативность сопоставима с аномальной инфекцией, заражающей своим вирусом все общество. Больное общество не в состоянии сохранять свою культуру, национальную идентичность, здоровые нормы повседневного бытия, такое общество «задает границы организму, а организм ставит пределы обществу» [1], загоняя в стандартные нормы всевластных потребительских предпочтений, регулируя по своему усмотрению поведение субъектов и закрепляя новые типы идентичностей, играя роль основного руководства поведением индивидов. Таким образом, потребление постепенно переходит в категорию устоявшихся поведенческих и даже языковых норм, поскольку оценивается (к сожалению) возможность субъекта «иметь», что подразумевает (как и язык) передачу информации.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что мода как одна из ранних форм нормирования деятельности человека упрощает его существование, поскольку фундаментальной основой ее формирования выступает опыт, объединивший социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивида в повседневном существовании, поэтому моду можно рассматривать как массовый и долговременный творческий путь институализации повседневного бытия, по которому можно конструировать социальную реальность и «реальность повседневной жизни» (Бергер и Лукман) любого общества.

Язык и мода являются системообразующими компонентами социального мира, через которые

определяется и структурируется наше восприятие, учреждаются границы важности значений, воспроизводятся конститутивные установки повседневной деятельности, предопределяются поведение и принятие социальных норм, подчеркивается разноликость каждодневного существования общества, выделяя через языковую практику и предопределенности норм этикета и поведения особенности его бытия.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
2. Давидович В. Е., Золотухина-Аболлина Е. В. Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. № 3. С. 5–17.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
4. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.
5. Райл Г. Понятие сознания. М., 1999. 408 с.
6. Ивин А. А. Логика для журналистов. М., 2002. 224 с.
7. Бергер П., Бергер Б. Социология : Биографический подход // Бергер П., Бергер Б., Коллинс Р. Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 25–396.
8. Луман Н. Медиа коммуникации // Луман Н. Общество общества. М., 2011. С. 203–441.
9. Гоффман Э. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. 752 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. Т. 1. Язык. М. ; СПб., 2002. 272 с.
11. Кондратов А. М. Звуки и знаки. М., 1978. 208 с.
12. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 502 с.
13. Силантьев И. В. Газета и роман : риторика дискурсных смещений. М., 2006. 224 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. 451 с.
15. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 259–273.
16. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. 430 с.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.

Fashion and Language as Institutional Components of Daily Life

S. M. Frolova

Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Ulitsa Sobornaya, 23/25, 410031 Saratov, Russia
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Abstract: The research into the fashion formation stages in the article has allowed to trace the formation processes of behavioral and property preferences, as well as the development of the social rank hierarchy system. The study of the language practices significance has defined the importance of their role in the regulation and preservation of daily being order. Everyday language, as a clearly structured phenomenon firmly fixing the inherent system of ideas and communication, establishes, depending on social roles, the strict order of application, thus conditioning the institutional significance of its existence. Such phenomenon of modernity as consumption has the status of a language. The possibility of gaining material wealth and one's appearance not only give the information on a person, which sometimes surpasses speech information, but also guide a layman on consumption rates. Thus, language and fashion are rule-proclaiming components that clearly determine institutional frames of daily being.

Key words: daily life, fashion, language, everyday language, language practices, tradition of hierarchy in clothes, daily being institutionalization.

References

1. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, 1990. 152 p. (Russ. ed.: Nort D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moscow, 1997, 180 p.).
2. Davidovich V. E., Zolotukhina-Abollina E. V. Povsednevnost i ideologiya (Daily life and ideology). *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences). 2004, no. 3, pp. 5–17.
3. Parsons T. *The structure of social action*. N.Y., 1937, XII+ 817 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O strukture sotsialnogo deystviya*. Moscow, 2000. 880 p.).
4. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin ; Leipzig, 1932. 191 s. (Russ. ed.: Jaspers K. *Dukhovnaya situatsiya vremeni: smysl i naznacheniye istorii*. Moscow, 1994. 527 p.).
5. Ryle G. *The concept of mind*. L., 1949. 334 p. (Russ. ed.: Rayl G. *Ponyatiye soznaniya*. Moscow, 1999. 408 p.).
6. Ivin A. A. *Logika dlya zhurnalistov* (Logic for journalists). Moscow, 2002. 224 p.
7. Berger P., Berger B. *Sociology : A bibliographical Approach*. N.Y., 1972. 335 p. (Russ. ed.: Berger P., Berger B. *Sotsiologiy: Biograficheskiy podkhod*. Berger P., Berger B., Collins R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya*. Moscow, 2004. 608 p.).
8. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt/M, 1997. S. 190–412 (Russ. ed.: Luman N. *Media kommunikatsii*. Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva*. Moscow, 2011, pp. 243–441).
9. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. L., 1974. 586 p. (Russ. ed.: Goffman E. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, 2003. 752 p.).
10. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen: in drei Teilen. Erster Teil: Die Sprache*. Meiner, Hamburg, 2010. 330 s. (Russ. ed.: Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t. Vol. 1. Yazyk*. St. Petersburg, 2002. 272 p.).
11. Kondratov A.M. *Zvuki i znaki* (Sounds and Signs). Moscow, 1978. 202 p.
12. Humboldt W. *Von Schriften zur Sprachwissenschaft (Writings on linguistics)*. Zürich, 1994. 352 s. (Russ. ed.: Gumboldt V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, 1984. 502 p.).
13. Silantyev I.V. *Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy* (Newspaper and novel: the rhetoric of discourse confusion). Moscow, 2006. 224 p.
14. Heidegger M. *Being and Time*. L. ; N.Y., 2005, 220 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytiye i vremya*. St.-Petersburg, 2006. 451 p.).
15. Heidegger M. *Der Weg zur Sprache. Unterwegs zur Sprache*. Pfullingen: Neske, 1959, pp. 157–216 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Put k yazyku. Vremya i bytiye*. Moscow, 1993, pp. 259–273).
16. Lacan J. *The Seminar Book I, Freud's Papers on Technique / trans. with notes by J. Forrester*. Cambridge, 1988. 314 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Seminary. Kniga 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza {1953/54}*. Moscow, 1998. 430 p.).
17. Baudrillard J. *La Société de consommation: ses mythes et ses structures*. P., 1970. 318 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, 2006. 269 p.).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.015.7 + 343.953

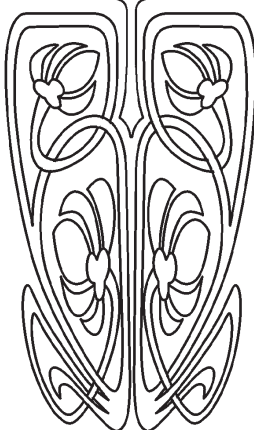
ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД

К. А. Киселёв

Киселёв Константин Анатольевич – инженер лаборатории юридической психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: Saratovian@gmail.com

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье обоснована актуальность исследования проблемы вовлечения и самововлечения в преступное поведение в контексте эволюционной психологии. Обобщены основные материалы зарубежных исследований по проблеме вовлечения личности в криминальную деятельность. Раскрыты социально-психологические механизмы преступного поведения. Описаны виды и причины преступности. В качестве основных мотивов преступного посягательства рассматривается борьба за статус и ресурсы путем эксплуататорской стратегии поведения в противовес социально-приемлемой модели. Приведены рекомендации исследователей, касающиеся психопрофилактики вовлечения в преступную деятельность. Показано, что профилактика и пенитенциарные меры по отношению к заключенным могут проявляться в виде выработки новых стратегий поведения у осужденных и введении законодательных инициатив, которые сделают несоразмерными риск и выгоду от преступления. Результаты теоретического анализа могут быть полезны криминологам, криминальным психологам, а также практикам в области пенитенциарной системы.

Ключевые слова: эволюционная психология, криминальная психология, причины преступного поведения, вовлечение в преступление.

Проблема вовлечения личности в преступную деятельность и генезиса криминализации личности является крайне важной и актуальной. Согласно ICPS (International Centre for Prison Studies – Международный центр тюремных исследований) в России на 100 000 жителей число заключенных составляет 487 человек (седьмое место в мире) [1]. В абсолютном значении на 1 марта 2013 г. (согласно данным ФСИН РФ) это – 697 800 осужденных [2]. Для минимизации риска вовлечения и самововлечения в преступную деятельность необходимо правильно понимать социально-психологические механизмы данных процессов.

Целью работы является обобщение основных материалов зарубежных исследований в области эволюционной психологии по проблеме вовлечения личности в криминальную деятельность и причинам преступного поведения. В настоящее время эволюционная психология как предмет научного знания в России развита очень слабо. Еще менее развитыми являются объяснительные модели криминального поведения и вовлеченности личности в преступность на базе эволюционной психологии. Основная задача данной работы – проанализировать научные исследования, объясняющие преступления с позиции эволюционной методологии.

Вовлечение личности в криминальную деятельность является сложным процессом, обусловленным как внешними воздействиями (средовым и социальным), так и внутренними побуждениями (мотивацией) самой личности. В юридической и криминалистической литературе акцентируется внимание на вовлечении в совершение

антиобщественных деяний несовершеннолетних (УК РФ, ст. 151 [3]) или на проблему вовлечения в занятие проституцией (УК РФ ст. 240) [3]. Из определения следует, что под вовлечением понимается склонение одного человека другим к совершению преступления путем угроз, уговоров, обмана и других действий. Однако данные статьи касаются преимущественно несовершеннолетних и в рамках правового подхода не рассматривают внутренние психологические механизмы вовлечения и самововлечения в совершение преступлений. Д. Басс считает, что эволюционная психология является мощной методологической базой для объяснения криминального поведения [4].

Существует множество психологических теорий, которые пытаются объяснить причины криминального и девиантного поведения личности: среди них теории самоконтроля [5], теория аномии [6, 7], теории социального научения [8], теория черт Э. Глюк [9], теории врожденного преступника [10] и др. Одним из методов интеграции данных теорий может стать эволюционный подход, в котором влияние среды, врожденные филогенетические механизмы и научение объединяются в единую систему. Предметом эволюционной психологии является изучение адаптивного значения поведения и объяснение особенностей формирования во времени определенных моделей поведения, которые обеспечивали выживание человека и общества [11]. Эволюционные психологи считают интеллект, психику и поведение человека адаптивными признаками, которые приспособливают его к среде и эволюционируют под действием давления естественного отбора [12].

История эволюционной психологии началась с Чарльза Дарвина, который предположил, что люди имеют инстинкты, в том числе и социальные, которые развились путем естественного отбора: «как модификации в строении тела возникают и развиваются <...> так точно было и с инстинктами» [13]. Однако Дарвин рассматривал стремление видов к выживанию и размножению в большей степени на индивидуальном уровне, современная же наука рассматривает все взаимодействия в комплексе групп и экосистем [14]. В дальнейшем данное направление формировалось в рамках социобиологии, которая впоследствии объединила в себе данные эволюционной биологии и когнитивной науки. Сам термин «эволюционная психология» был введен М. Гизелином [15] в 1973 г. и популяризирован в 1992 г. в работе Дж. Баркова, Л. Космидес и Дж. Туби [16].

В настоящее время эволюционная психология является предметом широкой дискуссии и споров в научном сообществе и часто подвергается критике [17, 18]. Например, некоторые авторы считают, что недостаточно четко определено влияние воспитания на личность, недостаточно учитывается переплетение культуры и биологиче-

ской составляющей. Однако Д. Басс, Дж. Конфер, Дж. Истон и др. [19] возражают, утверждая, что именно в эволюционной психологии снимаются дихотомии между «врожденной – приобретенной» и «биологической – культурной» составляющими. Вместо этого предлагается следующий интеракционистский подход: естественный отбор среды формирует механизмы на филогенетическом (врожденном) уровне. Среда далее влияет на развитие индивида на онтогенетическом уровне. И сама же среда активизирует психологические механизмы адаптации. За человеком остается выбор стратегий поведения, в том числе и криминального. Эволюционная психология использует синкретическое единство культурной и биологической эволюции. Э. Машери [20] отмечает, что хотя данный подход является очень спорным в психологической науке, он все же имеет твердую методологическую базу.

Альтернативные объяснительной модели психики основываются на теории эволюции, отражают последние достижения в области когнитивной неврологии и психологии развития, благодаря чему достигается диалектическое равновесие между природой и воспитанием [17]. Н. Смит, цитируя Пинкера, отмечает, что люди развивались соответственно одной группе законов – законов естественного отбора и генетики, а их взаимодействие друг с другом соответствует другому набору законов – познания и социальной психологии, человеческой экологии и истории [21].

Ввиду определенной сложности анализа влияния генетически обусловленных паттернов реагирования, когнитивных функций на поведение ряд специалистов-психогенетиков [22] отмечают целесообразность изучения более «простых» признаков, компонентов общего (анализ движений и т.п.).

Важным методологическим постулатом является теория эволюционно-стабильной стратегии (ЭСС) [23]. Она определяется как стратегия поведения (инвариант), которая, будучи принятой большинством членов данной популяции, не может быть превзойдена никакой альтернативной стратегией, иначе группа не выживет [24]. Проявляется ЭСС в таких формах инвариантного поведения, как альтруистическое, агрессивное, статусно-ролевое и брачно-репродуктивное. Таким образом, это становится регулятором общества и способствует удержанию от криминального поведения в большинстве случаев. Однако её воздействие касается естественного отбора. В случае аномии [6] происходят иные социально-психологические феномены, обусловленные тем, что у человечества также присутствует культурный уровень. Предполагается, что отдельные врожденные стратегии поведения при воздействии неблагоприятной среды могут дать соответствующую реакцию в виде девиантного поведения.

Согласно ген-культурной коэволюционной теории [25, 26, 27] наша способность приобретать убеждения, ценности, идеи и знания (т.е. наша способность к культурному обучению) основана на филогенетическом развитии психических процессов. Культурное обучение, передача норм, ценностей и знаний становится основой для культурной эволюции (это является вторым фактором наследования, наряду с генетическим). Оба типа эволюции имеют тесную связь. И если за передачу единицы наследственной информации отвечает ген, то для единицы передачи культурной информации был введен термин «мем» (или «мим», от англ. «meme») [24]. Мемы, как отмечает Грэхэм [28], способны видоизменяться, воспроизводиться и подвергаться естественному отбору путем научения, имитации и т.д. Примерами мемов в криминальной психологии могут быть девиации, эффект Вертера (подражательные самоубийства). Б. Силби [29] сделал предположение, что можно изучить и научиться предсказывать, какие мемы (элементы культуры, лозунги) могут вызвать криминализацию поведения и устранить их.

Согласно данным эволюционной психологии [4], все поведение человека – преступное или обычное – является продуктом психологических механизмов (продуцируемых мозгом) в сочетании с воздействием среды, которая активизирует или подавляет их активацию. Таким образом, отбираются не образцы поведения, а ментальные механизмы или инстинкты. Как и в любой энвиронментальной теории, основной детерминантой здесь является особенность обстоятельств, побуждающих либо удерживающих от криминального деликта.

Дж. Палмер, ссылаясь на Томпсона, полагает, что «повышение преступности в обществе объясняется снижением вероятности взаимопомощи между донором и реципиентом альтруистического поведения. Низкая выгода альтруизма снижает невыгодность преступления и повышает уровень преступности» [11, с. 131].

В эволюционной психологии понимание мотивов преступного поведения связано с понятием «борьба за ресурсы» и эксплуататорские стратегии их приобретения (социально одобряемыми являются другие две стратегии – индивидуальная и кооперативная) [4, 30, 31]. Физическое насилие, агрессия и убийство Р. Блум и Н. Десс объясняют с точки зрения попытки устранить конкурента и получить его имущество [32]. Воровство и мошенничество представляют собой такие паттерны адапционного поведения, которые могут максимально быстро удовлетворить потребности человека [4, 27]. Другим мотивом для подобных криминальных действий является стремление получить более высокий статус в социальной иерархии. Например, эволюционная психология отлично объясняет причины убийств на бытовой

почве совершенно незнакомых людей: из-за конфликта одна из сторон чувствовала угрозу социальному статусу, защита которого для личности является очень важной [33].

Отсюда же вытекает и такой феномен, как ревность и насилие по отношению к сексуальному партнеру, которое вызвано ею [34, 35]. Индивид воспринимает риск потери доступа к ключевым ресурсам, таким как интимные отношения. Угрозы и насилие являются следствием желания удерживать партнера в подчинении.

Сексуальное насилие понимается как стратегия, направленная непосредственно на получение репродуктивных ресурсов [33]. В. Маккиббин [36] в рамках эволюционной теории выделяет пять причин сексуального насилия: а) недоступность половых партнеров для индивида, вызванная низким социальным статусом или отсутствием возможности вступить в половое сношение; б) девиации, связанные с отсутствием сексуального возбуждения от совокупления по обоюдному согласию; в) сексуальная мотивация в различных условиях, когда изнасилование может быть потенциально безнаказанным (например, в условиях войны); г) психопатии, при которых доминирующий мужчина не испытывает сочувствия к жертве и может изнасиловать её в случае такой возможности; д) неуверенности и проблема во взаимоотношении с противоположным полом. Альтернативное объяснение сексуальному насилию есть и у ген-культурной коэволюционной теории, согласно которой причина сексуальной агрессии лежит в среде и культурных реалиях [25, 26, 27].

Д. Басс [37] отмечает значение эмоций в выборе адаптивных стратегий поведения, в том числе и агрессивных. Соглашаясь с Т. Хирши [5], он наряду с Дж. Шейноми и Н. Квисенберри [38] выделяет такой фактор, как самоконтроль в потенциально криминогенной ситуации. Для лиц с низким самоконтролем преступление обеспечивают немедленное удовлетворение желаний, в то время как лица с высоким уровнем самоконтроля будут искать иные формы реализации своих потребностей.

Из эволюционной психологии также следует, что общество для своего выживания создавало иные стратегии адаптации, которые позволяют противостоять изнасилованиям, убийствам и кражам. Выражаясь словами Д. Басса и Дж. Дантли [4, 34], всю историю шла коэволюционная «гонка вооружений» между теми, кто избирал эксплуататорский стиль поведения, и его жертвами.

В современном мире, где есть суды и полицейские силы, эволюционная психология становится отличным методом профилактики преступлений [4]. Если знать, какой тип средового влияния активизирует психологические механизмы эксплуататорского поведения и как принимается

индивидом на личностном уровне, то можно, изменяя данные переменные, уменьшить количество преступлений и помочь в реабилитации заключенным. Отсюда профилактика и воспитательные меры по отношению к заключенным могут проявляться в виде выработки новых стратегий поведения у осужденных и введения законодательных инициатив, которые сделают несоразмерными риск и выгоду от преступления.

Касательно пенитенциарных стратегий наказание–реабилитация была выявлена закономерность: репарационные меры хороши для нетяжкого преступления [39]. В случае насильственных преступлений наказание предпочтительней, нежели меры реабилитации.

Резюмируя, стоит отметить, что в рамках эволюционного подхода исследователи указывают на различные факторы и детерминанты преступного поведения. Центральной частью является борьба за сохранение и улучшение статуса и эксплуататорская реализация потребности в приобретении тех или иных ресурсов. Эволюционный подход к криминальной психологии имеет большую эвристическую ценность. Хотя его часто критикуют за излишний редуционизм [18], тем не менее он представляет удобные модели для понимания большинства криминальных посягательств, а также создания мер по психопрофилактике девиантного поведения и реабилитации заключенных. По мнению Т. Варда и Р. Диранта [27], именно эволюционная психология способна интегрировать знания криминологии, биологии и психологии, создав тем самым единую теорию.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в анонимном российском обществе» № 13-06-00491.

Список литературы

- World Prison Brief – Russia // International Centre for Prison Studies – Международный центр тюремных исследований. URL: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wp_b_stats.php? (дата обращения: 31.03.2013).
- Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 31.03.2013).
- Уголовный кодекс Российской Федерации. Редакция от 30 декабря 2012 г. М., 2012, 192 с.
- Buss D. M. The Evolutionary Psychology of Crime // J. of Theoretical and Philosophical criminology Commentary Special edition. 2012. January. Vol. 1(1). P. 90–98.
- Gottfredson M., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford, 1990. 297 p.
- Дюркгейм Е. Самоубийство. М., 1994. 400 с.
- Мертон Н. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 880 с.
- Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000. 320 с.
- Иниаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. 383 с.
- Ломброзо Ч. Преступный человек. М., 2005. 876 с.
- Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб., 2007. 384 с.
- Утевская О. М., Луценко Е. Л. Эволюционная психология в вопросах пола и гендера // Актуальні проблеми практичної психології : збірник наукових праць : в 2 ч. Частина 1. Херсон, 2008. С. 389–396.
- Дарвин Ч. О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. М., 2009. 224 с.
- Докинз Р. Расширенный фенотип. Дальнее влияние гена. СПб., 2010. 512 с.
- Ghiselin M. T. Darwin and evolutionary psychology // Science. 1973. March. Vol. 179, № 4077. P. 964–968.
- Barkow J. H., Cosmides L., Tooby J. The adapted mind. Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. N.Y. ; Oxford, 1992. 688 p.
- Gannon L. A critique of evolutionary psychology // Psychology, Evolution & Gender. 2002. № 4.2. August. P. 173–218.
- Brinkmann S. Can we save Darwin from evolutionary psychology? // Nordic Psychology (Online). 2010. Vol. 63, № 3. P. 50–67.
- Confer J. C., Easton J. A., Fleischman D. S., Goetz C. D., Lewis D. M., Perilloux C., Buss D. M. Evolutionary Psychology. Controversies, Questions, Prospects and Limitations // American Psychologist. 2010. February–March. P. 110–126.
- Machery E. Discovery and Confirmation in Evolutionary Psychology // The Oxford Handbook of Philosophy of Psychology. Semesterone, 2011. 28 p. URL: http://www.pitt.edu/~machery/papers/Discovery_and_Confirmation_in_Evolutionary_Psychology_FINAL.pdf (дата обращения: 31.03.2013).
- Смит Н. Психология. Современные системы. СПб., 2007. 544 с.
- Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика / под ред. И. В. Равич-Щербо. М., 2000. 447 с.
- Smith J. M. Evolution and the theory of games. Oxford, 1982. 225 p.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993. 318 с.
- Henrich J., McElreath R. Dual-inheritance theory : The evolution of human cultural capacities and cultural evolution. Dunbar M. B. L. // The Oxford handbook of evolutionary psychology. Oxford, 2007. P. 555–568.
- Laland K. N. Gene-culture coevolution. University of Cambridge. URL: <http://faculty.weber.edu/eamsel/Classes/Child%203000/Lectures/1%20Preliminaries/Genes%20x%20Environments/gene%20culture%20coevolution.pdf> (дата обращения: 31.03.2013).

27. Ward T., Durrant R. Evolutionary behavioural science and crime : Aetiological and intervention implications // *Legal and Criminological Psychology*. 2011. Vol. 16, iss. 2. P. 193–210.
28. Graham G. *Genes : a philosophical inquiry*. L. ; N.Y., 2002. 196 p.
29. Silby B. What is a Meme? Department of Philosophy. University of Canterbury. 2000. URL: http://www.def-logic.com/articles/what_is_a_meme.html (дата обращения: 31.03.2013).
30. Cohen L. E., Machalek R. A general theory of expropriative crime : An evolutionary ecological approach // *American J. of Sociology*. 1988. № 94. P. 465–501.
31. Vila B. J., Cohen L. E. Crime as Strategy : Testing an Evolutionary Ecological Theory of Expropriative crime // *American J. of Sociology*. 1993. Vol. 98, № 4. P. 873–912.
32. Bloom R. W., Dess N. *Evolutionary Psychology and Violence : A Primer for Policymakers and Public Policy Advocates*. Westport, 2003. 304 p.
33. Duntley J., Shackelford T. K. *Evolutionary Forensic Psychology*. Oxford. 2008. 314 p.
34. Buss D. M., Duntley J. D. The evolution of intimate partner violence // *Aggression and Violent Behavior*. 2011. № 16. P. 411–419.
35. Кочетова Т. В. Эволюционный подход в социально-психологических исследованиях : половые различия как ведущие детерминанты статусных предпочтений // *Социальная психология и общество*. 2010. № 1. С. 78–90.
36. McKibbin W. F., Shackelford T. K., Goetz A. T., Starratt V. G. Evolutionary psychological perspectives on rape / ed. J. Duntley, T. K. Shackelford // *Evolutionary forensic psychology*. N.Y., 2008. P. 101–120.
37. Buss D. M. *The Handbook of Evolutionary Psychology*. Hoboken, 2005. 1056 p.
38. Shayne J., Neil Q. The general theory of crime : how general is it? // *Deviant Behavior*. 2004. № 25. P. 401–426.
39. Petersen M. B., Sell A., Tooby J., Cosmides L. To punish or repair? Evolutionary psychology and lay intuitions about modern criminal justice // *Evolution & Human Behavior*. 2012. Vol. 33, iss. 6. P. 682–695.

Explanation of the Cause of Criminal Behaviour: Evolutionary Approach

K. A. Kiselev

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: Saratovian@gmail.com

The present article proves the relevance of studying the problem of involvement and self-involvement in criminal behavior in the context of evolutionary psychology. It gives an overview of original materials of foreign researches about the problem of involvement of a person into criminal activity. The article uncovers social and psychological mechanisms of criminal behavior. The reasons and types of separate kinds of crime are described. The main motives of criminal encroachment are fight for status and resources by means of exploitation behavior strategy as a counterbalance of the socially acceptable model. Recommendations of researchers concerning psychoprophylaxis of involvement in criminal activity are provided in the article. It is shown that prophylaxis and penitentiary measures, in relation to prisoners can be shown in the form of elaboration of new strategies of behavior in prisoners and introduction of statutory initiatives which will make risk and benefit from a crime disproportionate. Results of the theoretical analysis can be useful for criminologists, criminal psychologists, and practitioners in the area of penal system.

Key words: evolutionary psychology, criminal psychology, cause of criminal behavior, involvement in a crime.

References

1. World Prison Brief – Russia. *International Centre for Prison Studies – mezhdunarodnyy tsentr tyuremnykh issledovaniy* (International Centre for Prison Studies), available at: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_stats.php?
2. Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitelnoy sistemy (Brief description of the penal system). *Ofitsialnyy sayt FSIN Rossii* (Official web-site of FPSRF), available at: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>
3. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (Criminal code of Russia)*. Ed. 30 December 2012 c.
4. Buss D. M. The Evolutionary Psychology of Crime. *Journal of Theoretical and Philosophical criminology Commentary Special edition*, 2012, January, vol. 1(1), pp. 90–98.
5. Gottfredson M., Hirschi T. *A General Theory of Crime*. Stanford, 1990. 297 p.
6. Durkheim E. *Suicide*. New York, 1997. 416 p. (Russ. ed.: Dyurkgeym E. *Samoubiystvo*. Moscow, 1994. 400 p.).
7. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York, 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton H. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura*. Moscow, 2006. 880 p.).
8. Bandura A. *Social Learning Theory*. New Jersey, 1976. 247 p. (Russ. ed.: Bandura A. *Teoriya sotsialnogo naucheniya*. S. Petersburg, 2000. 320 p.).
9. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya* (Foreign Criminology). Moscow, 1997. 383 p.
10. Lombroso C. *Criminal man*. Durham, 2006. 448 p. (Russ. ed.: Lombroso Ch. *Prestupnyy chelovek*. Moscow, 2005. 876 p.).
11. Palmer J., Palmer L. *Evolutionary Psychology: The Ultimate Origins of Human Behavior*. New Jersey, 2001, 304 p. (Russ. ed.: Palmer Dzh., Palmer L. *Evolutsionnaya psikhologiya. Sekrety povedeniya Homosapiens*. S. Petersburg, 2007. 384 p.).
12. Utevskeya O. M., Lutsenko E. L. *Evolutsionnaya psikhologiya v voprosakh pola i gendera* (Evolutionary psy-

- chology in matters of sex and tender). *Aktualni problemi praktichnoï psikhologii: zbirnik naukovikh prats*. Chastina 1. Kherson, 2008, pp. 389–396 (Actual Problems of Applied Psychology: collected papers. Part 1. Kherson, 2008, pp. 389–396.).
13. Darwin C. *The Origin Of The Species*. New York, 1995. 459 p. (Russ. ed.: Darwin Ch. *O proiskhozhdenii vidov putem estestvennogo otbora ili sokhraneniï blagopriyatstvuyemykh porod v borbe za zhizn*. Mocsow, 2009. 224 p.).
  14. Dawkins R. *The Extended Phenotype*. Oxford, 1989. 336 p. (Russ. ed.: Dokinz R. *Rasshirennyy fenotip. Dalneye vliyaniye gena*. St. Petersburg, 2010. 512 p.).
  15. Ghiselin M. T. Darwin and evolutionary psychology. *Science*, 1973, vol. 179, no. 4077, pp. 964–968.
  16. Barkow J. H., Cosmides L., Tooby J. *The adapted mind. Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*. New York, Oxford, 1992.
  17. Gannon L. A critique of evolutionary psychology. *Psychology, Evolution & Gender*, 2002, no. 4.2, August, pp. 173–218.
  18. Brinkmann S. Can we save Darwin from evolutionary psychology? *Nordic Psychology*, 2010, vol. 63, no. 3, pp. 50–67.
  19. Confer J. C., Easton J. A., Fleischman D. S., Goetz C. D., Lewis D. M., Perilloux C., Buss D. M. Evolutionary Psychology. Controversies, Questions, Prospects and Limitations. *American Psychologist*, 2010, February-March, pp. 110–126.
  20. Machery E. Discovery and Confirmation in Evolutionary Psychology. *The Oxford Handbook of Philosophy of Psychology*. Semesterone, 2011, 28 p. Available at: http://www.pitt.edu/~machery/papers/Discovery_and_Confirmation_in_Evolutionary_Psychology_FINAL.pdf
  21. Smith N. W. *Current Systems in Psychology*. Washington, 2001. 448 p. (Russ. ed.: Smit N. *Psikhologiya. Sovremennye sistemy*. St. Petersburg, 2007. 544 p.).
  22. Ravich-Shcherbo I. V., Mariutina T. M., Grigorenko E. L. *Psikhogenetika* (Psychogenetics). Ed. I. V. Ravich-Shcherbo. Moscow, 2000. 447 p.
  23. Smith J. M. *Evolution and the theory of games*. Oxford, 1982. 225 p.
  24. Dawkins R. *Selfish gene*. New York, 1976. 352 p. (Russ. ed. Dokinz R. *Egoistichnyy gen*. Moscow, 1993. 318 p.).
  25. Henrich J., McElreath R. Dual-inheritance theory: The evolution of human cultural capacities and cultural evolution. *The Oxford handbook of evolutionary psychology*. Oxford; New York, 2009, pp. 555–568.
  26. Laland K. N. *Gene-culture coevolution*. Cambridge, available at: <http://faculty.weber.edu/eamsel/Classes/Child%203000/Lectures/1%20Preliminaries/Genes%20x%20Environments/gene%20culture%20coevolution.pdf>
  27. Ward T., Durrant R. Evolutionary behavioural science and crime: Aetiological and intervention implications. *Legal and Criminological Psychology*, 2011, vol. 16, iss. 2, pp. 193–210.
  28. Graham G. *Genes: a philosophical inquiry*. London; New York. Routledge, 2002, no. 4. 196 p.
  29. Silby B. *What is a Meme?* Department of Philosophy. University of Canterbury. 2000, available at: http://www.def-logic.com/articles/what_is_a_meme.html
  30. Cohen L. E., Machalek R. A general theory of expropriative crime: An evolutionary ecological approach. *American Journal of Sociology*, 1988, no. 94, p. 465–501.
  31. Vila B. J., Cohen L. E. Crime as Strategy: Testing an Evolutionary Ecological Theory of Expropriative crime. *American Journal of Sociology*, 1993, vol. 98, no. 4, pp. 873–912.
  32. Bloom R. W., Dess N. *Evolutionary Psychology and Violence: A Primer for Policymakers and Public Policy Advocates*. 2003. 304 p.
  33. Duntley J., Shackelford T. K. *Evolutionary Forensic Psychology*. Oxford, 2008, 314 p.
  34. Buss D. M., Duntley J. D. The evolution of intimate partner violence. *Aggression and Violent Behavior*, 2011, no. 16, pp. 411–419.
  35. Kochetova T. V. Evolyutsionnyy podkhod v sotsialno-psikhologicheskikh issledovaniyakh: polovyye razlichiya kak vedushchiye determinanty statusnykh predpochteniy (Evolutionary approach in socio-psychological research: gender differences as main determinants of status preferences). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (*Social Psychology and Society*). 2010, no. 1, pp. 78–90.
  36. McKibbin W. F., Shackelford T. K., Goetz A. T., Starratt V. G. Evolutionary psychological perspectives on rape. *Evolutionary forensic psychology*. New York, 2008, pp. 101–120.
  37. Buss D. M. *The Handbook of Evolutionary Psychology*. Hoboken, 2005.
  38. Shayne J., Neil Q. The general theory of crime: how general is it? *Deviant Behavior*, 2004, no. 25, pp. 401–426.
  39. Petersen M. B., Sell A., Tooby J., Cosmides L. To punish or repair? Evolutionary psychology and lay intuitions about modern criminal justice. *Evolution & Human Behavior*, 2012, vol. 33, iss. 6, pp. 682–695.

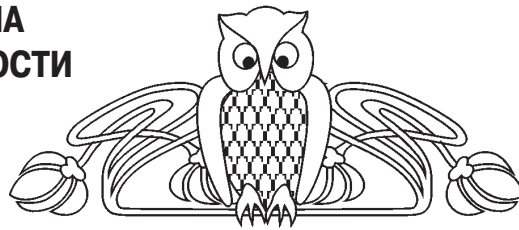

УДК 159.923+159.944.3-057.87

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И КОПИНГ-СТРЕССОВЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

И. В. Малышев

Малышев Иван Викторович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Саратовский государственный университет
E-mail: iv.999@list.ru

В статье рассматривается проблема творческого потенциала личности в контексте преодоления ею сложных и стрессовых ситуаций. Представлены результаты анализа составляющих творческих возможностей личности и основных копинг-поведенческих стратегий бывших выпускников общеобразовательных школ – студентов младших курсов вуза с разной профессиональной направленностью. Установлена взаимосвязь между изучаемыми явлениями. Отмечено, что для большинства студентов характерна следующая модель копинг-стрессовой поведенческой стратегии: «решение задачи – избегание –эмоции». Творческий потенциал личности, который выражен в факторах личностной креативности («склонность к риску», «любознательность», «сложность», «воображение», суммарный показатель) и уровня творческого потенциала, существенно влияет на копинг-поведение и тесно взаимосвязан со стратегией копинга, ориентированного на решение задачи. Определена роль творчества и личностной креативности как факторов, повышающих адаптационные возможности личности и влияющих на выбор ею эффективных копинг-стрессовых стратегий.

Ключевые слова: адаптационные характеристики, копинг-стратегии, творческий потенциал личности, личностная креативность.

Активно противостоять негативному воздействию стрессов на сегодняшний день невозможно без учета разных адаптационных характеристик личности и изучения стратегий совладающего поведения, направленного на выработку личностью эффективных стратегий преодоления стрессовых ситуаций. В этом контексте существенное значение приобретают исследования творческого потенциала личности, ее характеристик креативности во взаимосвязи с основными копинг-стрессовыми поведенческими стратегиями. Копинг-поведение в отечественной и зарубежной психологии принято обозначать как процесс преодоления человеком трудных жизненных ситуаций. Преодолевающее или совладающее поведение снижает риск возникновения дезадаптации или полностью адаптирует личность. Л. М. Митина полагает, что адекватное совладающее поведение характеризуется как реалистическое, гибкое, включающее произвольный выбор, активное поведение, повышающее адекватные возможности человека, в котором человек стремится к самоактуализации, совершенству и реализации своих потенциальных возможностей [1].

А. Либин и А. Либина указывают на то, что способы совладания (реагирование на сложные жизненные ситуации) зависят от степени самоактуализации личности, т.е. чем выше уровень развития личности человека, тем успешнее он справляется с возникшими трудностями [2].

Эффективность и неэффективность преодолевающего поведения ряд исследователей связывают с понятием копинг-стратегии как наиболее или наименее успешных приемов, с помощью которых и происходит процесс совладания. В своей классификации Р. Лазарус и С. Фолкман обозначили два основных типа стратегий – проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный копинг [3]. Первый связан с попытками человека улучшить отношения «человек–среда» путем изменения когнитивной оценки сложившейся ситуации. Второй в большей мере направлен на снижение физического или психологического влияния стресса через мысли и действия. К наиболее эффективным (адаптивным), по мнению большинства ученых, следует отнести те копинг-стратегии, которые по своей природе несут «активность», позитивное рассмотрение проблемы, т.е. направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации [4].

В связи с этим возникает вопрос: какие личностные проявления (факторы) оказывают влияние на выбор наиболее эффективных копинг-стратегий? Одним из таких явлений, включающих механизм выбора приемлемого копинга, могут стать творческие возможности личности. В современных исследованиях убедительно показано положительное значение творчества как фактора «антивыгорания», стабилизирующего личность и помогающего снизить негативное влияние стрессов в разных условиях. Влияние творчества на адаптивное, преодолевающее поведение человека особенно ярко проявляется при изучении длительных рабочих стрессов. Н. Е. Водопьянова в своих исследованиях отмечает, что «лица с высоким творческим потенциалом чаще используют разнообразные и эффективные копинг-стратегии, помогающие противостоять психологическому стрессу и психическому выгоранию» [5, с. 105]. В исследованиях синдрома эмоционального выгора-

ния в экстремальных условиях профессиональной социализации также установлена зависимость на ценностном уровне между творчеством и показателями выгорания [6].

Творческий потенциал личности, выраженный в ее основных характеристиках, занимает умы многих современных исследователей и представляет научно-практический интерес для многих отраслей психологии. Фактически он определяется особенностями личности и таким ее важным психическим процессом, как творчество. Согласно Н. А. Бердяеву, творчество – это «трансцендентность», «борьба, полет в бесконечность». Он считал, что творчество – единственный вид деятельности, который делает человека человеком [7]. Е. Л. Яковлева понимает творческую реализацию человеком собственной индивидуальности [8]. Я. А. Пономарев рассматривает творчество как взаимодействие, ведущее к развитию. «Творчество – необходимое условие развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм» [9, с. 43]. Под творческим потенциалом в науке принято понимать скрытые возможности (в данном случае – креативные способности) человека. Д. Б. Богоявленская в своей концепции вводит понятие креативной активности личности, с соответствующим типом психической структуры. Творчество, с ее точки зрения, является ситуативно нестимулированной активностью, проявляющейся в стремлении выйти за пределы заданной проблемы [10]. По мнению одних исследователей, существенную роль в детерминации творческого поведения играют мотивация, ценности, личностные черты: так, к чертам творческой личности они относят когнитивную одаренность, чувствительность к проблемам, независимость в неопределенных ситуациях [11]. Другие ученые полагают, что творческая способность или креативность является самостоятельным фактором, независимым от интеллекта [12].

Таким образом, творческий потенциал и собственно процесс творчества во многом характеризуют личность человека. Отсюда можно предположить взаимосвязь данного явления с составляющими преодолевающего поведения личности, ее умением справляться с различными стрессовыми ситуациями. Особенный интерес представляет изучение данных явлений на раннем этапе социализации человека, в процессе профессионального становления бывших выпускников общеобразовательных школ – будущих специалистов (студентов младших курсов вуза), от адаптированности к стрессам и личностной креативности которых зависит решение наиболее сложных социальных явлений в изменяющемся обществе. Так, М. В. Григорьева и А. Д. Шамяионов указывают, что создание условий для

формирования общих и профессиональных компетенций является ведущей задачей, от которой зависит реализация молодыми специалистами личностного творческого потенциала [13]. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение взаимосвязи копинг-стрессовых стратегий и творческого потенциала личности студентов.

Методика

В эмпирическом исследовании для изучения копинг-стратегий студентов был выбран опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). В качестве одного из основных методов, направленных на изучение творческого потенциала личности, применялся опросник личностной креативности. Данная методика позволяет определить четыре особенности (фактора) творческой личности: склонность к риску, любознательность, сложность и воображение, а также общий (суммарный) показатель творческого потенциала. Для диагностики творческой личности использована также методика «Оценка уровня творческого потенциала личности», она выявляет личностные качества либо частоту их проявления, которые характеризуют уровень развития творческого потенциала личности [14]. Для статистической обработки данных применены метод сравнения двух и более независимых выборок (*t*-критерий Стьюдента), корреляционный анализ (метод Пирсона). Выборку исследования составили студенты разных специальностей (педагоги-психологи, филологи, учителя начального образования) факультетов очного отделения СГУ имени Н. Г. Чернышевского (64 человека в возрасте 18–19 лет).

Результаты и их обсуждение

Первый этап исследования включал изучение особенностей творческого потенциала и копинг-стрессовых стратегий личности поведения студентов разных профессиональных направленностей. При изучении личностной креативности студентов обнаружено, что у большинства испытуемых высокий (39%) и средний уровень (52%) личностной креативности. Низкие показатели выявлены только у 9% студентов. Среднее значение личностной креативности – 57. Из анализа факторов личностной креативности «склонность к риску» свойственна 52% студентов (высокий уровень), у 42% – средний и у 6% студентов низкий, среднее значение фактора – 16,3. Высокое значение фактора «любопытность» выявлено у 45% испытуемых, среднее – у 41,6%, среднее арифметическое значение данного фактора – 15,7. У большинства испытуемых (53%) выявлен средний уровень фактора «сложность», у 33% он средний и у 24% – низкий (среднее арифметическое значение – 13,8). Показатели фактора «вооб-

ражение» находятся на высоком уровне только у 13,3%, а средний у 55,6% испытуемых (среднее арифметическое значение – 11). Наиболее высокий уровень личностной креативности выявлен у студентов-психологов (среднее арифметическое значение – 59,8). Ниже нормативных показателей у студентов всех направленностей находятся факторы «сложность» и «воображение».

Анализ результатов характеристики собственно уровня творческого потенциала личности у значительной части студентов-испытуемых находится на высоком уровне: это следует из показателя среднего значения – 110, что выше нормативного: так, у 70,6% испытуемых выявлен высокий и выше среднего уровни творческого потенциала, у 29,4% отмечен средний уровень.

Из результатов изучения копинг-поведения в стрессовых ситуациях у студентов следует, что для значительной части испытуемых характерен копинг с ориентацией на решение задачи (среднее значение – 54,1). У 69,3% выявлен высокий уровень данной стратегии поведения, у 27,3% – средний и у 3,3% – низкий. Далее следует копинг с ориентацией на избегание (среднее значение – 50,2): высокий уровень у 35,6% испытуемых, средний – у 63%. На последней позиции находится стратегия приспособительного поведения с ориентацией на эмоции: у 20% студентов выявлен высокий уровень, у 66% – средний и у 14% – низкий.

Таким образом, для значительной части студентов разной профессиональной направленности характерна следующая модель копинг-стрессовой поведенческой стратегии: «решение задачи – избегание – эмоции», т.е. ведущей стратегией большинства испытуемых является ориентация

на решение задачи и близкое по значению положение занимает стратегия поведения с ориентацией на избегание. Менее всего свойственен испытуемым копинг, ориентированный на эмоции. Из всех групп испытуемых выделяются студенты-психологи, у которых более всего выражен копинг, ориентированный на решение задачи. В целом значение стратегий поведения выглядит почти равномерно, поэтому можно сказать, что это стойкая тенденция. Это видно из равномерно распределенных средних значений копинг-стрессовых поведенческих стратегий, т.е. у значительной части студентов ещё нет ярко выраженной копинг-стратегии поведения.

При сопоставлении полученных результатов копинг-стрессовых стратегий с анализом творческого потенциала личности студентов видно, что у испытуемых с более высоким уровнем креативности преобладает копинг-стратегия с ориентацией на решение задачи, далее следует копинг на избегание и на эмоции. Характерно, что у значительной части студентов отсутствует ярко выраженная копинг-стрессовая поведенческая стратегия: это явствует из равномерно распределенных средних значений копинг-стратегий. Прослеживается зависимость между уровнем творческого потенциала личности и выбором соответствующих копинг-стратегий поведения. Исходя из этого предположения, был проведен статистический анализ изучаемых явлений.

На основании средних результатов выделены две крайние группы и проведен типологический анализ результатов испытуемых с высоким и низким уровнем творческого потенциала и личностной креативности (таблица).

Показатели копинг-стратегий и характеристик креативности у групп испытуемых с низким и высоким уровнем творческого потенциала

Показатели	Уровень творческого потенциала и копинг-стратегий студентов			
	Уровень креативности		t-критерий Стьюдента	Степень значимости
	Высокий	Низкий		
Склонность к риску	18,8	11,8	-3,6	0,00
Любознательность	19	11	-6,3	0,00
Сложность	16,8	9	-5,1	0,00
Воображение	14,1	7,8	-3,8	0,00
Суммарный показатель креативности	69	37,6	-7,8	0,00
Уровень творческого потенциала	118	91,6	-2,5	0,00
Копинг с ориентацией на решение задачи	60,5	47	-5,0	0,00
Копинг с ориентацией на эмоции	42,4	47,2	0,7	0,4
Копинг с ориентацией на избегание	48,3	53,8	0,8	0,4

Статистически значимые различия (t-критерий Стьюдента) обнаружены по всем характеристикам творческого потенциала, в частности факторам личностной креативности («склонность к риску», «любознательность», «сложность»,

«воображение»), суммарным показателем креативности и уровнем творческого потенциала. Определено также различие между выборками испытуемых по копинг-стратегии с ориентацией на решение задачи. Видно, что между группами

с высоким и низким уровнем творческого потенциала существуют значимые различия по всем характеристикам креативности, но, в первую очередь, обращает на себя внимание показатель копинг-стратегии, направленной на решение задачи. Это во многом говорит о том, что лица с высоким творческим потенциалом ориентированы в основном на копинг-стратегию, направленную на решение задачи. В то же время не обнаружены различия по копинг-стратегиям, направленным на эмоции или на избегание, т.е. они в меньшей мере задействованы в этом процессе. Данные копинг-стратегии менее всего актуальны для студентов независимо от уровня творческого потенциала.

Далее изучался характер корреляционных связей творческого потенциала личности и копинг-стратегий студентов всех специальностей: у студентов копинг-стратегия, ориентированная на решение задачи, положительно связана с такими характеристиками личностной креативности, как «склонность к риску» ($r = 0,381 p < 0,01$), «любопытность» ($r = 0,522 p < 0,01$), «сложность» ($r = 0,418 p < 0,01$) и суммарным показателем ($r = 0,557 p < 0,01$). Это во многом говорит о существенном значении личностной креативности и ее характеристик в выборе студентами данной копинг-поведенческой стратегии в стрессовых ситуациях. Ориентация на решение задачи, по мнению ряда исследователей, является наиболее эффективной копинг-стратегией поведения. Учитывая, что большинство студентов предпочитают именно ее (более 60%) при преодолении различных трудностей и стрессовых ситуаций, полученные результаты подтверждают значение творческого потенциала личности как эффективного фактора преодоления сложных жизненных ситуаций и длительных стрессов. Помимо этого копинг с ориентацией на решение задачи положительно коррелирует с показателем общего уровня творческого потенциала личности ($r = 0,290 p < 0,05$). Это также говорит о роли характеристик творческой личности в выборе эффективных копинг-поведенческих стратегий в сложных жизненных ситуациях.

В результате количественного анализа взаимосвязи явлений отмечено, что у более 80% испытуемых с высокой личностной креативностью и уровнем творческого потенциала ведущее положение занимает копинг-поведенческая стратегия, ориентированная на решение задачи. В отдельных случаях (около 10%) встречается модель копинга, где одновременно присутствуют стратегии с ориентацией на решение задачи и избегание. Это свидетельствует об эффективности модели копинга, где первична ориентация на решение задачи, и значении творческого потенциала в выборе испытуемыми адекватного способа преодоления жизненных ситуаций. Также у студентов копинг-стратегия, направленная на эмоции, отрицательно коррелирует с такими факторами личностной креативности, как «любопытность» ($r = -0,277$

$p < 0,05$), «сложность» ($r = -0,372 p < 0,01$). Видно, что снижение показателей таких характеристик творческой личности, как «любопытность» (поиск новых способов мышления, стремление разобраться в сути вещей и познать окружающий мир) или «сложность» натуры (познание сложных явлений, настойчивость в достижении своей цели) отрицательно влияет на выбор такой стратегии приспособительного поведения, как направленность на эмоции. Кроме того, данная копинг-поведенческая стратегия отрицательно связана с показателем уровня творческого потенциала ($r = -0,415 p < 0,01$). Можно определенно сказать, что студенты со сниженным уровнем творческого потенциала чаще всего предпочитают копинг-стратегию, ориентированную на эмоции, которая не всегда приемлема и адекватна.

Корреляционный анализ, таким образом, свидетельствует о влиянии творческого потенциала личности на выбор адекватной и эффективной копинг-поведенческой стратегии, ориентированной на решение задачи. Снижение творческих характеристик личности связано с выбором других вариантов модели копинга, в которых ведущими являются стратегии избегания или ориентации на эмоции: об этом свидетельствуют и представленные результаты типологического анализа групп студентов с высоким и низким уровнями творческого потенциала личности. Статистически значимые различия выявлены по копингу с ориентацией на решение задачи и всех характеристик творческого потенциала личности, т.е. решающую роль в формировании эффективной модели копинг-стратегии в стрессовых ситуациях играют личностные характеристики, во многом связанные с процессом творчества.

Выводы

Представленные результаты исследования указывают на взаимосвязь характеристик творческого потенциала и копинг-стрессовых стратегий личности студентов: это отчетливо проявляется в большинстве выявленных корреляционных связей, отражающих основные способы преодоления сложных стрессовых ситуаций. Творческий потенциал личности у значительного числа студентов разной профессиональной направленности (более 60%) находится на хорошем (выше среднего) уровне, о чем свидетельствуют результаты изучения факторов личностной креативности и общего уровня творческого потенциала личности.

Для большинства студентов разной профессиональной направленности характерна следующая модель копинг-стрессовой поведенческой стратегии: «решение задачи – избегание – эмоции», при этом ведущей копинг-стратегией у значительной части испытуемых является ориентация на решение задачи. Близкое по значению положение занимает стратегия поведения с ориентацией на избегание, менее значима для студентов копинг-стратегия, ориентированная

на эмоции. Из всех групп испытуемых особенно выделяются студенты-психологи, у которых более всего выражен копинг, ориентированный на решение задачи. В то же время значения показателей стратегий поведения распределены почти равномерно (среднее арифметическое значение) и имеют стойкую тенденцию, т.е. у значительного числа студентов ещё ярко не представлена одна из стратегий копинг-поведения.

На основании количественного и качественного анализа данных выявлено, что более чем у 80% испытуемых с высокой личностной креативностью и показателем общего уровня творческого потенциала личности ведущее положение в структуре копинг-поведения занимает стратегия, направленная на решение задачи. Эти результаты подтверждают выявленные корреляционные взаимосвязи между изучаемыми явлениями и типологический анализ студентов с высоким и низким уровнями творческого потенциала личности.

Творческий потенциал личности, который выражен в факторах личностной креативности («склонность к риску», «любопытность», «сложность», «воображение», суммарный показатель), и его уровень существенно влияют на копинг-поведение и тесно взаимосвязаны со стратегией копинга, ориентированной на решение задачи (результаты корреляционного и типологического анализа). Высокий уровень творческого потенциала, выявленный у значительного числа студентов, играет решающую роль в формировании эффективной модели копинг-поведения в стрессовой ситуации («стратегия на решение задачи»). В свою очередь, у лиц с низким уровнем креативности ведущее положение в структуре копинга занимают менее эффективные стратегии поведения («ориентация на избегание», «ориентация на эмоции»).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716 а).

Correlation Between Creative Potential and Coping-Strategies of Personality of Higher School Students

I. V. Malyshev

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: iv.999@list.ru

The current study considers the problem of creative potential of personality in context of overcoming of difficult stressing situations. The results of analysis of contents of creative possibilities of personality and of basic coping-behavior strategies of students with different professional orientation, are represented. For the majority of students «solving the problem is escape from emotions» model of coping-stressful behavior strategy is characteristic. The creative potential of personality, expressed in factors of personal creativity (the sum of «inclination to risk», «inquisitiveness», «complexity», «imagination») and the level of creative potential intensively influences on coping-behavior and is closely related to «solving-the-problem» coping-strategy. The role of creativeness and personal creativity as rising of an adaptational possibilities of personality and influencing on selection of effective coping-stressful strategies factors is defined.

Key words: adaptational characteristics, coping-strategies, creative potential of personality, personal creativity.

Список литературы

1. Митина Л. М. Учитель как личность и профессионал. Психологические проблемы. М., 1994. 216 с.
2. Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс : психологическая защита или совладание со сложными ситуациями // Стиль человека : психологический анализ / под ред. А. В. Либина. М., 1998. С. 190–204.
3. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Monat A., Lazarus R. S. Stress and Coping. N.Y., 1991. P. 189–206.
4. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // J. of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.
5. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб., 2008. 336 с.
6. Малышев И. В. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и ценностной сферы личности в процессе профессиональной социализации в экстремальных условиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 74–78.
7. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 607 с.
8. Яковлева Е. Л. Психологические условия развития творческого потенциала у детей школьного возраста // Вопр. психологии. 1994. № 5. С. 37–42.
9. Пономарев Я. А. Психология творчества и педагогика. М., 1976. 280 с.
10. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983. 321 с.
11. Олах А. Творческий потенциал и личностные перемены // Общественные науки за рубежом. Сер.: Науковедение. 1968. № 4. С. 69–73.
12. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 1999. 368 с.
13. Григорьева М. В., Шамионов А. Д. Психологические факторы и структура профессиональных намерений педагогов-психологов на этапе обучения в вузе // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Педагогика, психология. 2011. № 1. С. 48–52.
14. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.

References

1. Mitina L.M. *Uchitel kak lichnost i professional. Psikhologicheskiye problemy* (Teacher as a personality and a professional. Psychological problems). Moscow, 1994. 216 p.
2. Libina A., Libin A. *Stili reagirovaniya na stress: psikhologicheskaya zashchita ili sovladaniye so slozhnymi situatsiyam.* (Styles of reactions to stress: psychological protection or coping with difficult situations. *Stil cheloveka: psikhologicheskii analiz* (Style of a person: psychological analysis). Moscow, 1998, pp. 190–204.
3. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping. Monat A., Lazarus R. S. *Stress and Coping.* New York, 1991, pp. 189–206.
4. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 56, pp. 267–283.
5. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika (Burnout syndrome: diagnostics and prophylaxis).* St. Petersburg, 2008. 336 p.
6. Malyshev I.V. Vzaimosvyaz sindroma emotsionalnogo vygoraniya i tsennostnoy sfery lichnosti v protsesse professionalnoy sotsializatsii v ekstremalnykh usloviyakh (Relation of the Emotional Burnout Syndrome and of the Value Sphere of a Personality in the Process of the Professional Socialization in the Extreme Conditions). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics). 2010, vol. 10, no. 4, pp. 74–78.
7. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* (Philosophy of freedom. The meaning of creative act). Moscow, 1989. 607 p.
8. Yakovleva E. L. Psikhologicheskiye usloviya razvitiya tvorcheskogo potentsiala u detey shkolnogo vozrasta (Psychological conditions for development of creative potential with the school children). *Voprosy psikhologii* (Questions of Psychology), 1994, no. 5, pp. 37–42.
9. Ponomarev Ja. A. *Psikhologiya tvorchestva i pedagogika* (Psychology of creative work and pedagogic). Moscow, 1976. 280 p.
10. Bogoyavlenskaya D. B. *Intellektualnaya aktivnost kak problema tvorchestva* (Intellectual activity as the problem of creative work). Rostov-on-Don, 1983. 321 p.
11. Olakh A. Tvorcheskiy potentsial i lichnostnyye peremeny (Creative potential and personal changes). *Obshchestvennyye nauki za rubezhom. Ser. Naukovedeniye* (Social sciences abroad. Ser. Science of science). 1968, no. 4, pp. 69–73.
12. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey* (Psychology of general abilities). St. Petersburg, 1999. 368 p.
13. Grigorieva M.V., Shamionov A.D. Psikhologicheskiye faktory i struktura professionalnykh namereniy pedagogov-psikhologov na etape obucheniya v vuze (Professional intentions of educational psychologists at the training stage in high school). *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika, psikhologiya.* (Vector of science of Toljatti state university. Series: Pedagogy, psychology.), 2011, no. 1, pp. 48–52.
14. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. *Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* (Social-psychological diagnostics of personality development and small groups). Moscow, 2002. 490 p.

УДК 159.96+316.343.652

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В АСПЕКТЕ ВНУТРИПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Л. Н. Молчанова

Молчанова Людмила Николаевна – доктор психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы, Курский государственный медицинский университет
E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Статья посвящена исследованию закономерностей структурно-динамических изменений состояния психического выгорания в процессе трансформации в личностные свойства у педагогических работников, независимо от специфики их профессиональной деятельности. В исследовании использованы современные психодиагностические методики, методы описательной и сравнительной математической статистики. Методологией исследования является структурно-процессуальный подход. В соответствии с ним повторяющиеся в каждой фазе состояния психического выгорания, его структурно-динамические измене-

ния рассматриваются как закономерности трансформации. По результатам исследования установлено, что у всех педагогических работников в фазе «истощение» состояния психического выгорания выявлены: высокая интеграция взаимосвязей структурных элементов между собой и со свойствами саморегуляции, проявления безответственности и неорганизованности, влияние психического выгорания на свойства саморегуляции. Следовательно, эмпирически доказаны общие для педагогических работников закономерности трансформации состояния психического выгорания в свойства саморегуляции.

Ключевые слова: закономерности, структурно-динамические изменения, трансформация, состояние психического выгорания, внутрипрофессиональная дифференциация.

Актуальность проблемы психического выгорания определяется направленностью на решение задач благополучного долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, к числу которых относится сохранение и укрепление здоровья граждан страны в условиях оптимизации их профессиональной деятельности, которая может не только оказывать на личность развивающее влияние, но продуцировать возникновение негативных психических состояний [1–3], снижающих эффективность самой деятельности.

В отечественной психологии проблема динамики психических состояний, их взаимосвязей с психическими свойствами по-прежнему находится в зоне исследовательского внимания. Анализ степени её разработанности свидетельствует о том, что на сегодняшний день имеются доказательства влияния психических свойств на формирование психических состояний [4–7]. Однако малоисследованными остаются аспекты влияния психических состояний на психические свойства, трансформация одних состояний в другие, трансформация психических состояний в личностные свойства, черты.

Впервые к проблеме психического выгорания как эмоционального утомления, вызванного взаимоотношениями между профессионалом и его клиентом, почти одновременно обратились в рамках клинико-психологического направления исследований американский психиатр Х. Фрейдбергер (1974), а в рамках социально-психологического – американский психолог К. Маслаг (1976). К лицам, подверженным его влиянию, изначально относили социальных работников, врачей, юристов, педагогов. Психическое выгорание данных специалистов объяснялось специфическими условиями и содержанием так называемых помогающих профессий в системе «человек–человек»: интенсивностью, продолжительностью и сложностью межличностных контактов, разновозрастным контингентом клиентов, остротой их проблем и т.д. [8–9]. В настоящее время существует значительное количество объясняющих его природу научных подходов, к числу наиболее значимых относятся: структурный, процессуальный, структурно-процессуальный подходы.

Согласно первому психическое выгорание понимается как состояние, включающее конкретные элементы [10–12]. В рамках процессуального подхода психическое выгорание рассматривается как процесс с последовательной сменой стадий, протекающий в ходе профессионального развития человека и имеющий длительный характер [13–14]. С позиций структурно-процессуального подхода психическое выгорание представляет собой динамичную структуру, характеризуется

фазностью и имеет свою специфику, общую для представителей профессий помогающего типа [15].

Повторяющиеся в каждой фазе структурно-динамические изменения состояния психического выгорания мы рассматриваем как закономерности его трансформации. Опираясь на результаты исследований А. О. Прохорова о существовании взаимосвязей между психическими состояниями и свойствами и следуя структурно-процессуальной логике, мы выдвинули предположение о том, что с каждым переходом из одной фазы в другую состояния психического выгорания проявляется усиление, с одной стороны, взаимосвязей между всеми его структурными элементами, а с другой – взаимосвязей структурных элементов с личностными свойствами. В фазе «истощение» ожидается наличие самой высокой степени интегрированности взаимосвязей его структурных элементов между собой и с личностными свойствами, влияние высокой выраженности состояния психического выгорания на свойства, что способствует его трансформации в другую группу психических явлений – свойства.

Изучение общих и специфических закономерностей трансформации состояния психического выгорания осуществлялось на базах Курского института социального образования (филиал) РГСУ, Курского государственного университета, общеобразовательных школ, а также детских садов г. Курска и Курской области, где были обследованы педагоги указанных структур в количестве 358 человек в возрасте от 22 до 70 лет; это – 240 учителей общеобразовательных школ, 96 преподавателей высшей школы и 22 педагога дошкольных образовательных учреждений. Градация выборки испытуемых осуществлялась с учетом длительности профессиональной деятельности (до 5 лет, от 5 до 10 лет, свыше 10 лет) по критериям – образовательному и профилю образовательного учреждения.

В связи с наличием неоднозначных результатов исследований, посвященных изучению соотносимости состояния психического выгорания и длительности профессиональной деятельности [16–18], в исследовательский контекст включено изучение влияния длительности профессиональной деятельности на процесс его трансформации.

Сравнительный анализ средних значений показателей состояния психического выгорания педагогических работников в аспекте внутрипрофессиональной дифференциации, полученных с помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко [19], указал на следующие результаты. В контексте уровня образования у педагогов дошкольных образовательных учреждений фаза «напряжение» ($X_{cp} = 34,36 \pm 4,84$), в отличие от фаз «резистенция» ($X_{cp} = 44,05 \pm 4,33$) и «истощение» ($X_{cp} = 40,23 \pm 4,63$), не достигла уровня диагностируемых значений. В контексте

профиля учреждения анализ средних значений показателей состояния психического выгорания указал на их диагностируемый уровень как у учителей общеобразовательных школ (в фазе «напряжение» – $X_{cp.} = 38,34 \pm 4,61$, в фазе «резистенция» – $X_{cp.} = 50,59 \pm 4,57$, в фазе «истощение» – $X_{cp.} = 38,25 \pm 4,49$), так и у преподавателей высшей школы (в фазе «напряжение» – $X_{cp.} = 49,80 \pm 4,23$, в фазе «резистенция» – $X_{cp.} = 71,40 \pm 4,02$ и в фазе «истощение» – $X_{cp.} = 54,02 \pm 4,08$).

Кроме того, сравнительный анализ средних значений показателей состояния психического выгорания у педагогических работников в аспекте внутривидовой дифференциации указал на следующие тенденции: в контексте профиля учреждения у преподавателей высшей школы и учителей общеобразовательных школ самые высокие значения установлены у преподавателей высшей школы. Значимость различий в уровнях их выраженности в фазе «напряжение» составила $U_{эмп.} = 3923,0^*$ при $p = 0,000$; в фазе «резистенция» – $U_{эмп.} = 2620,0^*$ при $p = 0,000$; в фазе «истощение» – $U_{эмп.} = 3034,0^*$ при $p = 0,000$.

Таким образом, профиль профессиональной деятельности педагогических работников специфично проецируется на состояние психического выгорания: у учителей общеобразовательных школ состояние психического выгорания выражено в большей степени, чем у педагогов дошкольных образовательных учреждений; преподаватели высшей школы в большей степени, чем учителя общеобразовательных школ, подвержены его влиянию.

Исследование структурных элементов состояния психического выгорания педагогических работников в контексте уровня образования осуществлялось с использованием опросника психического выгорания А. А. Рукавишников [20] и опросника на выгорание МБИ С. Maslach, S. E. Jackson (в адаптации Н. Е. Водопьяновой) [10] и указало на средний уровень их выраженности:

у учителей общеобразовательных школ: «психоэмоциональное истощение» – $X_{cp.} = 28,26 \pm 2,74$, «личностное отдаление» – $X_{cp.} = 28,25 \pm 3,05$, «профессиональная мотивация» – $X_{cp.} = 22,67 \pm 2,73$; у преподавателей высшей школы: «эмоциональное истощение» – $X_{cp.} = 21,05 \pm 2,98$, «деперсонализация» – $X_{cp.} = 10,19 \pm 2,37$, «редукция личных достижений» – $X_{cp.} = 30,67 \pm 2,49$; у педагогов дошкольных образовательных учреждений: «психоэмоциональное истощение» – $X_{cp.} = 32,26 \pm 2,80$, «личностное отдаление» – $X_{cp.} = 27,71 \pm 2,76$, «профессиональная мотивация» – $X_{cp.} = 23,81 \pm 2,25$.

Изучение динамики состояния психического выгорания у педагогических работников в аспекте внутривидовой дифференциации с различной длительностью профессиональной деятельности позволило выявить следующие общие и специфические тенденции (табл. 1–3): у преподавателей высшей школы на всех этапах длительности профессиональной деятельности (см. табл. 3) и у учителей общеобразовательных школ с длительностью профессиональной деятельности свыше 5 лет (см. табл. 2) наблюдаются значимые различия в уровнях выраженности средних значений показателей состояния психического выгорания в фазах «напряжение» и «резистенция», «резистенция» и «истощение», что свидетельствует о несоотнесимости фаз состояния психического выгорания с этапами длительности профессиональной деятельности и проецировании ее профиля на процесс трансформации состояния психического выгорания; полное отсутствие значимости различий в уровнях выраженности средних значений показателей состояния психического выгорания в фазах «напряжение» и «резистенция», «резистенция» и «истощение» у педагогов дошкольных образовательных учреждений свидетельствует о проецировании длительности профессиональной деятельности на процесс его трансформации (см. табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и значимость различий показателей состояния психического выгорания педагогов дошкольных образовательных учреждений с различной длительностью профессиональной деятельности

Этапы длительности	Фаза						«напряжение» – «резистенция»		«резистенция» – «истощение»	
	«напряжение»		«резистенция»		«истощение»		$U_{эмп.}$	p	$U_{эмп.}$	p
	$X_{cp.} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{cp.} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{cp.} \pm \sigma_x$	Качественный				
До 5 лет	44,25 ± 5,44	В стадии формирования	54,00 ± 4,98	В стадии формирования	42,75 ± 4,58	В стадии формирования	–	–	–	–
От 5 до 10 лет	24,11 ± 3,51	Не сформирована	31,78 ± 3,47	Не сформирована	40,44 ± 4,73	В стадии формирования	–	–	–	–
Свыше 10 лет 3	40,22 ± 5,25	В стадии формирования	51,89 ± 4,01	В стадии формирования	38,89 ± 4,81	В стадии формирования	–	–	–	–

Примечание. U – критерий Манна–Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмп.}^* < U_{кр.}$.

Таблица 2

Средние значения и значимость различий показателей состояния психического выгорания учителей общеобразовательных школ с различной длительностью профессиональной деятельности

Этапы длительности	Фаза						«напряжение» – «резистенция»		«резистенция» – «истощение»	
	«напряжение»		«резистенция»		«истощение»		U _{эмп.}	p	U _{эмп.}	p
	X _{ср.} ± σ _x	Качественный	X _{ср.} ± σ _x	Качественный	X _{ср.} ± σ _x	Качественный				
До 5 лет	36,15 ± 4,26	Не сформирована	43,90 ± 4,27	В стадии формирования	34,15 ± 4,10	Не сформирована	–	–	–	–
От 5 до 10 лет	36,83 ± 4,52	Не сформирована	53,83 ± 4,33	В стадии формирования	36,91 ± 3,10	Не сформирована	311,0*	0,0003	289,0*	0,0001
Свыше 10 лет	39,05 ± 4,67	В стадии формирования	50,73 ± 4,94	В стадии формирования	38,94 ± 4,54	В стадии формирования	11867,0*	1,0E-6	11567,0*	5,0E-8

Примечание. U – критерий Манна–Уитни, p ≤ 0,05; U_{эмп.}* < U_{кр.}; * – значимость различий.

Таблица 3

Средние значения и значимость различий показателей состояния психического выгорания преподавателей высшей школы с различной длительностью профессиональной деятельности

Этапы длительности	Фаза						«напряжение» – «резистенция»		«резистенция» – «истощение»	
	«напряжение»		«резистенция»		«истощение»		U _{эмп.}	p	U _{эмп.}	p
	X _{ср.} ± σ _x	Качественный	X _{ср.} ± σ _x	Качественный	X _{ср.} ± σ _x	Качественный				
До 5 лет	46,47 ± 4,38	В стадии формирования	72,13 ± 3,72	Сформирована	48,93 ± 3,66	В стадии формирования	30,5*	0,001	28,0*	0,001
От 5 до 10 лет	55,37 ± 4,45	В стадии формирования	66,54 ± 4,24	Сформирована	49,93 ± 4,18	В стадии формирования	32,5*	0,001	45,0*	0,043
Свыше 10 лет	55,97 ± 4,13	В стадии формирования	73,77 ± 4,08	Сформирована	60,5 ± 4,06	Сформирована	103,5*	0,001	138,0*	0,015

Примечание. U – критерий Манна–Уитни, p ≤ 0,05; U_{эмп.}* < U_{кр.}; * – значимость различий.

Изучение динамики взаимосвязей структурных элементов состояния психического выгорания между собой и с показателями свойств саморегуляции в его различных фазах у педагогических работников в контексте уровня образования осуществлялось с использованием корреляционного анализа, по результатам которого были выявлены следующие общие закономерности:

в фазе «напряжение» выявлена значимая корреляционная взаимосвязь между структурными элементами «психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление» у педагогов дошкольных образовательных учреждений (r = 0,63*), а у учителей общеобразовательных школ – r = 0,50*; между структурными элементами «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» у преподавателей высшей школы (r = 0,50*);

в фазе «резистенция» установлены значимые и высокосignificantные корреляционные взаимосвязи между структурными элементами «психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление» (r=0,82**), «личностное отдаление» и «профессиональная мотивация» (r=0,76**) у педагогов

дошкольных образовательных учреждений, а также между структурными элементами «психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление» (r = 0,80**), «личностное отдаление» и «профессиональная мотивация» (r = 0,33*) у учителей общеобразовательных школ; между структурными элементами «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» (r = 0,85**), «деперсонализация» и «редукция личных достижений» (r = 0,55*) у преподавателей высшей школы;

в фазе «истощение» высокосignificantные корреляционные взаимосвязи обнаружены между всеми структурными элементами состояния психического выгорания. Так, у преподавателей высшей школы в данной фазе коэффициент корреляции между элементами «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» имеет значение, равное 0,86**, у педагогов дошкольных образовательных учреждений коэффициент корреляции между элементами «психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление» равен 0,86**, а у учителей общеобразовательных школ – 0,84**. Между структурными элементами «эмоциональное ис-

тошение» и «редукция личных достижений» коэффициент корреляции у преподавателей высшей школы составляет 0,70**, между структурными элементами «психоэмоциональное истощение» и «профессиональная мотивация» у педагогов дошкольных образовательных учреждений достигает значения 0,79**, у учителей общеобразовательных школ имеет значение, равное 0,83**. Между структурными элементами «деперсонализация» и «редукция личных достижений» у преподавателей высшей школы наблюдается значение коэффициента корреляции, равное 0,67**, между элементами «профессиональная мотивация» и «личностное отдаление» у педагогов дошкольных образовательных учреждений выявлено значение коэффициента корреляции, равное 0,78**, а у учителей общеобразовательных школ – значение коэффициента корреляции, равное 0,77**, самые тесные взаимосвязи во всех трех фазах фиксируются между структурными элементами

«психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление», «эмоциональное истощение» и «деперсонализация»; с каждым переходом из одной фазы в другую состояния психического выгорания проявляется усиление взаимосвязей между структурными элементами «психоэмоциональное истощение» и «личностное отдаление», «личностное отдаление» и «профессиональная мотивация» у педагогов дошкольных образовательных учреждений и учителей общеобразовательных школ, между структурными элементами «эмоциональное истощение» и «деперсонализация», «деперсонализация» и «редукция личных достижений» – у преподавателей высшей школы; степень интегрированности взаимосвязей показателей структурных элементов состояния психического выгорания между собой и со свойствами саморегуляции (моральной нормативностью и самодисциплиной) является самой высокой в фазе «истощение» (табл. 4–5).

Таблица 4

Значимые корреляции показателей элементов состояний психического выгорания и личностных свойств педагогов дошкольных образовательных учреждений и учителей общеобразовательных школ в различных фазах

Свойства саморегуляции	Фаза								
	«напряжение»			«резистенция»			«истощение»		
	ПИ	ЛО	ПМ	ПИ	ЛО	ПМ	ПИ	ЛО	ПМ
Моральная нормативность: у педагогов	–	–	–	–	–	–	–0,85**	–0,89**	–0,64**
у учителей	–0,45**	–	–	–0,45**	–0,20**	0,41**	–0,82*	–0,50**	0,84**
Самодисциплина: у педагогов	–	–	–	–	–0,80**	–	–0,85**	–0,85**	–0,50*
у учителей	–	–	–	–0,80**	–0,37*	0,80**	–0,86**	–0,45**	0,89**

Примечание. ПИ – психоэмоциональное истощение; ЛО – личностное отдаление; ПМ – профессиональная мотивация.

Таблица 5

Значимые корреляции показателей элементов состояния психического выгорания и личностных свойств преподавателей высшей школы в различных фазах

Свойства саморегуляции	Фаза								
	«напряжение»			«резистенция»			«истощение»		
	ЭИ	Д	РЛД	ЭИ	Д	РЛД	ЭИ	Д	РЛД
Моральная нормативность	–0,55**	–	–	–0,57**	–0,58**	0,57**	–0,58**	–0,71**	–0,71**
Самодисциплина	–	–	–	–0,63**	–0,30*	0,63*	–0,70**	–0,47**	–0,66**

Примечание. ЭИ – эмоциональное истощение; Д – деперсонализация; РЛД – редукция личных достижений.

Анализ средних значений показателей свойств саморегуляции, полученных с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кэттелла [19] у специалистов социальной работы и социальных работников в различных фазах состояния психического выгорания, указал на низкий уровень выраженности свойств саморегуляции (моральной нормативности и самодисциплины) в фазе «истощение» (у педагогов дошкольных

образовательных учреждений: $G = 2,33 \pm 0,69$; $Q_3 = 1,94 \pm 0,80$; у учителей общеобразовательных школ: $G = 3,50 \pm 0,52$; $Q_3 = 4,58 \pm 0,77$; у преподавателей высшей школы: $G = 3,30 \pm 1,26$; $Q_3 = 3,30 \pm 3,06$), что свидетельствует о проявлениях безответственности и неорганизованности; статистическую достоверность различий в уровнях выраженности моральной нормативности (у педагогов дошкольных образовательных учреждений:

$U_{\text{эмп.}} = 5,0^*$ при $p = 0,023$; у учителей общеобразовательных школ: $U_{\text{эмп.}} = 255,5^*$ при $p = 1,04E-7$; у преподавателей высшей школы: $U_{\text{эмп.}} = 30,5^*$ при $p = 0,010$) и самодисциплины (у педагогов дошкольных образовательных учреждений: $U_{\text{эмп.}} = 3,5^*$ при $p = 0,010$; у учителей общеобразовательных школ: $U_{\text{эмп.}} = 231,0^*$ при $p = 6,19E-8$; у преподавателей высшей школы: $U_{\text{эмп.}} = 34,0^*$ при $p = 0,023$), что свидетельствует о влиянии психического выгорания на возникновение безответственности и неорганизованности.

Итак, состояние психического выгорания у педагогических работников в контексте уровня образования характеризуется одинаковыми тенденциями и закономерностями структурно-динамических изменений в фазе «истощение», что свидетельствуют о трансформации состояния психического выгорания в данной фазе в свойства саморегуляции.

Список литературы

1. Митина Л. М. Психология профессионального развития личности : теоретико-методологические проблемы // Российский научный журн. 2010. № 14. С. 57–63.
2. Митина Л. М., Анисимова О. А. Профессиональная деятельность и здоровье педагога. М., 2005. 368 с.
3. Орёл В. Е. Синдром психического выгорания личности. М., 2005. 330 с.
4. Прохоров А. О. Психические состояния и их функции. Казань, 1994. 146 с.
5. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М., 1998. 152 с.
6. Прохоров А. О. Функциональные структуры психических состояний // Психологический журн. 1996. Т. 17, № 3. С. 9–17.
7. Цагарелли Е. Б. Личностные детерминанты неравновесных психических состояний. Казань, 2003. 188 с.
8. Kondo K. Burnout syndrome // Asian Medical J. 1991. № 34 (II). P. 49–57.
9. Maslach C., Jackson S. E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // J. of Health and Human Resources Administration. 1984. Vol. 7. P. 189–212.
10. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб., 2005. 336 с.
11. Рукавишников А. А. Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов. Ярославль, 2001. 173 с.
12. Maslach C. Burnout. The Cost of Caring. Englewood Cliffs, 1982. 177 p.
13. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999. 105 с.
14. Burisch M. In search of a theory : some ruminations on the nature and etiology of burnout // In Professional burnout : recent developments in theory and research. L., 1993. P. 75–93.
15. Никушина В. Б., Молчанова Л. Н., Недуреева Т. В., Ушакова Т. А. Психопрофилактика состояния выгорания специалистов социальной работы и социальных работников. Курск, 2009. 257 с.
16. Гредюшко О. П. Эмоциональное выгорание преподавателей высшей школы // Филология и культура. 2009, № 2–3 (17-18). С. 29–34.
17. Елькин И. О., Алиева Н. Ф. Возрастные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов-дефектологов // Системная интеграция в здравоохранении : электронный науч. журн. 2011, № 4(14). URL: <http://www.sys-int.ru/tu.journals/2011/4-14> (дата обращения: 02.07.2012).
18. Лукьянов В. В. Эмпатия, профессиональный стаж и особенности синдрома эмоционального выгорания у психиатров-наркологов // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике). Курск, 2007. С. 100–102.
19. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 2007. 672 с.
20. Рукавишников А. А. Опросник «психического выгорания» для учителей. Ярославль, 2001. 14 с.

Laws of Transformation of the Mental Burning Out Condition at Pedagogical Workers in Aspect of Intraprofessional Differentiation

L. N. Molchanova

Kursk State Medical University
Ulitsa K. Marksa, 3, 305041 Kursk, Russia
E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

The article is devoted to research of laws of structurally-dynamic changes of mental burning out condition during its transformation in personal properties at pedagogical workers, irrespective of specificity of their professional work. Modern psycho diagnostic techniques methods of descriptive and comparative mathematical statistics are used in research. According to this approach structurally-dynamic change of the mental burning out condition, repeating in its each phase, we consider as law of transformation. High integration of interrelations of structural elements among themselves and with properties of self-control, display of irresponsibility and a disorganization, influence of mental burning out on properties of self-control are revealed in a phase «exhaustion» of mental burning out condition. Laws of transformation of mental burning out condition in properties of self-control, the general for pedagogical workers, are empirically proved.

Key words: laws, structurally-dynamic changes, transformation, condition of mental burning out, intraprofessional differentiation.

References

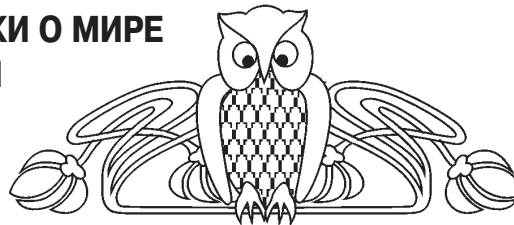
1. Mitina L. M. Psikhologiya professionalnogo razvitiya lichnosti: teoretiko-metodologicheskiye problemy (Psychology of professional development of the person: theoretical and methodological problems). *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* (The Russian scientific magazine), 2010, no. 14, pp. 57–63.
2. Mitina L. M., Anisimova O. A. *Professionalnaya deyatel'nost' i zdorovye pedagoga* (Professional work and health of the teacher). Moscow, 2005. 368 p.
3. Oryel V. E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* (Syndrome of mental burning out of the person). Moscow, 2005. 330 p.
4. Prokhorov A. O. *Psikhicheskiye sostoyaniya i ikh svoystva* (Mental conditions and their properties). Kazan, 1994. 146 p.
5. Prokhorov A. O. *Psikhologiya neravnovesnykh sostoyaniy* (Psychology of nonequilibrium conditions). Moscow, 1998. 152 p.
6. Prokhorov A. O. Funktsionalnyye struktury psikhicheskikh sostoyaniy (Functional structures of mental conditions). *Psikhologicheskyy zhurnal* (Psychological journal), 1996, vol. 17, no. 3, pp. 9–17.
7. Tsagarelli E. B. *Lichnostnyye determinanty neravnovesnykh psikhicheskikh sostoyaniy* (Personal determinants of nonequilibrium mental conditions). Kazan, 2003. 188 p.
8. Kondo K. Burnout syndrome. *Asian Medical Journal*, 1991, № 34 (II), pp. 49–57.
9. Maslach C., Jackson S. E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers. *Journal of Health and Human Resources Administration*, 1984, vol. 7, pp. 189–212.
10. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* (Syndrome of burning out: diagnostics and preventive maintenance). St. Petersburg, 2005. 336 p.
11. Rukavishnikov A. A. *Lichnostnyye determinanty i organizatsionnyye faktory genезisa psikhicheskogo vygoraniya u pedagogov* (Personal determinants and organizational factors of genesis of mental burning out at teachers). Yaroslavl, 2001. 173 p.
12. Maslach C. *Burnout. The Cost of Caring*. Englewood Cliffs, 1982. 177 p.
13. Boyko V. V. *Sindrom «emotsionalnogo vygoraniya» v profesionalnom obshchenii* (The Syndrome of «emotional burning out» in professional dialogue). St. Petersburg, 1999. 105 p.
14. Burisch M. In search of a theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout. In *Professional burnout: recent developments in theory and research*. London, 1993, pp. 75–93.
15. Nikishina V. B., Molchanova L. N., Neduruyeva T. V., Ushakova T. A. *Psikhoprofilaktika sostoyaniya vygoraniya spetsialistov sotsialnoy raboty i sotsialnykh rabotnikov* (Mental preventive maintenance of a burning out condition of social work experts and social workers). Kursk, 2009. 257 p.
16. Gredyushko O. P. Emotsionalnoye vygoraniye prepodavateley vysshey shkoly (Emotional burning out of the higher school teachers). *Filologiy I kultura* (Philology and Culture), 2009, no. 2–3 (17–18), pp. 29–34.
17. Yelkin I. O., Aliyeva N. F. Vozrastnyye deyerminanty emotsionalnogo vygoraniya u pedagogov-defektologov (Age determinants of emotional burning out at the teachers working with a pathology). *Sistemnaya integratsiya v zdravookhraneniye* (System integration into public health services), 2011, no. 4(15), available at: <http://www.sys-int.ru/ru.journals/2011/4-14>
18. Lukyanov V. V. Empatiya, profesionalnyy stazh i osobennosti sindroma emotsionalnogo vygoraniya u psikhiatrov-narkologov (Empathy, the professional experience and features of emotional burning out syndrome at psychiatrists-experts in narcology). *Problemy issledovaniya sindroma «vygoraniya» I puti ego korrёktsii u spetsialistov «pomogayushchikh» professiy (v meditsinskoй, psikhologicheskoy i pedagogicheskoy praktike)* (Problems of research of a syndrome of «burning out» and way of its correction at experts of «helping» trades {in medical, psychological and student teaching}). Kursk, 2007, pp. 100–102.
19. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* (Practical psychodiagnosics. Techniques and tests). Samara, 2007. 672 p.
20. Rukavishnikov A. A. *Oprosnik «psikhicheskogo vygoraniya» dlya uchiteley* (Questionnaire of «mental burning out» for teachers). Yaroslavl, 2001. 14 p.

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О МИРЕ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

П. Д. Никитенко

Никитенко Павел Дмитриевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и педагогики, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
E-mail: 279247@mail.ru.

В статье обсуждаются особенности системно-диахронического подхода к анализу различных условий социализации личности. Проанализированы исследования социальных представлений о мире в различных условиях социализации молодежи. Показана перспективность изучения социальных представлений о мире

в зависимости от условий социализации личности. Выделены и описаны ядерные компоненты влияния представлений молодежи о мире. Выявлены существенные различия представлений в зависимости от благоприятных/неблагоприятных условий социализации молодежи. Такие различия, по всей видимости, становятся

возможными при соблюдении следующих факторов: 1) противоречия между установками, стереотипами и реальной жизнью; 2) потеря жизненной перспективы. Полученные данные позволяют предположить, что основным компонентом конструирования негативных социальных представлений о мире является обида молодежи на условия окружающей социальной действительности. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб.

Ключевые слова: социальные представления, мезофакторные условия, социализации, личность, социальная действительность.

Процессу социализации личности в различных условиях большое внимание уделял А. В. Мудрик, в частности, он выделял мезофакторные условия, под которыми понимал социализацию больших групп людей, характеризующихся: по местности и типу поселения, в которых они живут; по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации; по принадлежности к тем или иным субкультурам [1]. Естественно, что принятие или непринятие таких условий может отразиться на системе социальных представлений молодежи об окружающей действительности и мире в целом, однако наибольший интерес вызывает то, как происходит конструирование такой системы социальных представлений и что является ее актуализирующим ядром.

Сама по себе теория социальных представлений не нова. Наиболее широкое распространение она получила во французской социально-психологической школе (Ж. Абрик, Р. Каес, Д. Жоделе, Шомбар де Лёв и др.) и в большей мере благодаря исследованиям С. Московичи. По его мнению, социальные представления – разновидность практического мышления, направленная на общение, понимание и освоение социального окружения, материального и идеального. Они актуализируют ряд специфических свойств мыслительных операций и задействуют два процесса: «объективацию: социальное в представлении» и «внедрение: представление в социальном» [2].

Так процесс объективизации социального представления делает возможным цикличность трансформации перцепта и концепта. Цикличность является результатом непрерывного механизма преобразования социального знания личности в представление, затем представление личности преобразует социальное. Далее в структуре данного механизма происходит наделение образностью абстрактных понятий, конструируется устойчивая материальная структура мыслей, организуется соотнесение предметов словам, реализуются концептуальные схемы в когнитивной карте личности. С. Московичи полагает, что такая процедура необходима для систематизации потока информационных сообщений, в котором личность буквально утопает, т.е. «объективировать» – значит поглотить излишние значения, материализуя их [2, с. 382].

Процесс внедрения характеризуется тремя аспектами: значения, полезности, когнитивной интеграции объекта. Данные аспекты создают предпосылки для диалектического взаимоотношения с объективацией, а также выполняют функцию обеспечения взаимозависимости с содержательными элементами представления на когнитивном уровне интерпретации окружающей действительности и выстраивания социальных отношений в различных условиях социализации [2].

Таким образом, изучая социальные представления, исследователь может получить образы окружающего предметного мира, элементы конструирования отношения к окружающей действительности, формы выстраивания позиции восприятия объектов в процессе социализации личности, а также возможность прогнозировать жизненные перспективы, определяющие поведенческие стратегии становления субъекта деятельности.

Конечно, необходимо более подробно остановиться непосредственно на процессе социализации личности и ее условиях. Социализация становится возможной в ходе деятельности личности и содержит две конструктивные стороны: предметную и социальную (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин). Причем именно социальная сторона, по мнению Д. И. Фельдштейна, оказывает влияние на формирование мотивационно-потребностной сферы личности [3]. Особенность такого влияния заключается в предоставлении личности возможности развития самосознания и становления ее субъектности в различных условиях социализации. Сами по себе условия социализации представлены какими-либо жизненными обстоятельствами, которыми наполнена социальная среда, социальной инфраструктурой, а также различными институтами социализации. Условия социализации создают предпосылки для конструирования структурных элементов когнитивных детерминант – субъективных представлений о мире, себе и других, формирующихся в процессе взаимодействия с окружающей действительностью.

Эти структурные элементы когнитивных детерминант зависят, по всей видимости, от степени принятия и непринятия субъектом условий социализации, предложенных социальной действительностью. Социальная же действительность есть субъективное отражение тех событий и явлений, которые наполняют жизнедеятельность индивида диахронической динамикой. Исходя из такого понятия, становится очевидным, что условия социализации субъекта необходимо исследовать через призму системно-диахронического подхода.

Так, по мнению Р. М. Шамионова, «... такой подход в исследованиях социализации личности позволит проанализировать не только содержание усвоенного социального опыта, но и характер его усвоения, формирующихся на основе этого

инстанций и многоуровневых внутри- и межфункциональных характеристик, их взаимосвязей, разнонаправленной динамики через выявление прогрессивных и регрессивных изменений характеристик личности на различных этапах и, конечно, множественных детерминант и их соотношений, включая и самодетерминацию. Это позволит раскрыть сложные соотношения различных составляющих социализации и ресоциализации личности в условиях динамичных общественных изменений, а также задает основные направления эмпирических исследований...» [4, с. 8].

Основное внимание при проведении эмпирического исследования в рамках системно-диахронического подхода уделяется изучению процессуального характера социализации, ее условий и ключевых эффектов, с установлением их места в целостной структуре личности, а также обретения личностного содержания субъектом, становления социально-психологических свойств личности [4, с. 8].

Таким образом, при опоре на системно-диахронический подход целью данного исследования является изучение содержательных характеристик социальных представлений о мире в зависимости от условий социализации и степени их принятия индивидом. Перейдем непосредственно к организации эмпирического исследования: в нем приняли участие молодые люди в возрасте 17–19 лет; общее количество респондентов составило 221 человек, среди них 78 – старшеклассники и студенты, проживающие в центре мегаполиса, 77 – старшеклассники и первокурсники, проживающие на окраине мегаполиса, и 66 – ученики и студенты, проживающие в небольшом городе.

Анализ содержания сочинений на заданную тему позволил обнаружить наиболее распространенные категории, составляющие основу социальных представлений молодежи о мире. Общая идея, объединяющая представления молодежи о мире, состоит в понимании разносторонности его характеристик, отношений к нему и месте человека в нем, а также конкретной личности в связи с системой ситуативных отношений, переживаний личности в данный момент. Так, большинство молодых людей, живущих в центре мегаполиса, в целом положительно характеризует окружающий их мир. Они выделяют такие характеристики, как «огромное пространство» (64,3%) (даны наиболее часто упоминаемые характеристики представлений о мире в абсолютных значениях), «прекрасный» (57,4%), «замечательный» (44,9%), «дающий много возможностей» (72,6%), «космос» (64,7%), «все человечество» (71,4%), «непредсказуемый» (32,4%), «мир – как социальная сеть» (61,4%), «мои близкие» (53,5%) и т.п. Часть утверждений имеет негативный оттенок: «мир – пустота» (27,4%), «враждебность друг к другу» (37,8%), «несправедливость» (41,7%).

Соотношение положительных и отрицательных характеристик у респондентов, социализирующихся в центре мегаполиса, составляет 9 к 3 при наличии 24,6% нейтральных. Это говорит о том, что для них мир в целом открыт и не таит угроз, они воспринимают его объективно таким, какой он есть, с присущим юношескому возрасту романтизмом.

Обратимся к представлениям респондентов, живущих на окраинах мегаполиса. Здесь основная часть испытуемых дает такие характеристики, как «жесть» (63,6%), «вечный облом» (71,3%), «убогий» (40,3%), «масса фекалий» (17,3%), «мои друзья» (62,7%), «мир – зомбящик» (42,6%), «мир – одна сплошная бродилка» (43,5%), «для меня окружающий мир – баг» (58,6%), «мир – минимум возможностей, максимум обязанностей» (33,4%). Вместе с тем имеются и категории, характеризующиеся позитивными представлениями: «семья» (42,5%), «планета» (51,3%), «когда много бабла» (47,5%), «окружающая нас природа» (34,6). Соотношение положительных и отрицательных характеристик респондентов, социализирующихся в условиях окраины, составляет 4 к 8 при 13,3% нейтральных. Полученные данные говорят о том, что уяснение и поиск неких явных или скрытых жизненных ориентиров в таких условиях социализации создают предпосылки для переосмысления привычных альтернатив мировосприятия и миропонимания, предлагаемых различными институтами. Далее, в ходе переосмысления имеющихся жизненных ориентиров (маркеров), у большинства испытуемых, социализирующихся в условиях окраины, развиваются негативные представления об условиях социализации и окружающем мире в целом.

Эмпирическое исследование респондентов, социализирующихся в условиях небольшого областного города, позволило получить следующие характеристики социальных представлений: «мир одна сплошная развлекуха» (77,3%), «отвратный» (67,2%), «весь мир в социальных сетях» (34,3%), «мир, как прикольный шарик» (44,3%), «мир – не очень хорошо» (22,7%), «мир – круто» (31,6%), «мир – когда все по кайфу» (75,3%), «мир в дефолт сити (Москва), а у нас отстой» (37,6%), «мой мир – Энгельс и мои друзья» (47,4%), «жизнь» (33,8%), «богатство» (31,5%), «грязный» (61,4%), «мир, как прикольный девайс» (32,7%), «мир меняется в худшую сторону» (69,4%), «мир деградирует» (58,%), «мир – огонь, вода и медные трубы» (41,3%). Соотношение положительных и отрицательных характеристик составляет 7 к 6 при 12,3% нейтральных. Из этих данных видно, что представления о мире у молодежи, социализирующейся в условиях небольшого города, сформировано в большинстве своем позитивно, что, по всей видимости, может свидетельствовать об удовлетворенности условиями социализации и

уровнем жизни в целом. Однако разница между позитивными и негативными представлениями ничтожно мала, что свидетельствует о начале формирования амбивалентных представлений о мире. Такая амбивалентность может быть результатом процесса категоризации определенных событий, мнений и сообщений, конструирующихся в общественном сознании в виде социальных представлений. Амбивалентность, конечно же, не дает четкой картины того, какое представление о мире формируется у молодежи, социализирующейся в условиях небольшого города. Тем не менее она может свидетельствовать о принятии молодежью разносторонности мира с его позитивными и негативными характеристиками, с одной стороны, а с другой – такое принятие может создать почву для размытости границ между хорошим и плохим и создать условия для формирования безразличия, равнодушия, нигилизма.

Таким образом, анализ социальных представлений респондентов свидетельствует, что они, в зависимости от условий социализации, различны на всех уровнях их компонентов (когнитивном, эмоциональном и конативном).

Корреляционный анализ полученных данных позволил определить структуру представлений и выделить ее ядро. У молодежи из центра мегаполиса ядром полученной структуры является характеристика «мир – социальная сеть». Оно связано с такими ее элементами, как «прекрасный» ($r = 0,712^{**}$) (** – корреляционная связь на уровне 0,01; * – корреляционная связь на уровне 0,05), «замечательный» ($r = 0,250^*$), «дающий много возможностей» ($r = 0,551^{**}$), «огромное пространство» ($r = 0,234^*$), «космос» ($r = 0,360^*$), «все человечество» ($r = 0,349^*$), «непредсказуемый» ($r = -0,747^{**}$), «мои близкие» ($r = -0,336^*$), «мир – пустота» ($r = -0,396^*$), «несправедливость» ($r = -0,298^*$), «враждебность друг к другу» ($r = -0,378^*$). Такая структурная композиция говорит о сформированности у молодых людей оптимистичных в целом представлений о мире. У респондентов, проживающих на окраинах мегаполиса, ядром корреляционной плеяды стала характеристика «жесть». Полученное ядро связано с такими ее элементами, как «вечный облом» ($r = 0,884^{**}$), «мир – одна сплошная бродилка» ($r = 0,793^{**}$), «много бабла» ($r = 0,642^{**}$), «мои друзья» ($r = 0,431^*$), «масса фекалий» ($r = 0,543^{**}$), «для меня окружающий мир – баг» ($r = 0,588^{**}$). Полученные данные отражают ситуативно-негативное мировосприятие, что, по всей видимости, говорит о некоей разочарованности респондентов, живущих на окраине мегаполиса, в окружающей действительности, связанной с уровнем развития инфраструктуры.

Ядро структурной композиции представлений о мире – «мир меняется в худшую сторону» – было получено у респондентов, социализирую-

щихся в условиях небольшого города. Элементами полученной структуры стали такие характеристики, как «мир деградирует» ($r = 0,305^*$), «грязный» ($r = -0,337^*$), «мир – круто» ($r = -0,270^*$), «богатство» ($r = -0,312^*$), «отвратный» ($r = 0,297^*$). Очевидно, что основу корреляционной плеяды составляют в большинстве своём элементы, содержащие характеристики отрицательной направленности.

Таким образом, представления молодежи о мире конструируются на основе моделей, образов окружающей действительности, сформулированной в различных условиях социализации: оптимистические характеристики представлений о мире более присущи молодежи, социализирующейся в условиях центра; в условиях социализации молодежи на окраине в большей мере конструируются негативные представления о картинах, моделях, образах окружающей действительности и аналогичное мировоззрение в целом. По всей видимости, такая ситуация характеризуется наличием определенного диссонанса в психоэмоциональной сфере личности молодых людей, социализирующихся в условиях окраины и небольшого города. Данный диссонанс вызван, по всей видимости, фрустрацией, которая содержит в себе некую константу сравнения и неудовлетворенности таким сравнением. Естественно, что такое сравнение конструируется по модели «Я и другие», по ходу которого возникает неудовлетворенность условиями социализации, и, как следствие этого, возможно создание определенных предпосылок для неудовлетворенности собой. Последняя может, в свою очередь, актуализировать определенные защитные механизмы, которые призваны устранить имеющийся диссонанс. Такой защитный механизм, очевидно, может проявиться через раздражение и агрессию по отношению к окружающим другим. Но они – всего лишь поверхностное проявление одного из защитных механизмов. Его основным пусковым элементом, скорее всего, является обида на несоответствие жизненных условий и личностных ожиданий молодых людей с окраины мегаполиса.

По мнению С. А. Кулакова, обида – это форма агрессии, проявление зависти и ненависти к окружающим, обусловленные чувством гнева, недовольства кем-то конкретным или всем миром за действительные или мнимые страдания [5]. Обида, как правило, является мотивирующим фактором образования завистливости по отношению к более успешным другим и создает условия для аддиктивного поведения личности. Она может возникать вследствие разочарования и несоответствия ожиданий в процессе принятия условий социальной действительности на каком-либо институциональном уровне социализации.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ социальных представлений молодежи о

мире позволил прийти к следующим выводам. Социальные представления молодежи о мире детерминированы условиями социализации. Узловые элементы социальных представлений, такие как объективация и внедрение, способствуют конструированию системы образов окружающей действительности. Далее такая система трансформируется в целостное субъективное представление личности о мире и его моделях.

Ядерные композиции корреляционных плеяд, которые представлены содержательными элементами, свидетельствуют о следующем: условия социализации молодежи, проживающей в центре, создают предпосылки для приписывания окружающему их миру оптимистических характеристик, что свидетельствует о субъективной удовлетворенности собой и окружающими другими, а также событиями, предлагаемыми социальной действительностью; молодежь, социализирующаяся в условиях окраины и небольшого города, конструирует социальные представления о мире на основе негативного восприятия окружающей действительности. Такое восприятие, по всей видимости, является следствием наличия некоей обиды по отношению к другим, находящимся в более выгодных, с точки зрения этой молодежи, условиях социализации.

Обида как социально-психологическое явление проявляется в виде зависти, раздражения, неудовлетворенности собой и окружающей действительностью. Это явление, скорее всего, зависит от способности личности к рефлексии и пониманию себя как целостного субъекта, принимающего нормы и ценности общества. Если же условия социализации личностью не принимаются и она в силу каких-то причин не обладает возможностями к рефлексии и адекватной оценке себя, то одной из крайних форм проявления обиды может быть агрессивное и аддиктивное поведение личности.

Список литературы

1. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 2000. 200 с.
2. Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб., 2007. 592 с.
3. Фельдштейн Д. И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // *Вопросы психологии*. 1988. № 6, ноябрь-декабрь. С. 31–41.
4. Шамионов Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6, № 27. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (дата обращения: 26.04.2013).
5. Кулаков С. А. Психосоматика. СПб., 2010. 320 с.

Social Representations of Young People about the World in Various Conditions of Socialization

P. D. Nikitenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Ulitsa Politechnicheskaya, 77, 410054 Saratov, Russia
E-mail: 279247@mail.ru

In the article the specifics of the system-diachronic approach to the analysis of the different conditions of socialization of the personality are discussed. It contains the research of social representations of young people about the world in various conditions of socialization. The prospects of studying of social ideas about the world in dependence on the conditions of socialization of the personality are shown. The nuclear components of the influence of the ideas of young people about the world are allocated and described. The significant differences of the ideas independence on the favorable/unfavorable conditions of socialization of young people are revealed. Such differences, apparently, become possible in compliance with the following factors: 1) the contradiction between the attitudes, stereotypes and real life; 2) loss of life perspective. The obtained data allow assuming that the main component of the designing of negative social ideas about the world is the offense of young people on the conditions of surrounding social reality. The applied aspect of the studied problem can be realized in the advisory practice of the psychological services.

Key words: social representations, mesofactorial conditions, socialization, personality, social reality.

References

1. Mudrik A. V. *Sotsialnaya pedagogika* (Social pedagogy). Moscow, 2000. 200 p.
2. *Psychologie sociale* (public sous la direction de S. Moscovici). P., 1984. 575 s. (Russ ed.: *Sotsialnaya psikhologiya* {Social psychology}. Ed. by S. Moskovichi.) St. Petersburg, 2007. 592 p.
3. Feldstein D. I. *Psikhologicheskiye osobennosti razvitiya lichnosti v podrostkovom vozraste* (Psychological peculiarities of the development of personality in adolescence). *Voprosy psikhologii*. (Questions of psychology), 1988, no. 6, pp. 31–41.
4. Shamiyonov R. M. Socializatsiya lichnosti: sistemno-diaxronicheskiy podkhod (Socialization of personality: systematic-diachronic approach). *Psikhologicheskiye Issledovaniya* (Psychological Studies), 2013, vol. 6, no. 27. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html>
5. Kulakov S. A. *Psikhosomatika* (Psychosomatics). St. Petersburg, 2010. 320 p.

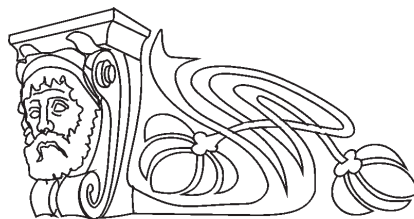

УДК 159.99

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БУДУЩЕЕ РОДИТЕЛЬСТВО ДЕТЕЙ

Л. А. Николаева

Николаева Любовь Александровна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: la-ko82@mail.ru

Детско-родительские отношения играют ключевую роль в развитии ребенка как будущего семьянина. Цель исследования – определение взаимосвязи отношений родителей с детьми с формированием будущего родительства у их детей. Для изучения этой взаимосвязи были использованы методики PARI и тест детско-родительских отношений. В результате исследования мы пришли к выводу, что такие стили семейного поведения, как кооперация ребенка с родителем, симбиоз ребенка и родителя, выражающийся в стремлении взрослого к единению с ребенком, являются «наследуемыми» факторами. К «наследуемым» факторам также относятся: доминирование матери либо ее зависимость от мужа и несамостоятельность, они передаются от родителей к детям и их будущим семьям. Такие противоположные факторы, как уклонение родителя от контакта с ребенком и создание безопасности, опасение обидеть, подавление сексуальности также относятся к категории характеристик, которые передаются детям в процессе семейного воспитания.

Ключевые слова: семья, детско-родительские отношения, развитие ребенка, стили семейного отношения, семейные роли.

Традиционно главным институтом воспитания является семья. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей [1].

В настоящее время проблема психологического благополучия детей приобретает особую актуальность, так как является одной из важнейших составляющих государственной политики сохранения здоровья нации. Современная ситуация, сложившаяся в нашей стране, обострила положение института семьи: произошли изменение функций, сокращение размеров (падение рождаемости, малодетность), увеличение количества разводов, изменение типа главенства и т.п. Отдельной серьезной проблемой становится распространение насильственных форм взаимодействия в семье и, в частности, жестокого обращения с детьми. Среди форм такого отношения выделяют физическое, сексуальное, психологическое насилие, а также отсутствие заботы о детях [2]. По данным Всемирной организации здравоохранения (2002), за первый год тысячелетия в мире произошло больше 50 тыс. случаев убийств детей. Большому риску подвергались младшие по возрасту дети. Было установлено, что мальчики в большинстве случаев

становятся жертвами избиений и физического наказания, а девочки подвергаются большому риску сексуального насилия, испытывают отсутствие заботы и принуждение к занятию проституцией. Среди факторов, увеличивающих вероятность жестокого обращения с детьми, были отмечены такие, как воспитание одиноким родителем или очень молодыми родителями, лишенными поддержки своих семей [3].

В нашей стране негативные тенденции в развитии семьи совпали с бурными социальными процессами, связанными с перестройкой экономической жизни страны. В связи с этим приняты огромные масштабы следующие явления: резкое падение рождаемости, рост числа детей, воспитывающихся в условиях неполных семей, увеличение числа социальных сирот. По мнению ученых, российская семья сейчас находится в состоянии кризиса и социальной деградации.

Семья является для ребенка микромоделью общества, важнейшим фактором в формировании социальных установок, жизненных планов и т.п. Общественные правила впервые осознаются в семье, культурные ценности общества потребляются через семью, познание других людей начинается также с семьи. Диапазон воздействия семьи на воспитание детей столь же широк, как и диапазон общественного воздействия. Но, к сожалению, сейчас у многих детей складывается деформированный, искаженный образ семьи, связано это с таким явлением, которое можно обозначить как кризис семьи. В семье изменяются функции, социальные роли членов семьи, наблюдается разобщенность ее членов. Негативно сказывается на формировании образа семьи и отсутствие отца как члена семьи, причем не только физически (например, в случае развода), но и фактически (когда отец не принимает участия в делах семьи) [4].

Объектом исследования являются детско-родительские отношения как фактор развития будущего родительства у детей. Предмет исследования – формирование систем детско-родительских отношений у детей. Цель исследования – определение взаимосвязи отношений родителей с детьми с формированием будущего родительства у их детей. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

– изучение теоретических подходов к данной проблеме;

- подбор методического аппарата;
- исследование детско-родительских отношений в родительской семье;
- исследование детско-родительских отношений в семье «детей»;
- изучение взаимосвязи детско-родительских отношений и будущего родительства детей.

Основная гипотеза исследования: детско-родительские отношения взаимосвязаны со стилем поведения, отношением к семейным ролям, отношением к собственным детям.

Для изучения взаимосвязи детско-родительских отношений с формированием будущего родительства у их детей нами были использованы следующие методики исследования – PARI и тест детско-родительских отношений. Выборку составили 60 семей, а именно респонденты, у которых есть дети, и их родители в возрасте 24 – 57 лет; соотношение полов – 70% женщин и 30% мужчин.

Анализируя результаты проведенного исследования, мы наблюдаем, что дети в своем будущем родительстве частично копируют родительские методы воспитания. Полученные данные свидетельствуют о том, что такие стили семейного поведения, как кооперация ребенка с родителем, выражающаяся в стремлении взрослых к сотрудничеству с ребенком, проявляющаяся с их стороны в искренней заинтересованности и участии в делах ребенка; симбиоз ребенка и родителя, выражающийся в стремлении взрослого к единению с ребенком, передаются от родителей к детям в их будущем родительстве. Мы связываем это с тем, что данное поведение родителей воспринимается как само собой разумеющееся, так как ребёнку комфортно в такой семейной атмосфере, и в дальнейшем он дублирует то же поведение по отношению к своим детям.

Стиль поведения, при котором ребёнок принимается или отвергается родителем, также переходит в следующее поколение, он выражает собой общее эмоционально положительное или отрицательное отношение к ребенку. Проявление такого поведения в будущем родительстве мы связываем с тем, что это устоявшаяся константа на протяжении не одного поколения этой семьи. Такой психологический аспект, как контроль ребенка со стороны родителя, показывающий, насколько взрослые демократичны или авторитарны по отношению к детям, не коррелирует между нашими группами выборок. Это может быть связано с тем, что в каждой отдельной семье каждому ее взрослому члену необходима своя эмоциональная связь с ребенком и друг с другом. Научно доказано, что на контроль со стороны родителя влияет множество факторов – отсутствие тесных отношений с супругом, страх одиночества в семье, личностные особенности взрослого, например, его тревожность и многое другое, и совокупность факторов в каждом отдельном случае доказывает полученные нами результаты [5]. Последняя шкала теста родительского отношения – «отношение родителей к неудачам ребенка» – показывает, как

взрослые относятся к способностям ребенка, к его достоинствам и недостаткам, успехам и неудачам. Полученные данные по двум выборкам коррелируют между собой, и в 97% случаев это низкий балл, свидетельствующий о том, что неудачи ребенка взрослый считает случайными. Этот факт мы связали с тем, что дети, отношения к которым в семье мы изучали, в большинстве своем уже перешагнули порог юности, и они осознанно выполняют ту или иную деятельность, именно поэтому родители серьезно относятся к их чувствам и мыслям на этот счет.

Полученные результаты по методике PARI более дифференцированы, что связано с большим количеством шкал в опроснике. В данной методике отношение родителей к детям можно анализировать по нескольким блокам: 1) отношение родителя к семейной роли; 2) отношение родителя к ребенку (оптимальный эмоциональный контакт, излишняя эмоциональная дистанция ребенка с родителем, излишняя концентрация родителя на ребенке).

К первому пункту классификации, представленной в методике PARI, относятся такие факторы, как ощущение самопожертвования в роли матери. Данный признак не коррелирует между выборками. Это связано с тем, что в каждой семье свои особые отношения между супругами, и самоотдача женщины ребенку зачастую во многом зависит от её отношений с мужем и его позиции по данному вопросу. Следующий фактор – семейные конфликты – также не коррелирует между выборками, это связано с тем, что дети, видя отношения своих родителей в детстве, строят свое взаимодействие с супругом по тем же принципам и сталкиваются в будущем супружестве с другой моделью поведения, но также усвоенной у родителей, и в итоге, благодаря «притирке», компромиссным решениям, строится модель поведения, уникальная для данной семьи, с проявляющимися компонентами обеих родительских систем.

Следующим признаком является «сверхавторитет родителей», он также не коррелирует у выборок, так как его проявление зависит от личностных характеристик родителей, их склонности доминировать. Данный параметр можно сравнить с предупредительным стилем, по В. А. Миняеву, вследствие такого воспитания у детей формируется поведение инфантильного типа, которое не позволяет им быть высокоавторитетными в будущем родительстве [6].

Следующая шкала, относящаяся к первому пункту нашей классификации, «безучастность» мужа, его невключенность в дела семьи, не коррелирует у двух выборок, и мы связываем это с тем, что в основном на проявление данного фактора влияют личностные характеристики мужчины, его социальный статус, взаимоотношения с супругой и его отношения с отцом. Вследствие такого обширного количества факторов можно сделать вывод, что отношения с отцом не являются здесь приоритетными.

Коррелирующими факторами являются следующие: доминирование матери, ее зависимость и несамостоятельность. Мы предполагаем, что первый фактор взаимодействует между выборками из-за того, что доминирующая мать строит особую модель семейной жизни – «подминает» своего мужа, это проявляется и при воспитании ребенка, что сказывается на дальнейшем его родительстве. У девочек формируется и утверждается, благодаря примеру матери, позиция «на мне вся семья», а у мальчиков – выученная беспомощность, в том числе по отношению к себе как будущему мужу, вследствие высокого авторитета матери и отсутствия такового у отца. Второй коррелирующий параметр противоположен только что изложенному. Девочки воспринимают мать как зависимого от отца субъекта, а у мальчиков формируется образ отца как доминирующего члена семьи, именно эти роли они привносят в свои будущие семьи, возможно, подбирая на роль супруга человека с соответствующими личностными характеристиками [7].

Второй пункт классификации разделен на несколько подпунктов, и первый из них – излишняя эмоциональная дистанция с ребенком. Сюда входит такой важный фактор современной семьи, как уклонение родителя от контакта с ребенком. Анализируя результаты, полученные при работе с выборками, мы отмечаем, что они связаны между собой, видимо, потому, что современное общество, современное государство не способствует сплочению семьи, не пропагандирует необходимость контактов с детьми, скорее, наоборот, ставит родителей в такую ситуацию, что им, ради достойного содержания ребенка, приходится жертвовать семьей ради работы. Вследствие влияния семьи и социума у ребенка формируется схожая позиция, которая и находит отражение в будущем родительстве [8].

Следующий пункт классификации, относящийся к детско-родительскому контакту, – развитие активности ребенка. Данный фактор не коррелирует между выборками, что можно связать с тем, что во время взросления развитие активности ребенку часто зависит не только от окружающих взрослых, но и от опыта общения со сверстниками [9].

Последним пунктом классификации является излишняя концентрация родителя на ребенке, в которую входит ряд признаков, среди них коррелирующими являются: создание безопасности, опасение обидеть. Причин этого, очевидно, несколько: исследуемые нами семьи в большинстве своем можно отнести к категории благополучных, возможно, в результате этого в семье сохраняются довольно теплые отношения у всех поколений.

Подавление сексуальности также коррелирует в выборках, мы связываем это явление с тем временем, в которое росла и воспитывалась большая часть наших респондентов – период развития социализма. Именно в СССР с определенного времени тема сексуальности стала закрытой, и люди, воспитанные в СССР, воспринимают простое ознакомление ребенка с особенностями его

тела и тела ребенка противоположного пола как что-то эротичное, непристойное, таким образом у ребенка закладывается отношение к своим половым признакам как к нечто плохому.

К некоррелирующим признакам относятся: чрезмерная забота и установление отношений зависимости, преодоление сопротивления и подавление воли, чрезмерное вмешательство в мир ребенка. На наш взгляд, это смежные признаки, отсутствие взаимосвязи объясняется тем, что подобные отношения формируются в микроклимате каждой семьи и зависят во многом от личностных характеристик супругов и взаимоотношений со старшим поколением. Внесемейные влияния – также некоррелирующий фактор, поскольку респонденты наших выборок воспитывали своих детей в разное время и влияние, оказываемое за пределами семьи, было тоже разным. В СССР на молодежь влияли пионерские и комсомольские организации, в современном обществе – телевидение и интернет. Видимо, поэтому данные выборы не связаны между собой.

Подавление агрессивности – тоже не коррелирующий фактор, что мы объясняем так же, как и в предыдущем случае – разностью воспитания в СССР и в настоящее время. В прошлом к процессу воспитания подключалось государство, этим обусловлена, в частности, доступность различных кружков и секций, разнообразная деятельность пионерской организации и т.д.). Сейчас же детей ограничивают родительские запреты, у них появилось много свободного времени (отчасти из-за недоступности различных секций для многих семей), в результате этого проявляется агрессивное поведение, сопровождаемое и уклонением многих родителей от контакта с ребенком [10].

Таким образом, исследование показало, что стили поведения в семье оказывает немаловажное влияние на ребенка как на будущего семьянина (таблица).

Взаимосвязь детско-родительских отношений и будущего родительства детей

Фактор	Показатель корреляции
Чрезмерная забота, установление зависимости родителей от ребенка	0,543
Преодоление сопротивления, подавление воли ребенка	0,238
Самопожертвование в роли матери	0,768
Создание безопасности для ребенка	0,702
Семейные конфликты	0,552
Сверхавторитет родителей	0,475
Развитие активности ребенка	0,652
Уклонение от контакта с ребенком	0,544
Безучастность мужа	0,611
Доминирование матери в семье	0,546
Симбиоз с ребенком	0,616
Контроль над ребенком	0,296
Отношение к неудачам ребенка	0,566
Принятие – отвержение ребенка	0,561
Кооперация с ребенком	0,408

Такие стили семейного поведения, как кооперация ребенка с родителем, выражающаяся в стремлении взрослых к сотрудничеству с ребенком, проявляющаяся с их стороны в искренней заинтересованности и участии в делах ребенка, симбиоз ребенка и родителя, выражающийся в стремлении взрослого к единению с ребенком, являющиеся «наследуемыми» факторами. К «наследуемым» факторам относятся также доминирование матери либо ее зависимость от мужа и несамостоятельность, они передаются от родителей к детям и их будущим семьям.

Противоположные факторы – уклонение родителя от контакта с ребенком и создание безопасности, страх обидеть – подавление сексуальности также относятся к категории характеристик, которые передаются детям в процессе семейного воспитания.

Список литературы

1. Филиппова Г. Г. Материнство : сравнительно-психологический подход // Психологический журн. 1999. Т. 20, № 5. С. 81–88.
2. Терехина С. А. Образы родительской и будущей семьи у девочек-подростков с делинквентным поведением : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 196 с.
3. Бухлина Л. Ю. Исследование социальных позиций подростков с различной степенью изоляции от семьи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004. 18 с.
4. Куликова Т. А. Семейная педагогика и домашнее воспитание : учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. М., 1999. 232 с.
5. Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб., 2006. 176 с.
6. Гребенников И. В. Воспитательный климат семьи. М., 1976. 40 с.
7. Винникот Д. В. Маленькие дети и их матери. М., 1998. 253 с.
8. Кулиш О. Г. Взаимосвязь образа семьи и развития самосознания у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 29 с.
9. Хьямяляйнен Ю. Воспитание родителей : концепции, направления и перспективы. М., 1993. 62 с.
10. Филиппова Г. Г. Психология материнства : учеб. пособие. М., 2002. 240 с.

Parent-Child Relations and Development of a Child as a Future Adult Family Member

L. A. Nikolaeva

Yaroslavl State University named after of P. G. Demidov,
Ulitsa Sovetskaya, 14, 150000 Yaroslavl, Russia
E-mail: la-ko82@mail.ru

Parent-child relations play a key role in the development of a child as a future adult family member. The object of our research is formation of parent-child relation systems in children. The aim of our research is to find out the dependence between parent-child relations and the formation of future parenthood of children. To study this we used PARI methods and a parent-child relations test. As a result of the research we came to the conclusion that such styles of family behaviour as cooperation of the child with the parent, the child-parent symbiosis, manifested in adult aspiration to unity with the child are «inherited» factors. Domination of mother, as well as her being dependent on her husband are also «inherited» factors, they are passed on from parents to their children, and then to their future families. Such opposite factors as parental avoidance of contacts with the child, security creation, fear of offending, suppression of sexuality belong to the category of characteristics, given to children in the process of family upbringing.

Key words: family, relations between child and parent, development of child, styles of the family relation, family roles.

References

1. Filippova G. G. Materinstvo: sravnitel'no-psikhologicheskii podkhod (Motherhood: comparative and psychological approach). *Psikhologicheskii zhurnal* (The psychological journal), 1999, vol. 20, no. 5, pp. 81–88.
2. Terekhina S. A. *Obrazy roditelskoy i budushchey semi u devochek-podrostkov s delinkventnym povedeniyem*: dis. ... cand. psychol. nauk (Images of parental and future family at teenage girls with delinquent behavior: cand. psych. sci. diss.). Moscow, 2006. 196 p.
3. Bukhlina L. U. *Issledovaniye socialnykh pozitsii podrostkov s razlichnoy stepenyu izolyatsii ot semi*: avtoref. dis. ... cand. psychol. nauk (Research of social positions of teenagers with various extent of isolation from a family: cand. psych. sci. diss.). Samara, 2004. 18 p.
4. Kulikova T. A. *Semeynaya pedagogika i domashneye vospitaniye* (Family pedagogics and house education). Moscow, 1999. 232 p.
5. Druzhinin V. N. *Psikhologiya semi* (Family psychology). St. Petersburg, 2006. 176 p.
6. Grebennikov I. V. *Vospitatel'nyy klimat semi* (Educational climate of a family). Moscow, 1976. 40 p.
7. Vinnikot D. V. *Malenkiye deti i ikh materi* (Small children and their mothers). Moscow, 1998. 253 p.
8. Kulish O. G. *Vzaimosvyaz obraza semi i razvitiya samosoznaniya u detey doskol'nogo, mladshogo shkol'nogo i podrostkovogo vozrastov*: avtoref. dis. ... cand. psychol. nauk (Interrelation of an image of a family and development of consciousness in children of preschool, younger school and teenage age: cand. psych. sci. diss.). Moscow, 2005. 29 p.
9. Khyamyalyaynen U. *Vospitaniye roditeley: kontseptsii, napravleniya i perspektivy* (Education of parents: concepts, directions and prospects). Moscow, 1993. 62 p.
10. Filippova G. G. *Psikhologiya materinstva* (Motherhood psychology). Moscow, 2002. 240 p.

УДК 159.9

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТЕАТРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Райкова-Мерц

Райкова-Мерц Екатерина Валерьевна – магистрант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterina.raykova2011@gmail.com

В статье анализируется специфика изучения организационной культуры театра посредством социально-психологических методов исследования; аргументируются преимущества применения ордерного подхода в изучении театральной организации. В качестве методологической основы ордерного подхода рассматриваются работы А. Швейцера и П. Козловски. Ордерный подход основывается на выявлении неразрывных связей между экономикой и этикой и опирается на следующие постулаты: этическая обусловленность экономики; экономическая обусловленность этики; теория совмещения этического и экономического блага. Специфика театра как организации заключается в замене количественных показателей эффективности качественными (успех у зрителей), что заставляет руководителя обращаться к новым способам социально-психологического стимулирования. Эффективность ордерного подхода заключается в использовании этической мотивации в качестве способа повышения солидарности и энтузиазма в театральной коллективе.

Ключевые слова: театр, ордерный подход, этика, управление, организационная культура.

Изучение механизмов управления организационной культурой в условиях организаций или рабочих коллективов является весьма перспективной с научной точки зрения и востребованной в современной социальной психологии темой исследования. Вместе с тем применение социально-психологических методов к анализу организационной культуры театра (при всей специфике его организационной структуры и системы управления) является малоизученной сферой психологического исследования. Хотя процессу создания и поддержания театрального коллектива посвящены работы Е. А. Левшиной, Г. Г. Дадамяна, А. М. Смелянского и некоторых других исследователей и практиков театрального дела, проанализировать происходящие в современном российском театре социально-психологические изменения, выявить их контекст и предпосылки, а также разработать механизмы урегулирования социально-психологических конфликтов – насущная проблема организационной психологии.

Современная социальная психология оказывается в ситуации, когда механистические модели объяснения и влияния на социальные коллективы исчерпаны, поэтому ситуация постмодерна (общая для всех гуманитарных дисциплин) проявляется в социально-психологическом знании в виде формирования новых подходов, акцентирующих внимание на возможности воздействия не пря-

молинейно, «в лоб», а посредством формирования определенных этических норм и стратегий поведения. К числу наиболее оптимальных из современных социально-психологических подходов, использующих потенциал этических норм в качестве способов социально-психологического регулирования организационной культуры, относится ордерный подход, разрабатываемый в работах Л. Н. Аксеновской и саратовской школы организационной психологии.

Характерной чертой ордерного подхода, позволяющей использовать его для диагностики и профилактики организационной культуры в условиях творческих коллективов, является сосредоточенность на этических основаниях психологического климата в коллективе, стремление выстроить структуру взаимодействия между членами коллектива посредством не механистичных материалистических принципов, а этических категорий (ответственность, благо и т.д.). Методологическим основанием формирования ордерного подхода является синтез идей «этической» культуры А. Швейцера и «этической» экономики П. Козловски.

В своей концепции А. Швейцер обращается к трактовке культуры как совокупности этических норм и представлений, целью которых является обеспечение существования индивида. При этом не следует сводить этику к сугубо утилитарному смыслу налаживания повседневных отношений между индивидами. Цель этики находится намного глубже и заключается в духовном самосовершенствовании человека, а культура в данном случае выступает основным средством такого совершенствования. Культура представляет собой господство разума как над силами природы, так и над человеческим поведением, что представляется принципиально важным, поскольку обеспечивает ограничение использования покоренных сил природы во взаимоотношениях между людьми. Без культуры, как считает Швейцер, история человеческих взаимоотношений ничем не отличалась бы от борьбы животных за выживание.

Развитие человечества заключается в прогрессе способности человека к соизмерению своих желаний с благом всех остальных людей, т.е. в увеличении этических норм. Но носителем таких норм может являться только отдельный человек,

поэтому критерием деградации для Швейцера становится тот момент, когда общество оказывает на человека большее влияние, нежели сам человек на общество, поскольку в этом случае возможность морального прогресса сведена к минимуму.

Способом воздействия культуры как на отдельного человека, так и на общество в целом является мировоззрение, которое должно соответствовать следующим требованиям: основываться на рациональном выборе, способствовать оптимизации человеческой деятельности, соответствовать моральным нормам человеческого общежития. В контексте социально-психологического анализа управления творческими коллективами принципиально важным является раскрытие сути того, что понимается Швейцером под этикой. Этика рассматривается Швейцером как направление человеческой деятельности, нацеленное на совершенствование его личности. Именно она дает возможность человеку определить те принципы, которыми обусловлено его отношение к миру и другим людям, а также сосредоточиться на совершенствовании внутреннего мира.

С точки зрения философа, упадок любой цивилизации оказывается предвосхищен исчезновением этических идей и, соответственно, нарушением связей, скрепляющих общество в единое целое. Как только деятельность человека лишается этической обусловленности, она становится бессмысленной. Швейцер пишет: «Мы оказались в плену дезориентированной жадности деятельности. Дух нашего времени бросает нас в водоворот деятельности. Он непрерывно вынуждает нас служить то тем, то другим целям, то тем, то другим достижениям. Он умышленно разжигает в нас безудержную жадность деятельности, дабы мы не опомнились и не спросили, что же, собственно, общего имеет эта самозабвенная преданность тем или иным целям и достижениям со смыслом мира и смыслом нашей жизни. Так, подобно безродным и никогда не трезвеющим наемникам, мы бредем без мировоззрения во все более сгущающемся мраке жизни, готовые одинаково преданно служить и возвышенному и низкому» [1, с. 136].

Таким образом, этика в концепции А. Швейцера оказывается напрямую соединена с понятием смысла, с осознанием осмысленности своей деятельности самими людьми, в том числе, и участниками творческого коллектива. «Пожалуй, наиболее существенная причина провала в бизнесе – недостаточное внимание к миссии компании и цели ее существования», – говорил также и один из основоположников современного менеджмента П. Друкер [2, с. 21]. Индивид должен понимать, что его деятельность носит этический характер, без этого его мотивация станет пониженной, что отрицательно скажется на творческой деятельности. Без осознания этической осмысленности невозможно эффективное функционирование лю-

бого человеческого сообщества – к такому выводу приходит мыслитель. Смысл учения А. Швейцера заключается в том, что возобновление культурного потенциала общества возможно только в том случае, если каждый человек способен принять на себя индивидуальную ответственность за свое пребывание в мире и за то воздействие, которое он оказывает на этот мир.

Немного с другой стороны обращается к проблеме соотношения этических норм и повседневной практики (прежде всего, экономической) современный немецкий психолог и социолог П. Козловски. С его точки зрения, экономика не может не учитывать в своих теоретических построениях этики и культуры как неотъемлемых компонентов человеческого взаимодействия. Экономика является сегментом культурного пространства, поэтому она регулируется теми же культурными нормами, которым подчиняются и другие сферы общественной жизни. В выборе целей экономической деятельности большое значение имеют психологические установки индивида, определяемые целой совокупностью факторов – нормами, ожиданиями, моральными и культурными представлениями. При этом собственно экономическая рентабельность и целесообразность является лишь одной из культурных ценностей, но не самой важной. Нетрудно заметить, что в своих теоретических предпосылках немецкий исследователь опирается на описание протестантской этики в знаменитой работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». М. Вебер впервые ставит вопрос о возможности совмещения этических норм и экономической выгоды, находя исторический пример такого синтеза в протестантской религии. Основу трудовой этики протестантизма составили два базовых принципа: богатство должно зарабатываться честным трудом и должно тратиться в соответствии с морально обоснованными целями.

Соблюдение этических постулатов является непременным условием эффективности любой экономики – к такому выводу приходит немецкий исследователь К. Кирстенсен, создатель теории «подрывных инноваций», профессор бизнес-администрирования в бизнес-школе Гарварда, один из «проводников» в мире современного менеджмента также уверен, что долгосрочной выгоды добиваются только те предприятия, которые имеют какую-то высшую цель, помимо извлечения прибыли [3, с. 142]. Но само совмещение этики и экономики в условиях постмодернистского общества требует соблюдения трех дополнительных условий: 1) этическая обусловленность экономики; 2) экономическая обусловленность этики; 3) теория совмещения этического и экономического благ. Дуалистическое противопоставление экономических и этических благ является ошибочным, поскольку в такой ситуации невозможно соблюдение принципа единства образа жизни.

Первым примером такого объединения стало определение блага у Аристотеля. Он считал, что благом является достижение совершенства в каждом совершаемом действии. Подобная трактовка позволяет отказаться от противопоставления должного с моральной точки зрения и выгодного с точки зрения экономики. Благом является то действие, которое позволяет достигнуть результата максимально эффективным путем и с минимальными физическими и духовными затратами для каждого участника взаимодействия.

Можно констатировать, что этика выступает комплексной сферой человеческой деятельности, объединяющей как сугубо экономические, так и культурные ориентиры. Ее культурной функцией является обеспечение единства поведения человека при принятии ключевых решений. Таким образом, само понятие «организационная культура», как справедливо указывает сам П. Козловски, подталкивает к мысли о том, что управление организацией представляет собой сложную совокупность действий, выходящую далеко за пределы сугубо утилитарного понимания экономической деятельности. Л. Н. Аксеновская резонно отмечает, что в данном случае П. Козловски немного преувеличивает этическую мотивацию деятельности предпринимателей, поскольку «прагматизм предпринимателей, менеджеров и консультантов состоял и состоит в намерении задействовать культурные ресурсы для повышения экономической эффективности деятельности предприятий» [4, с. 102]. В основных же теоретических предпосылках немецкий исследователь, несомненно, прав, поскольку совокупность культурных ориентаций, определяющих поведение индивида, не может быть сведена исключительно к прагматическому аспекту его деятельности. В экономике многие индивиды могут видеть лишь исполнение собственного стремления к самореализации, а само по себе это стремление является предельно общим побудительным мотивом для человечества.

Принципиально важным для изучения организационной культуры элементом теории П. Козловски является «позитивная теория координации деятельности индивидов, движимых собственным интересом» [4, с. 132]. С его точки зрения, лучшим способом сплочения коллектива является включение прямых целей, поставленных перед организацией в целом или отдельным ее членом, в широкую схему косвенных целей. Это позволяет добиться осмысленности выполнения каждым членом коллектива порученных ему функций, поскольку их выполнение оказывается обусловлено не только утилитарной необходимостью, а всем спектром культурных ориентиров, определяющих поведение человека. В такой ситуации система возникающих в процессе трудовой деятельности взаимоотношений базируется на договоренности членов коллектива между собой. В случае отсутствия договоренности приходится полагаться ис-

ключительно на правовое регулирование, но такая форма координации взаимоотношений способна пресекать лишь наиболее грубые нарушения. Различие правовой и этической регуляции проявляется в тех ситуациях, когда нарушение организационной культуры не может быть исправлено простым увольнением сотрудника (например, утечка информации).

Дело в том, что любая оценка эффективности трудовой деятельности на основании внешних показателей носит условный характер, поскольку только сам работник может в полной мере обозначить степень своей вовлеченности в трудовой процесс, а также уровень самоотдачи при выполнении порученных заданий. Козловски указывает, что «добровольное этическое выполнение правил, там где оно не контролируется или где этот контроль возможен лишь при весьма высоких затратах, снижает издержки хозяйственных акций, а тем самым и общеэкономические издержки, не уменьшая хозяйственных выгод партнеров» [5, с. 37].

Можно констатировать, что идеи А. Швейцера и П. Козловски взаимно дополняют друг друга, поскольку Швейцер делает акцент на духовном развитии человека, а Козловски экстраполирует принцип духовного совершенствования в сферу экономических взаимодействий. Немного по-разному ими понимается и категория этичности, которая является ключевой для ордерного подхода к исследованию организационной культуры. Для Швейцера этичность является специфическим мировоззрением, удовлетворяющим существующим моральным требованиям. Козловски предпочитает рассматривать этичность как процедуру оценки человеческих действий по определенной ценностной шкале.

Согласно точному замечанию Л. Н. Аксеновской, «мы обнаруживаем, что Швейцер останавливается на механизме мышления, а Козловски – на механизме оценки, что для психологии не является несовместимым: одно развивает другое. С этого уровня психология может выполнить собственную исследовательскую задачу в отношении функционирования этического» [4, с. 111]. Следует отметить, что с точки зрения социальной психологии предпочтительней выглядит обращение к интерпретации этических постулатов с позиций П. Козловски, поскольку его трактовка предполагает совмещение этических норм с принципом экономической целесообразности, что принципиально важно в контексте руководства творческим коллективом.

Следует отметить, что ордерный подход, развиваемый Л. Н. Аксеновской и другими представителями саратовской психологической школы, рассматривает организационную культуру как сложный многоуровневый порядок управленческих взаимодействий: «Ордерная концепция организационной культуры понимает культуру организации как сложный социально-психологический

порядок, который порождается управленческим взаимодействием. Управленческое взаимодействие своим содержанием имеет процесс решения задач, стоящих перед организацией» [4, с. 109]. Каждое из данных взаимодействий имеет целью решение проблем, с которыми сталкивается организация в процессе своего функционирования. Спецификой данного подхода является определение этического содержания управленческих взаимодействий, т.е. подчеркивается тот факт, что решение данных проблем кроется в выстраивании этически обусловленных отношений между субъектами взаимодействий. Иначе говоря, краеугольным камнем создания организационной культуры в рамках современных организаций является выстраивание такой системы взаимоотношений, при которой каждый субъект, включенный в данную систему, будет наделять свои действия этическим значением, видеть моральное содержание в тех поступках, которые служат укреплению потенциала организации и его развитию.

Специфика театра в качестве организации заключается в принципиально иной системе мотивации и механизмах функционирования, не исключающих материальную заинтересованность, но не ставящих ее на первый план. Следует отметить, что успех театрального коллектива измеряется не количественными показателями (число спектаклей в месяц, продолжительность рабочего дня), а качественной эффективностью, определяемой воздействием труппы на зрителя – как профессионального (критики), так и непрофессионального (публика). Театр изначально – семья, и решения, принимаемые управляющим составом или лидером (пусть даже основанные на профессиональной выгоде – например, уволить одну актрису, оставить другую), в театральной среде будут преподноситься и искренне «ощущаться» как основанные на семейных взаимоотношениях/ценностях.

Это является следствием того, что в целях успешного функционирования театр, как правило, имеет сверхсильную индивидуальность в лице руководителя – директора или режиссера. Но отличие отношений внутри театрального коллектива от микроклимата в коллективе более коммерчески ориентированной организации (к примеру, коллектива банковской корпорации или сотрудников музея) в том, что в театре весь рабочий процесс строится на индивидуальности участников (которая, по сути, и является критерием оценки профессионализма), в то время как в банке и в музее профессионализм – это определенный вид знания. В условиях театрального коллектива простое знание (особенно негативное) оказывается недостаточным для выстраивания отношений между участниками коллектива, а также между представителями коллектива и внешними по отношению к нему наблюдателями. А. М. Смелянский даже утверждает, что «комплимент забывается

на следующее утро, а негативные вещи остаются зарубками в памяти. Но если тебе что-то не понравилось, и ты про это написал, приготовься к тому, что человек перестанет с тобой здороваться, что твои отношения с ним закончатся. Артист физиологически устроен таким образом – он не принимает отрицания. Это как девушке искренно сказать: “Ты мне не нравишься”» [6].

Изменить ситуацию, когда театральный коллектив находится в творческом и экономическом упадке, может только возрождение веры, причем личность руководителя играет в данной ситуации первостепенную роль. Основной задачей будет не повышение продаж, не получение прибыли и даже не привлечение зрителей, а именно возрождение веры (в отличие от такой организации, как музей, например, которому для выхода из экономического кризиса, в первую очередь, потребуется не вера самих сотрудников, а продуманные технологии маркетинга и выставочной деятельности). В театральной же среде никакие маркетинговые технологии не будут эффективно работать без веры каждого актера в историю, рассказываемую театром, членами театрального коллектива о самих себе, о том, что они создают на сцене. И это – задача режиссера или лидера коллектива.

Таким образом, способ материальной мотивации как инструмент управления театральным коллективом неприменим, и не только в силу ситуации государственного финансирования или меньшей коммерческой ориентированности театра, по сравнению с другими типами предприятий, но именно потому, что основным продуктом деятельности театрального коллектива являются нематериальные вещи – воздействие на зрителей, творческая самоотдача и т.д. Театральный продукт, производимый, например, актером, – это его индивидуальность. Именно в этом специфика театрального коллектива в отличие от какого-либо другого культурного учреждения (например, музея, где все же присутствуют материальные объекты, материализованное искусство). Орднерная концепция представляется наиболее оптимальной для изучения, диагностики и управления организационной культурой театрального коллектива вследствие сочетания в ней этических и прагматических факторов.

Список литературы

1. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 2002. 502 с.
2. Друкер П. Задачи менеджмента XXI века. М., 2004. 236 с.
3. Кристенсен К., Оллворт Дж., Диллон К. Как ты изменишь свою жизнь? М., 2012. 278 с.
4. Аксеновская Л. Н. Орднерная концепция организационной культуры : вопросы методологии. Саратов, 2005. 368 с.
5. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. 218 с.
6. Смелянский А. М. Предлагаемые обстоятельства. URL: http://sergeyelkin.blogspot.ru/2012/01/blog-post_09.html (дата обращения: 12.03.2013).

The Organizational Culture of a Theater as a Subject of a Social-Psychological Research

E. V. Raykova-Mertz

Saratov State University,
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: ekaterina.raykova2011@gmail.com

The article analyzes the specificity of studying organizational culture of a theater through social-psychological research approach. The author argues the benefits of an order approach appliance in a study of a theatrical organization. As a methodological basis of order approach A. Schweitzer and P. Kozlowski's works are considered. Order approach is based on identification of indissoluble communications between economy and ethics and leans on the following postulates: ethical conditionality of economy; economic conditionality of ethics; theory of combination of the ethical and economic benefit. Specifics of theater as the organizations is replacement of quantitative indices (success at the audience) that forces the head to address to new ways of social and psychological stimulation. Efficiency of order approach consists in use of ethical motivation as a way of increase of solidarity and enthusiasm in theatrical collective.

Key words: theater, order approach, ethics, management, organizational culture.

References

1. Schweitzer A. Ehrfurcht vor den Tieren – ein Lesebuch. München, 2006. 584 с. (Russ. ed.: Schweitzer A. *Blagovoeniye pered zhiznyu* (Awe of life). Moscow, 2002. 502 p.).
2. Drucker P.F. *Management Challenges for 21st Century*. N.Y., 2001, 224 p. (Russ. ed.: Druker P. *Zadachi menedzhmenta XXI veka*. Moscow, 2004. 236 p.)
3. Christensen K., Ollwort D., Dillon C. How you will change the life? Harvard, 2002. 245 p. (Russ. ed.: Kris-
4. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* (Order concept of organizational culture: methodology questions). Saratov, 2005. 368 p.
5. Koslowski P. *Die Postmodern Kultur* (The postmodern culture). München, 1987. 227 s. (Russ. ed.: Kozlovski P. *Kultura postmoderna*. Moscow, 1997. 218 p.).
6. Smelyanskiy A. M. Predlagaemye obstoyatelstva (Offered circumstances), available at: http://sergeyelkin.blogspot.ru/2012/01/blog-post_09.html

УДК 159.9 + 316.624.3

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Н. М. Романова

Романова Наталия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

В статье обосновывается необходимость выявления социально-психологических механизмов вовлечения личности в криминальную деятельность в условиях анонимного российского общества; выделены факторы расширения областей криминальной самореализации личности в анонимном обществе; описаны основные направления психологического исследования личности преступника; выделены способы вовлечения в криминальную деятельность (индивидуальный, групповой); описаны проявления модификации современной криминальной субкультуры (сочетание криминальных и индивидуалистических ценностей, формирование специфической организационной культуры, «переплетение» законных и криминальных видов деятельности, включенность в социум); представлены определения понятий «вовлечение в криминальную деятельность», «самововлечение в криминальную деятельность»; раскрыты компоненты социально-психологического механизма вовлечения личности в криминальную деятельность (генезис, процесс, результат, факторы и детерминанты).

Ключевые слова: вовлечение, криминальная деятельность, анонимия, самововлечение, криминальная субкультура.

Преступность – одна из наиболее актуальных международных проблем. Значимость её разрешения для мирового сообщества особенно возросла после Второй мировой войны. Это связано с увеличением темпов роста мировой преступности и расширением её масштабов, процессами её глобализации, интеллектуализации, профессионализации, возрастанием доли тяжких преступлений, размахом организованной преступности и сращиванием органов власти и криминальных структур, ростом безнаказанности преступников [1, 2].

По данным ООН, в конце XX в. темпы роста преступности в 3–5 раз выше, чем темпы роста численности населения; прирост преступности в мире составляет в среднем 5% в год [3].

По данным ICPS, количество заключенных в России на 100000 жителей составило 487 чел., а общее их количество – 697800 чел. (данные на 1 марта 2013 г.) [4].

Масштабы и структурные изменения современной преступности ставят на повестку дня проблему её активного и глубокого научного изучения. Интенсивные социальные трансформации, происходящие в современном российском обществе, приводят к изменению ценностей в общественном и индивидуальном сознании, внедрению идеалов общества потребления, разрушению старых норм и традиций и дискредитации новых. Продолжают действовать традиционные и появляются новые, характерные для современного постиндустриального общества, источники формирования девиантного и криминального поведения личности, способы и механизмы приобщения членов общества (прежде всего, молодежи) к а- и антисоциальным формам поведения. Таким образом, в условиях социальной дезорганизации (аномии), наблюдающейся в современном российском обществе, расширяется поле девиантной и криминальной самореализации личности.

Интенсивная динамика социальных трансформаций, сопряженная с изменением системы общественных ценностей, расширением сферы влияния источников негативной социализации на личность в современном обществе, появлением новых возможностей построения жизненных смыслов личности в условиях глобальных перемен, имеет следствием расширение зоны действия криминальных практик, изменение мотивирующих оснований криминального поведения, вовлечение в преступную деятельность самых разных слоев населения: к криминальной деятельности приобщаются личности с различными психологическими, социальными и правовыми характеристиками, увеличивается количество различных видов асоциальных и криминальных групп.

Социальные трансформации неизбежно порождают как трансформацию преступности в целом, так и преступного поведения отдельной личности в частности. Индивидуальные траектории приобщения личности к криминальной деятельности в настоящее время характеризуются многообразием возможностей криминальной самореализации. В связи с этим важно направить исследовательский поиск на анализ новых, характерных для трансформирующегося социума детерминант приобщения личности к криминальным ценностям и вовлечения ее в криминальную деятельность.

Последствия вовлечения личности в преступную деятельность часто трагичны и необратимы для нее (криминальная идентификация, риск рецидива в 70% случаев, разрушенная судьба, социальное дистанцирование общества от преступника).

В условиях масштабных социальных перемен в глобализирующемся мире существующие теории преступного поведения (криминологические, социологические, социально-психологические, медицинские и др.) быстро становятся неакту-

альными. Это связано, в том числе, с влиянием следующих факторов:

1) изменением и исчезновением одних социальных детерминант, значимых с точки зрения формирования криминального поведения, и появлением, расширением зоны действия других;

2) использованием представителями криминального мира в собственных целях фактора интенсивных социальных изменений: а) приспособлением социальных и социально-психологических условий, явлений и обстоятельств (недоработки законодательства, «слабые места» функционирования социальной системы, неудовлетворенные потребности и ожидания людей); б) намеренным созданием условий для расширения сфер криминальной самореализации отдельных преступников и преступных групп.

Совместное действие внешних и внутренних факторов расширения областей криминальной самореализации личности в современном обществе объясняет все более интенсивное вовлечение в криминальную деятельность представителей различных социальных групп (несовершеннолетних и молодежи, женщин, высокоспециализированных профессионалов и интеллектуалов).

В связи с этим остро стоит проблема научного поиска социально-психологических механизмов вовлечения личности в криминальную деятельность. Проблема вовлечения личности в криминальную деятельность является недостаточно изученной в науке в целом и в психологии в частности. В психологическом и междисциплинарном знании закрепились следующие традиционные направления изучения криминального поведения личности: механизм преступного поведения личности раскрыт в работах Г. А. Аванесова [5], М. П. Клейменова [6], А. Р. Ратинова [7]; мотивация криминального поведения представлена в работах Ю. М. Антоняна [8], К. Е. Игошева [9]. В работах Л. В. Алексеевой [10], Ю. М. Антоняна [11], В. Ф. Пирожкова [12], М. И. Еникеева [13], А. Ф. Лазурского [14], А. Н. Пастушени [15], С. В. Позднышева [16] раскрыты качества личности преступника. Типологии преступников разработаны и описаны в трудах А. Ф. Зелинского [17], А. Г. Ковалева [18], А. М. Яковлева [19]. Соотношение биологического, психологического и социального в личности преступника представлено в коллективной работе Н. П. Дубинина, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева [20]. Детерминанты агрессии, насилия и жестокости субъекта преступного деяния раскрыты в работах Л. А. Волошиной [21], С. Н. Ениколопова [22], О. Ю. Михайловой [23], А. Р. Ратинова [24], Ф. С. Сафуанова [25], О. Д. Ситковской [26]. Ю. М. Антонян и Е. Г. Самовичев [11] рассматривают криминальное поведение как форму компенсации и защиты, в основе которой лежит сформированный неадаптивный стиль реагирования, С. А. Беличева [27] связывает криминальное поведение с семейным не-

благополучием. В настоящее время криминологи указывают на факт интенсивной криминализации современного российского общества и активной криминализации общественных отношений в глобальном мире [28, 29].

Имеющиеся подходы, объясняющие криминальное поведение, классифицируют последнее в аспекте ситуационизма – диспозиционизма. В первом случае его детерминанты лежат в плоскости внешних факторов и внешних воздействий. При диспозиционистском подходе ответственность за совершенное деяние приписывается самому субъекту. В работах Г. А. Аванесова [5], Ю. М. Антояна [11], И. П. Башкатова [30] подчеркивается роль такого фактора, как социально-педагогическая и психологическая запущенность личности в этиологии девиантного и криминального поведения.

Между тем объективные реалии современной жизни представляют гораздо более широкую составляющую субъектов преступного поведения, в том числе демонстрирующих социализированные формы поведения, внешнюю презентабельность, образованность. Это особый тип личности преступника, ориентированный на социокультурные нормы законопослушного общества, с одной стороны, и нормы криминального мира – с другой. Характеристики преступника такого типа преимущественно представлены в криминологических исследованиях. Социально-психологический портрет этой личности и социально-психологические факторы его криминализации до настоящего времени остаются нераскрытыми, но социально-психологические механизмы приобщения данного типа личности к криминальному поведению имеют свою специфику, отличную от особенностей вовлечения в криминальную деятельность общеуголовного преступника.

Представленные в литературе традиционные модели приобщения личности к криминальной деятельности обращают внимание в основном на недостатки социализации, семейное неблагополучие, проблемы социального и медико-психологического характера. Однако такие модели показывают свою ограниченность в условиях аномичного общества, характеризующегося масштабной динамикой социальных трансформаций. В аномичном обществе следствием быстрых и интенсивных изменений является утрата, разрушение и дестабилизации нормативных систем, теряющих свою регулятивную функцию, в нем происходит ослабление нормативного контроля, снижение значимости морали и права. Рост количества преступлений сопровождается активным проникновением, распространением и внедрением криминальной субкультуры и криминальных ценностей в социальную структуру общества. Вовлечение в криминальную деятельность происходит путем идентификации личности с криминальными ценностями и криминальной субкультурой. В условиях трансформации и модификации

последней изменяются и траектории приобщения личности к криминальной деятельности. Их исследование – важнейшая задача современного этапа развития нашего общества.

Понятие «вовлечение личности в криминальную деятельность» понимается нами как приобщение субъекта к криминальной деятельности, побуждение заняться ею, возникающее под воздействием совокупности детерминант. Понятие «вовлечение» применительно к психологическим исследованиям используется в основном в работах по психологии религии, при рассмотрении процесса вовлечения личности в секты и тоталитарные группы. В области права это понятие используется применительно к действиям преступника в отношении несовершеннолетних (вовлечение в занятие проституцией, вовлечение несовершеннолетних в преступление). В то же время понятие «вовлечение в криминальную деятельность» может быть использовано и в более широком контексте – для объяснения приобщения личности к криминальному поведению.

В современном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой термин «вовлекаться» означает: 1) начинать принимать участие в чем-либо под влиянием убеждения, следуя чьему-либо примеру и т.п. Термин «вовлекать» означает: 1а) втаскивать что-либо, вводить силою кого-либо куда-либо; 1б) втягивать, уносить с собою силою собственного движения, течением и т.п.; увлекать; 2а) побуждать к чему-либо, привлекать кого-либо к участию в чем-либо; 2б) использовать что-либо в работе, производстве и т.п. [31]. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой термин «вовлечь» означает «побудить, привлечь к участию в чем-нибудь» [32].

Социально-психологический механизм вовлечения личности в криминальную деятельность мы рассматриваем как сложное системное образование, формирующееся в процессе жизнедеятельности личности. Компоненты данного механизма включают, по нашему мнению, следующие параметры: а) генезис вовлечения личности в криминальную деятельность (история формирования криминального поведения личности); б) вовлечение личности в криминальную деятельность как процесс (динамика, скорость, наличие либо отсутствие когнитивного диссонанса); в) вовлечение личности в криминальную деятельность как результат (глубина, интенсивность, выраженность, устойчивость, обратимость); г) детерминанты вовлечения (социально-психологические, гендерные, возрастные, индивидуально-психологические и др.); д) факторы вовлечения: 1) внешние, средовые; 2) внутренние, индивидуальные.

Природа процесса вовлечения рассматривается нами как реализуемая с помощью как сознательных, так и малоосознаваемых психологических механизмов. Механизм вовлечения личности в криминальную деятельность представляет собой совокупность компонентов, явлений

и процессов (объективных, субъективных, статических, динамических, внешних, внутренних).

В основе формирования психологического механизма вовлечения личности в преступную деятельность лежат процессы асоциализации и десоциализации. Под асоциализацией понимается процесс усвоения личностью антиобщественных, антисоциальных норм, ценностей, негативных ролей, установок, стереотипов поведения. В процессе асоциализации закрепляются а- и анти-социальные образцы, общепринятые нормы поведения отвергаются, этот процесс может иметь как стихийный, так и целенаправленный характер. Десоциализация – это деформация личности на определенной стадии её нормальной социализации под стихийным или целенаправленным влиянием отрицательной микросреды (дворовой компании сверстников, преступной группы) [33]. Следствием десоциализации является разрушение у личности старых норм и ценностей и усвоение новых, антиобщественных, в результате десоциализации личность разрушает лишь некоторые свои связи с обществом. Асоциализация происходит по преимуществу в детстве и юности, десоциализация может происходить и в зрелом возрасте.

В ходе асоциализации и десоциализации отклоняющиеся стандарты поведения превращаются для личности во внутреннюю норму, потребность, привычку поступать в соответствии с ними. Следствием процесса вовлечения становится рассмотрение личностью криминальной деятельности как возможной, приемлемой, привлекательной; данный процесс может быть как относительно коротким, так и длинным. Способы вовлечения бывают как индивидуальные, так и групповые. В первом случае сама вовлекаемая личность является как субъектом, так и объектом вовлечения (самововлечение). Во втором случае это происходит в рамках социального взаимодействия вовлекаемой личности и группы, при этом группа выступает субъектом, а личность – объектом вовлечения.

Традиционно вовлечение в какую либо деятельность или действие понимается как результат воздействия на личность других людей или групп, однако и сама личность может вследствие пересмотра своих жизненных ориентиров, целей и идеалов сформировать в себе криминальную установку и готовность совершить преступление. При самововлечении основной фактор вовлечения – внутренний. При этом криминальная деятельность начинает рассматриваться личностью как привлекательная для нее, удовлетворяющая какую-либо из её потребностей. Причины формирования такого модуса поведения: а) личностные особенности и сформировавшаяся у преступника система отношений, идеалов и ценностей; б) результат разрешения личностью внутреннего конфликта, связанного с возможностью и допустимостью совершения криминального действия.

При вовлечении личности в криминальную деятельность в условиях группы фактор вовлечения – внешнесредовой. Социально-психологическим механизмом вовлечения выступает криминальная субкультура, нормы которой присваивает себе личность. Распространенность ценностей криминального мира в структуре законопослушного общества привела к модификации традиционной криминальной субкультуры. Эта модификация заключается в следующем: а) социальной мимикрии, приспособлении к изменяющимся социальным реалиям; б) сочетании криминальных ценностей с ценностями индивидуалистическими и культурой конкуренции; в) формировании специфической организационной культуры, отвечающей потребностям различающихся криминальных видов деятельности; д) направленности деятельности на включение в социальную жизнь общества («внутри» социального «организма»).

Современная криминальная субкультура отличается неоднородностью и зависит от особенностей преступной группы. В связи с этим социально-психологический механизм и характер вовлечения личности в преступную деятельность зависят и от специфических особенностей субкультуры криминальной группы.

В настоящее время разновидности криминальной субкультуры довольно широко представлены в структуре законопослушного общества: их содержание представляет собой сплав криминальных ценностей и внешне приемлемых, социализированных форм поведения. Благодаря этому возникают новые социально-психологические механизмы приобщения к криминальной деятельности, когда втягивание неустойчивой, конформной личности в преступную деятельность происходит постепенно, иногда незаметно для нее самой.

Таким образом, социальные реалии российского общества, связанные с трансформацией современной преступности, определяют направленность научного поиска на выявление, анализ и классификацию социально-психологических механизмов вовлечения личности в криминальную деятельность, исследование вновь появляющихся, характерных для трансформирующегося социума, детерминант её приобщения к криминальным ценностям, создание объяснительной концепции феномена расширения социальной базы преступности за счет появления новых социально-психологических оснований вовлечения личности в криминальную деятельность в анонимном российском обществе.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в анонимном российском обществе» № 13-06-00491.

Список литературы

1. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д, 2002. 480 с.
2. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. 272 с.
3. Лунеев В. В. Преступность в XXI веке (Методология прогноза) // Социс. 1996, № 7. С. 93–106.
4. World Prison Brief – Russia. URL: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_stats.php? (дата обращения: 12.03.2013).
5. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление : учеб. пособие. Горький, 1975. 423 с.
6. Клейменов М. П. Криминология : учеб. для вузов. М., 2008. 448 с.
7. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. 352 с.
8. Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 14–18.
9. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. 168 с.
10. Алексеева Л. В. Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень, 2004. 520 с.
11. Антонян Ю. М., Самовичев Е. Г. Неблагополучное формирование личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений. Психологические механизмы насильственного преступного поведения : учеб. пособие. М., 1983. 80 с.
12. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2012. 704 с.
13. Еникеев М. И. Юридическая психология : учеб. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 336 с.
14. Лазурский А. Классификация личностей. Пг., 1921.
15. Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника. Методология познания и психологическая концепция. Минск, 1998. 207 с.
16. Позднышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. М., 2007. 320 с.
17. Зелинский А. Ф. Криминальная психология : науч.-практ. изд. Киев, 1999. 240 с.
18. Ковалев А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., 1968. 136 с.
19. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971. 248 с.
20. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1989. 351 с.
21. Волошина Л. А. Генезис агрессивного-насильственного преступлений // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование. М., 2005. С. 15–40.
22. Ениколопов С. Н. Агрессивность как специфическая форма активности и возможности ее исследования на контингенте преступников // Психологическое изучение личности преступника. М., 2006. С. 83–114.
23. Михайлова О. Ю. Психологические механизмы криминальной сексуальной агрессии : дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 2001. 405 с.
24. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 2005. С. 44–62.
25. Сафуанов Ф. С. Психология криминальной агрессии. Москва. 2003. 300 с.
26. Ситковская О. Д. Мотивация агрессивного поведения несовершеннолетних преступников // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование. М., 1990. С. 88–98.
27. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М., 1993. 224 с.
28. Михайлов А. П. Ювенальная делинквентность в условиях социальной трансформации России : социокультурный анализ : дис. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д, 2006. 334 с.
29. Лунеев В. В. Криминализация в глобализирующемся мире. URL: igpran.ru : Ин. гос-ва и права РАН: <http://igpran.ru/articles/2982/> (дата обращения: 12.03.2013).
30. Башкатов И. П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М., 2000. 336 с.
31. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 1. А–Л. М., 2006. 1168 с.
32. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.
33. Социальная психология : учеб. пособие для вузов / ред. А. Н. Сухов, А. А. Деркач. М., 2001. 600 с.

Involvement of the Personality in Criminal Activity: to the Problem Statement

N. M. Romanova

Saratov State University,
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

Need of identification of social and psychological mechanisms of involvement of the personality locates in article in criminal activity in the conditions of anomichny Russian society; factors of expansion of areas of criminal self-realization of the personality in anomichny society are allocated; the main directions of psychological research of the identity of the criminal are described; ways of involvement in criminal activity (individual, group) are allocated; manifestations of modification of modern criminal subculture (a combination of criminal and individualistic values, formation of specific organizational culture, «interlacing» of lawful and criminal kinds of activity, an inclusiveness in society) are described; definitions of the concepts «involvement in criminal activity», «self-involvement in criminal activity» are presented; components of the social and psychological mechanism of involvement of the personality in criminal activity (genesis, process, result, factors and determinants) are opened.

Key words: involvement, criminal activity, anomaly, self-involvement, criminal subculture.

References

1. Kasyanov V. V., Nechipurenko V. N. *Sotsiologiya prava* (The sociology of right). Rostov-on-Don, 2002. 480 p.
2. Luneev V. V. *Epokha globalizatsii i prestupnost* (Era of globalization and crime). Moscow, 2007. 272 p.
3. Luneev V.V. *Prestupnost v XXI veke (Metodologiya prognoza)* (Crime in the XXI Century {Methodology forecast}). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological research), 1996, no. 7, pp. 93–106.
4. World Prison Brief – Russia [Electronic Resource], available at: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_stats.php
5. Avanesov G. A. *Kriminologiya. Prognostika. Upravlenie: ucheb. posobie* (Prognostics. Management: studies grant). Gorkiy, 1975. 423 p.
6. Kleimenov M.P. *Kriminologiya: Ucheb. dlya vuzov* (Kriminology: The textbook for higher education institutions). Moscow, 2009. 448 p.
7. Ratinov A. R. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley* (Judicial psychology for investigators). Moscow, 2001. 352 p.
8. Antonyan Yu. M. *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* (Motivation of criminal behavior). *Yuridicheskaya psikhologiya* (Legal psychology), 2006. no.1, pp. 14–18.
9. Igoshev K. E. *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* (Typology of the identity of the criminal and motivation of criminal behavior). Gorkiy, 1974. 168 p.
10. Alekseeva L. V. *Psikhologiya subekta i subekta prestupleniya (Psychology of the subject and subject of a crime)*. Tyumen, 2004. 520 p.
11. Antonyan Yu. M., Samovichev E. G. *Neblagopriyatnyye usloviya formirovaniya lichnosti v detstve i voprosy preduprezhdeniya prestupleniy. Psikhologicheskiye mekhanizmy nasilstvennogo prestupnogo povedeniya: ucheb. posobiye (Adverse conditions of formation of the personality in the childhood and questions of the prevention of crimes. Psychological mechanisms of violent criminal behavior: handbook)*. Moscow, 1983. 80 p.
12. Pirozhkov V.F. *Kriminalnaya psikhologiya* (Criminal psychology). Moscow, 2012. 704 p.
13. Enikeev M. I. *Yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. 10-e izd., pererab. i dop.* (Legal psychology: handbook; 10th ed. processed and added). Moscow, 2010. 336 p.
14. Lazurskiy A. *Klassifikatsiya lichnostei* (Klassifikation of persons). Petrograd, 1921. 401 p.
15. Pastushenya A. N. *Kriminogennaya sushchnost lichnosti prestupnika. Metodologiya poznaniya i psikhologicheskaya kontseptsiya* (Criminogenic essence of the identity of the criminal: Methodology of knowledge and psychological concept). Minsk, 1998. 207 p.
16. Poznyshhev S.V. *Kriminalnaya psikhologiya. Prestupnye tipy* (Criminal psychology. Criminal types), Moscow, 2007. 320 p.
17. Zelinskiy A. F. *Kriminalnaya psikhologiya. Prestupnye tipy: nauchno-prakticheskoe izdanie* (Criminal psychology: scientific and practical edition). Kiev, 1999. 240 p.
18. Kovalev A. G. *Psikhologicheskiye osnovy ispravleniya pravonarushitelya* (Psychological bases of correction of the offender). Moscow, 1968. 136 p.
19. Yakovlev A. M. *Prestupnost i sotsialnaya psikhologiya. Sotsialno-psikhologicheskiye zakonomernosti protivopravnogo povedeniya* (Crime and social psychology. Social and psychological regularities of illegal behavior). Moscow, 1971. 248 p.
20. Dubinin N. P., Karpets I. I., Kudryavtsev V. N. *Genetika, povedenie, otvetstvennost. O prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya. 2-e izd., pererab. i dop.* (Crime and social psychology. About the nature of antisocial conducts and ways of their prevention. 2nd ed. processed and added). Moscow, 1989. 351 p.
21. Voloshina L. A. *Genezis agressivno-nasilstvennykh prestuplenii. Genesis of aggressive violent crimes. Nasilie, agressiya, zhestokost. Kriminalno-psikhologicheskoe issledovanie.* (Violence, aggression, cruelty. Criminal and psychological research). Moscow, 2005, pp. 15–40.
22. Enikolopov S. N. *Agressivnost kak spetsificheskaya forma aktivnosti i vozmozhnosti ee issledovaniya na kontingente prestupnikov* (Agressivnost as a specific form of activity and possibility of its research on the contingent of criminals). *Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika* (Psychological studying of the identity of the criminal). Moscow, 1976, pp. 83–114.
23. Mikhailova O. Yu. *Psikhologicheskiye mekhanizmy kriminalnoi seksualnoi agressii: dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Psychological mechanisms of criminal sexual aggression: dissertation of the doctor of psychology). Rostov-on-Don, 2001. 405 p.
24. Ratinov A. R., Efremova G. Kh. *Psikhologicheskaya zashchita i samoopravdanie v genezise prestupnogo povedeniya* (Psychological protection and self-justification in genesis of criminal behavior). *Lichnost prestupnika kak obekt psikhologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* (Identity of the criminal as object of psychological research). Moscow, 1979, pp. 44–62.
25. Safuanov F. S. *Psikhologiya kriminalnoy agressii* (Psychology of criminal aggression). Moscow, 2003. 300 p.
26. Sitkovskaya O. D. *Motivatsiya agressivnogo povedeniya nesovershennoletnikh prestupnikov* (Motivation of aggressive behavior of juvenile offenders). *Nasilie, agressiya, zhestokost. Kriminalno-psikhologicheskoye issledovaniye* (Violence, aggression, cruelty. Criminal and psychological research). Moscow, 1990, pp. 88–98.
27. Belicheva S. A. *Osnovy preventivnoi psikhologii* (Bases of preventive psychology). Moscow, 1994. 224 p.
28. Mikhailov A. P. *Yuvenalnaya delinkventnost v usloviyakh sotsialnoy tranzitsii Rossii: sotsiokulturniy analiz: diss. ... d-ra sociol. nauk* (Uvenile delinkventnost in the conditions of social transition of Russia: sociocultural analysis: dissertation of doctor of sociological sciences). Rostov-on-Don, 2006. 334 p.
29. Luneev V. V. *Kriminalizatsiya v globaliziruyushchemsya mire (Criminalization in the being globalized world)*, available at: igpran.ru: ISL.RAS. <http://igpran.ru/articles/2982/>
30. Bashkatov I. P. *Psikhologiya neformalnykh podrostkovomolodezhnykh grupp* (Psychology of informal teenage and youth groups). Moscow, 2000. 336 p.
31. Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka: in 3 t. T. 1. A–L.* (Modern explanatory dictionary of Russian: in 3 vol. Vol. 1. A–L.) Moscow, 2006. 1168 p.

32. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd., dopolnennoe (Explanatory Dictionary of Russian Language: 80 000 words and phraseological

expressions. 4th ed., supplemented). Moscow, 1999. 944 p.

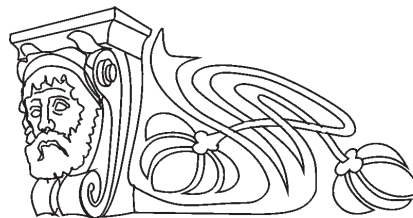
33. *Sotsialnaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* (Social psychology: a manual for higher education institutions). Ed. A. N. Sukhov, A. A. Derkach. Moscow, 2001. 600 p.

УДК 159.95

САМООТНОШЕНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Л. Е. Тарасова

Тарасова Людмила Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии образования, Саратовский государственный университет
E-mail: let01@mail.ru

Цель исследования – выявление психологических аспектов становления самооотношения как компонента субъективного благополучия личности студенческой молодежи; тема – выявление специфики самооотношения людей, сформировавшихся в различных национально-психологических, социально-политических и экономических условиях, а предмет – самооотношение как детерминанта субъективного благополучия этнических русских и казахов. Для диагностики субъективного благополучия применялась методика «Шкала субъективного благополучия», адаптированная М. В. Соколовой. Самоотношение исследовалось с помощью методики МИС («Методика исследования самооотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантелеева). Анализ общих характеристик самооотношения показал, что в целом для представителей как русского, так и казахского этноса характерно развитие позитивного самооотношения, но имеются некоторые специфические особенности самооотношения у представителей разных этнических групп. Знания о мире, о себе, жизни и деятельности, их соотношение и оценка, отношение к ним, к самому себе и отражение внешней оценки своей личности другими позволяют диагностировать наличие или отсутствие субъективного благополучия и степень удовлетворенности личности жизнью, общением, собой, социальными контактами.

Ключевые слова: субъективное благополучие, удовлетворенность, самооотношение, самосознание.

Одним из маркеров, позволяющих делать вывод об удовлетворенности человека жизнью в целом, самим собой, характером отношений с окружающими людьми, является термин «благополучие», который предполагает эмоциональную оценку отношения личности к своей жизни во всех ее проявлениях в самом широком смысле. Переживание чувства благополучия весьма значимо для каждого человека и занимает центральное место во всем субъективном мире личности. Кэрл Д. Рифф предложила изучать психологическое благополучие на основе шести факторов: принятия себя, позитивного отношения к другим, независимости, контроля над обстоятельствами, наличия цели в жизни и личностного роста.

Идеологами позитивной психологии предложен термин *subjective well-being* – субъективное благополучие, которое складывается из *удовлет-*

воренности жизнью, т.е. оценки человеком его собственной жизни, и *аффекта* – положительных и отрицательных эмоций, связанных с повседневной жизнью [1]. Большинство исследователей субъективного благополучия (М. Аргайл, А. В. Воронина, М. В. Соколова, Л. В. Куликов, Р. М. Шамионов и др.) сходятся на том, что одним из базовых оснований удовлетворенности жизнью являются эмоционально-оценочные отношения к различным сторонам действительности, жизни и деятельности личности. Так, Р.М. Шамионов рассматривает субъективное благополучие как понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим для него важное значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде, и характеризующееся ощущением удовлетворенности [2].

Важным аспектом субъективного благополучия является эмоциональный комфорт, включающий в себя характер переживаний, субъективное отношение к собственной жизни, психоэмоциональный фон отношений. При этом особо отмечается роль такого эмоционального компонента сознания, как самооотношение. В «Словаре конфликтолога» [3] самооотношение определяется как проявление специфики отношения личности к собственному «Я». Строение самооотношения может включать: самоуважение, симпатию, самопринятие, любовь к себе, чувство расположения, самооценку, самоуверенность, самоунижение, самообвинение, недовольство собой и т. д.

В психологической литературе самосознание рассматривается в единстве трех сторон: когнитивной – самопознание; эмоционально-ценностной – самооотношение и действенно-волевой – саморегуляция (И. И. Чеснокова) [4]. Отношение личности к себе как аффективная составляющая самосознания чаще всего возникает в силу того, что его когнитивная составляющая не воспринимается человеком безразлично. Наиболее распространенным понятием, с помощью

которого описывается эмоциональный компонент самосознания, является термин «эмоционально-ценностное самоотношение», теоретические основы понимания которого как компонента самосознания были заложены И. И. Чесноковой, определившей понятие «эмоционально-ценностное самоотношение» как специфический вид эмоционального переживания, в котором отражается собственное отношение личности к тому, что она узнает, понимает, «открывает» относительно самой себя. Переживание при этом понимается как внутренняя динамическая основа, способ существования самоотношения, через который человек осознает ценностный смысл собственных отношений к себе. Оно может протекать как в форме непосредственной эмоциональной реакции, так и в «инактуальной форме» (П. М. Якобсон), «когда живая эмоциональная реакция отсутствует и заменяется оценочным суждением, за которым стоит в данный момент не актуализированное устойчивое чувство, а свернутая, в определенное время непосредственно пережитая эмоциональная реакция» (4, с. 117).

Проблема формирования и развития самоотношения и его связи с субъективным благополучием особенно актуальна в юношеском возрасте. С одной стороны, в этот период одним из главных условий формирования личности является высокий уровень рефлексии, осознание жизненного опыта и произвольное поведение (Р. Бернс, Ш. А. Надирашвили, С. Р. Пантелеев, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин, Н. И. Сарджвеладзе, Д. И. Фельдштейн и многие другие). С другой стороны, именно в этот период к личности предъявляются довольно высокие требования, диктуемые особой социальной ситуацией ее жизнедеятельности. Становится необходимым определение в отношении к миру в целом, к социуму, ориентация на цели и средства их достижения в будущем. Молодые люди должны определиться, кто они, к чему стремятся и как можно эти стремления осуществить, как они относятся к самим себе, поскольку от самоотношения человека во многом зависит отношение к окружающим и их отношение к нему.

Для любого человека желательным наличием устойчиво позитивного самоотношения, не исключающего обоснованной самокритики и способствующего постоянному самосовершенствованию личности, что соответствует актуальным потребностям юношеского возраста, позволяет успешно адаптироваться к новым условиям жизни и деятельности, включаться в образовательный процесс, протекающий в условиях поликультурности [5]. Позитивное отношение к себе позволяет адекватно преодолевать жизненные трудности, определяет особенности проявлений личности, является основой формирования позиции юношества во всех других отношениях, выполняет

регулирующую функцию, представляя собой механизм внутреннего контроля личности. Именно поэтому недостаточное внимание к проблемам эмоционального благополучия на данном этапе становления личности становится фактором риска дезадаптации в более позднем возрасте.

Целью предпринятого нами исследования было выявление психологических аспектов становления самоотношения молодых людей, сформировавшихся в различных национально-психологических, социально-политических и экономических условиях, и его взаимосвязи с субъективным благополучием личности. Участниками исследования стали представители русской и казахской молодежи – 100 студентов различных факультетов Саратовского государственного университета в возрасте 18–23 лет, 50 девушек и 50 юношей. Для диагностики субъективного благополучия применялась методика «Шкала субъективного благополучия», адаптированная М. В. Соколовой. Самоотношение исследовалось с помощью методики МИС («Методика исследования самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантелеева). В результате этого получены данные, позволяющие сделать вывод об общем позитивном самоотношении практически всех респондентов, но можно отметить и специфические особенности в группах: так, значимые различия получены по шкале «принятие и непринятие себя».

В группе этнических казахов (независимо от половой принадлежности) выше показатель принятия себя ($t = 2,14$ при $p < 0,05$), что, вероятно, объясняется развитым этническим самосознанием, когда усвоение традиций, норм и ценностей этноса способствует принятию своих этнических и личностных особенностей через позитивное отношение к своему этносу. В группе русских выше показатель непринятия себя ($t = 2,28$ при $p < 0,05$), что свидетельствует о более критичном отношении к себе, наличии внутриличностных конфликтов.

Ожидание внешнего контроля со стороны окружающих людей в большей степени характерно для русской группы ($t = 2,24$ при $p < 0,05$), хотя в целом развито у представителей русского этноса средне. Предположительно, это связано с более развитыми коллективистскими установками и условиями социализации русских, когда сильный и протяженный во времени внешний контроль является средством достижения общих целей группы и обусловлен культурно-историческими особенностями русского этноса.

Территориальная разреженность казахов, возможно, исторически способствовала развитию самостоятельности и индивидуалистических установок, поэтому ожидание внешнего контроля со стороны других людей не подкреплялось реальной практикой взаимодействия человека с окружающей средой и социумом. Очевидно, ка-

захские юноши раньше, по сравнению с девушками-казашками и своими русскими сверстниками, начинают самостоятельную жизнь автономно от родительской семьи в силу особенностей воспитания, укоренившихся стереотипов отношения к представителям мужского пола в Казахстане. Юноши-казахи могут отстаивать свои ценностные установки, они реже конфликтуют со старшими членами семьи, поскольку родители больше считаются с мнением своих сыновей, нежели дочерей.

Россиянки реже сталкиваются с внешним контролем, обусловленным социальными и культурными стереотипами, присущими обществу, в то время как девушки-казашки более подвержены внешнему контролю и оценкам родителей, мужа, родственников. Но такое подчинение не обретает форму предрешенности, а представляет собой некий способ проявления приверженности традициям, а также уважения, почитания старших, семьи, супруга. Казахские девушки чаще испытывают разочарование от того, что их мировоззрение существенно отличается от мировоззрения родителей, поэтому конфликт «отцов и детей» в казахских семьях более вероятен между родителями и дочерьми, чем между родителями и сыновьями. Вполне возможно, что девушки хотели бы вести другой образ жизни, чем их родители.

Анализ общих характеристик самооотношения показал, что в целом для представителей как русского, так и казахского этноса характерно позитивное самооотношение. Это проявляется в том, что положительные корреляционные взаимосвязи находятся выше середины, в верхней трети своих значений, тогда как отрицательные не поднимаются выше средних значений.

Корреляционный анализ показал, что в группе этнических казахов ($n = 50$) развитие самооотношения опосредуется влиянием самоинтереса ($r = 0,49, p < 0,001$), самоуважения ($r = 0,53, p < 0,001$), аутосимпатией ($0,38, p < 0,01$) и ожиданием положительного отношения других ($0,41, p < 0,01$).

При этом наиболее устойчивые корреляционные связи выявлены между самобвинением и переживанием отношения других на уровне внутренних действий ($0,32, p < 0,05$), саморуководством и ожиданием положительного отношения других ($0,386, p < 0,01$), саморуководством и самопониманием ($0,392, p < 0,01$), ожиданием положительного отношения других и самопринятием ($0,290, p < 0,05$). Вероятно, это обусловлено тем, что как юноши, так и девушки ориентированы на социальное окружение. Это подтверждается результатами исследования удовлетворенности качеством жизни, которое дало результаты высокого уровня самоконтроля (35,3) и потребности в общении с близкими людьми (30,4). В целом можно говорить о довольно высоком уровне интегрированности структуры взаимосвязей компонентов самооотношения в данной группе.

Корреляционный анализ показал, что в группе этнических русских ($n = 50$) модальности самооотношения обладают наиболее тесными связями. Наибольшее число взаимосвязей – 6 – имеет самоинтерес. Он положительно связан с самопониманием ($0,31, p < 0,05$), самопринятием ($0,37, p < 0,01$), саморуководством ($0,43, p < 0,01$), с ожиданием положительного отношения других ($0,402, p < 0,01$), самоинтересом на уровне внутренних действий ($0,56, p < 0,001$), отрицательно связан с самоуважением ($-0,33, p < 0,01$).

Таким образом, можно констатировать, что самоинтерес, т.е. мера близости к самому себе, в частности интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность в своей интересности для других в данной выборке выступает как системообразующее качество, определяющее общий характер развития самооотношения в структуре Я-концепции этнических русских. Наиболее значимыми взаимосвязями являются самооотношение – самоуверенность ($0,312, p < 0,05$) и самооотношение – самоинтерес ($0,341, p < 0,05$), что свидетельствует о повышенном уровне уверенности в себе и самомнении.

Положительная устойчивая взаимосвязь наблюдается и между саморуководством и ожиданием положительного отношения других ($0,29, p < 0,05$). С уверенностью можно утверждать, что стремление к самоизменениям на фоне положительного отношения к себе окружающих людей в совокупности с развитой способностью к саморефлексии говорит о самостоятельности и активности представителей данной выборки.

В целом представителей студенческой молодежи (независимо от этнической принадлежности) устраивает то, какие они есть на данный момент. Они способны к принятию себя, позитивному самооотношению, позволяют себе быть теми, кто они есть, предоставляют себе возможность выбора самого себя. Показатель принятия себя означает готовность поделиться собственными ценностями, с одной стороны, и требование ответственности за свои поступки – с другой, хотя наблюдается снижение показателя шкалы «открытость» и неизменность показателя «внутренняя конфликтность», что проявляется в определенной скованности, повышении критичности и неуверенности в себе и в правильности своих действий. В связи с этим чрезвычайно значимым выступило ожидание положительного отношения других, необходимость эмоционального и морального одобрения и поддержки. Особо важными характеристиками выступают отраженное самооотношение и ориентация на достижения – самоуважение, саморуководство, самопринятие.

Подводя итог, отметим, что детерминантный комплекс субъективного благополучия представляет собой довольно сложный конгломерат вну-

тренних инстанций личности и внешних условий ее существования. Знания о мире, о себе, жизни и деятельности, их соотнесение и оценка, отношение к ним, к самому себе и отражение внешней оценки своей личности другими в той или иной степени определяют субъективное благополучие и степень удовлетворенности личности жизнью, общением, собой, социальными контактами.

Результаты предпринятого исследования убедительно показали, что такой эмоциональный компонент самосознания, как отношение к самому себе занимает одно из центральных мест в структуре субъективного благополучия личности. Высокий уровень субъективного благополучия связан с доминированием положительных эмоциональных состояний над отрицательными, интересом к самому себе, отказом от оценки своей внутренней ценности по внешним достижениям или под влиянием оценок других, высокой фрустрационной толерантностью (предоставление себе и другим права совершать ошибки) и аутентичностью.

Эмоциональный комфорт, принятие себя и других, присущие всем респондентам исследуемых групп независимо от их этнической принадлежности, способствуют развитию субъективного благополучия, оптимистического мировоззрения,

содействуют процессу социализации, выполняя регулирующую функцию, и в большой степени связаны с уровнем реальной самоактуализации студенческой молодежи.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия» (№ 14-06-00026 а).

Список литературы

1. Боннивел И. Ключи к благополучию : что может позитивная психология? М., 2009. 192 с.
2. Шамионов Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237–249.
3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб., 2009. 304 с.
4. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 144 с.
5. Григорьева М. В. К разработке концептуальной модели взаимодействия личности и среды // Мир психологии. 2008. № 1. С. 93–100.

The Self-Relation as the Determinant of Personal's Subjective Well-Being

L. E. Tarasova

Saratov State University,
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: let01@mail.ru

The goal of the study was to identify the psychological aspects of self-relation as component of subjective well-being of personality of students. Theme is identification the specifics of people's self-relations formed in various national-psychological, socio-political and economic conditions; the subject is self-relation as a determinant of subjective well-being of ethnic Russians and Kazakhs. For the diagnosis of subjective well-being method «The scale of subjective well-being» adapted by M. V. Sokolova was applied. The self-relation was investigated with the techniques of MIES («The technique of self-relations research» V. V. Stolin, S. R. Panteleev). Analysis of common characteristics of self-relations has shown that, in general, for both the Russian and Kazakh ethnic group positive development of self-relation is characterized. It was found that there are some specific features of self-relations represents on different ethnic groups. Knowledge about the world, about myself, life and activities, their correlation and evaluation, treatment, to itself and reflection of other external evaluation to diagnose the presence or absence of subjective well-being and satisfaction with personal life, communication, self, social contacts.

Key words: subjective well-being, contentment, self-relation, self-awareness.

References

1. Bonniwel I. *Klyuchi k blagopoluchiyu: chto mozhet pozitivnaya psikhologiya?* (Keys to the well-being: what cans the positive psychology?). Moscow, 2009. 192 p.
2. Shamionov R. M. O nekotorych preobrazovaniyach struktury subyektivnogo blagopoluchiya lichnosti v raznykh usloviyakh professionalnoy sotsializatsii (On some transformations of personality's subjective well-being structure in different conditions of professional socialization). *Mir psikhologii* (World of Psychology). 2010, no. 1, pp. 237–249.
3. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Slovar konfliktologa* (Dictionary for conflictologist). St. Petersburg, 2009. 304 p.
4. Chesnokova I. I. *Problema samosoznaniya v psikhologii* (The problem of identity in psychology). Moscow, 1977. 144 p.
5. Grigorieva M. V. K razrabotke kontseptualnoy modeli vzaimodeystviya lichnosti i sredy (To the development of conceptual model of the interaction of a personality and environment). *Mir psikhologii* (World of Psychology). 2008, no. 1, pp. 93–100.

УДК 316.7 (470+571)

ЛАНДШАФТЫ СЧАСТЬЯ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Т. И. Черняева

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: tatcher@yandex.ru

Потребление рассматривается как ключевой процесс современного общества. В терминах социального действия потребление выступает исключительно как институциализированное действие, как социальная практика, в ходе которой может происходить и расходование стоимости, и ее увеличение. Объекты потребления – любые произведенные и нерукотворные природные объекты, наделенные символическим значением. Имидж/бренд/знак актуализируют ценности и запускают мотивацию и поведение. Потребление как массовый культурный феномен стало возможным только в условиях развитой коммуникативной инфраструктуры, продуцирующей лавинообразные процессы, в результате общество потребления смогло не только удовлетворять потребности своих членов, но и формировать новые, возможно, совершенно неожиданные, потребности. Классическая формула рынка «спрос рождает предложение» приобрела прямо противоположный расклад «предложение рождает спрос». Предложение стало символическим капиталом, огромная роль в создании которого была отведена эмоциям. Разработана модель современного потребления, фундаментально связанного с эмоциями. Осмысливаются пути конструирования ландшафтов счастья. Вводится правило «4П», лежащее в основе конструирования ландшафтов счастья: Привлечение (принятие), Понимание, Присвоение, Подключение действия.

Ключевые слова: ландшафт счастья, современное потребление, эмоции.

Потребление как фундаментальный процесс современного общества

И современные, и преществующие общества не могут обойтись без процессов производства и потребления, однако с течением времени меняется их ценностное соотношение. Если раньше социальная жизнь строилась вокруг процессов производства, то теперь доминируют процессы потребления. В условиях огромного разнообразия рыночных предложений и их неочевидных материальных различий потребитель делает выбор в пользу символической ценности, а зачастую и в пользу символических потребностей и причуд [1]. Именно потребитель определяет необходимость тех или иных товаров и услуг, а в конечном счете экономическую эффективность соответствующих предприятий. Борьба за потребителя начинается уже на этапе проектирования нового рыночного продукта. Соответственно, все более востребованными становятся услуги консультантов/организаций /институтов, подсказывающих, как увеличить символическую стоимость производимых продуктов (PR-компании, специалисты

по брендингу, нейромаркетингу, управлению репутацией) или приобретаемых товаров и услуг (шоперы, имиджмейкеры, агенты индустрии гламура, досуга). Отметим особую роль глянцевого журналов в формировании практик и культурных норм потребления. Как утверждает М. Гудова, они преобразуют не только системы повседневных, социально-экономических и идеологических ценностей, но и системы экзистенциальных ценностей. Глянцевые журналы настойчиво воспроизводят идею человеческого счастья как счастья *обладать, иметь*, а его сущности – как потребления [2].

Потребление, с нашей точки зрения, в отличие от личного удовлетворения потребностей, является исключительно *социальным институциализированным действием*, социальной практикой, в ходе которой может происходить и расходование стоимости, и ее увеличение [3, с. 99]. Пища, напитки, вещи в процессе потребления теряют физически полезные свойства, вплоть до своего уничтожения, а антиквариат с каждым годом и новым владельцем может эту стоимость наращивать. Объектами потребления могут быть творения человека и нерукотворные природные объекты: море, песок, ландшафты, чистый горный воздух. Однако для того чтобы стать таковыми, они должны попасть в силовое поле производства желаний. Другими словами, между объектом потребления и самим процессом должен появиться особый смысловой указатель, который бы направлял потребительскую активность. Таким указателем стал имидж/бренд/знак, актуализирующий современную ценность и запускающий мотивацию и поведение. Очевидно, что потребление как массовый культурный феномен стало возможным только в условиях развитой коммуникативной инфраструктуры, поддерживающей комплекс маркетинговых коммуникаций: рекламу, связи с общественностью, пропаганду, стимулирование сбыта и прямые продажи. В результате общество потребления смогло не только удовлетворять потребности своих членов, но и формировать новые, возможно, совершенно неожиданные, потребности. Классическая формула рынка «спрос рождает предложение» приобрела прямо противоположный расклад «предложение рождает спрос». Предложение стало изначально наделаться символическим капиталом, огромная роль в создании которого была отведена эмоциям.

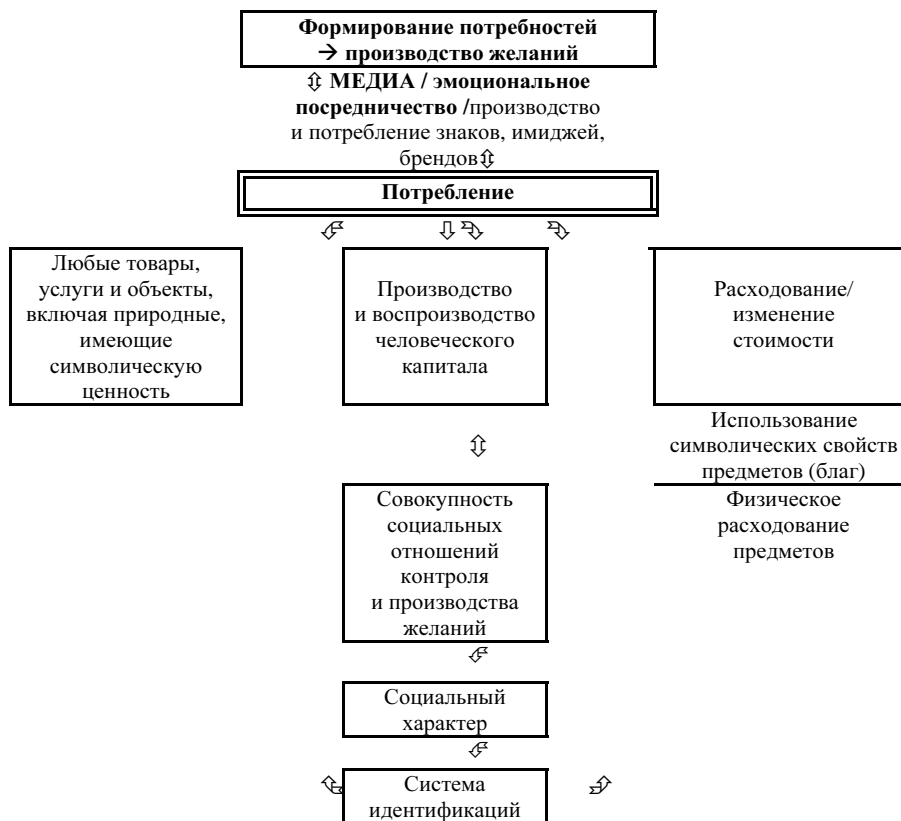

Понимание потребления как социального действия побуждает нас обратиться к функциям и их связям. С точки зрения Н. И. Лапина, социальное действие выполняет четыре основные функции: целеполагания, жизнеобеспечения, идентификации и взаимодействия [4, с. 26]. Целеполагание и жизнеобеспечение связаны рефлексивной осью, а идентификация и взаимодействие – коммуникативной. Еще со времен М. Вебера бытует мнение о приоритете рефлексивной связи: цель – важнейшая характеристика действия. Однако для потребления верно иное: коммуникативные процессы явно доминируют, иногда – за счет уменьшения значимости рациональных составляющих. Коммуникация контекстуально и содержательно определяет функции целеполагания, жизнеобеспечения, идентификации и взаимодействия. Благодаря коммуникации потребление приобретает лавинообразный характер, становясь в ряд с такими социально-экономическими процессами, как биржевые, банковские, валютные паники, рыночный ажиотаж, создание и крушение финансовых пирамид, распространение моды на товары, услуги и новые технологии, в том числе и управленческие. В основе лавинообразных социально-экономических процессов лежит ускоренная трансляция определенного свойства или состояния в коммуникативном пространстве субъектов социально-экономических взаимоотношений. Такое скоростное распространение обеспечивается механизмами социального и психологического заражения, подражания и

внушения, которые, в свою очередь, усиливаются множественностью взаимодействий субъектов и приводят к цепной реакции и разветвленной сети активных субъектов [5].

Лавинообразные процессы порождаются макросоциальными причинами и факторами (изменением объема товарной массы, доходов потребителей, политикой цен на товары, появлением товаров-заменителей, увеличением/уменьшением абсолютного и относительного числа субъектов производства и потребления, динамикой структуры экономических связей, системой налогообложения и социального страхования, так же как и состоянием национальной экономики, фазой ее развития, объемом ВВП, уровнем безработицы и др.). Однако не меньшее значение в возникновении лавинообразных процессов играют вкусы, ожидания, желания потребителей и производителей товаров и услуг. Они отличаются разной степенью целесообразности и осознанности. Следование рекламе или модному тренду вряд ли подчиняется логике рационального выбора, однако здесь срабатывает особая логика потребления, благодаря которой обычный потребитель превращается в трендоида, меняющего ценности, практики потребления и идентификации в зависимости от модного тренда: «сверхновая рациональность проявляет себя не в трудовой этике, а в потребительской эстетике» [6, с. 89].

Рассмотрим обобщенную модель современного потребления (рисунок).

Модель современного потребления

Эмоции: производство и потребление

Многие теоретические работы и практические рекомендации в сфере психологии, неврологии, менеджмента исходят из того, что эмоции влияют на мышление, принятие решений, действия, социальные отношения, благополучие, физическое и психическое здоровье, однако единства в понимании эмоций до сих пор не достигнуто. Важность эмоциональных аспектов социальной жизни совершенно очевидна, разнотипность концептуальных схем и методологических позиций исследователей также налицо. Примечательно, что еще пару десятилетий назад монографические работы, связанные с эмоциями, носили характер довольно редких инициатив.

Только в 2009 г. был создан первый специализированный научный журнал «Emotion Review» – проект международного издательства SAGE и Международного общества исследований эмоций (The International Society for Research on Emotion). В 2010 г. вышла статья К. Изард, которая опросила 34 выдающихся ученых, работающих в сфере эмоций, предложив им ответить на 6 основных вопросов: 1) что такое эмоция? 2) какова основная функция эмоций? 3) что активирует эмоция? 4) каким образом можно эффективно управлять эмоциями? 5) существуют ли быстрые, автоматические и бессознательные связи между эмоциями, познанием и действием? 6) какие еще вопросы требуют исследования и обсуждения?

Полученные отчеты подвергались качественному анализу и проходили дополнительную экспертизу у независимых исследователей. В результате были определены рейтинговые показатели структуры и функций эмоций (от 1 до 10 – таблица) [7].

Структуры и функции эмоций

Структуры и функции	Рейтинг
Структуры	
Нервная система как основание эмоциональных процессов	8.92
Система реагирования	8.61
Переживание или состояние	7.84
Экспрессивное поведение, сигнальная система	6.56
Предрациональная оценка	6.54
Когнитивная интерпретация переживаний	4.79
Функции	
Активирует системы реагирования	8.87
Порождает мотивацию и действия	8.23
Организует, упорядочивает и координирует реакции	7.78
Следит за событиями и оценивает их значимость	7.77
Обеспечивает информацию или смысл	7.35
Способствует отношениям	6.82
Носит социальный характер	6.38
Контролирует реакции	6.22
Порождает достижение или избегание	4.96

Для нас важно подчеркнуть понимание эмоций как предрациональной оценки и их способность порождать желания и действия. Мы полагаем, что все агенты потребления – производители, потребители, посредники – находятся в общих эмоциональных рамках, резонируя и усиливая необходимые эмоции. Для того, чтобы потребитель стал счастливым, надо, чтобы то, что он увидел в рекламе, и то, что получил от продавца, излучало счастье. А для этого счастлив должен быть и тот, кто производит приобретаемый товар или услугу.

Современные исследования производственных процессов показали, что эмоции, которые люди испытывают в процессе работы, определяют истинное качество трудовой жизни и в значительной степени удовлетворенность трудом [8]. Понимание организации как открытой системы породило концепт межличностной лимбической регуляции – механизма передачи и создания общих эмоций, меняющего уровень гормонов, функции сердечно-сосудистой системы, ритм сна и даже характер иммунной защиты у совместно работающих людей [9, с. 22].

Создание и поддержание положительного эмоционального фона у работников становится одной из важнейших задач современного менеджмента, но для этого сам менеджер должен находиться в соответствующем состоянии. Один из теоретиков современного менеджмента М. Кетс де Врис считает, что это не больше ни меньше, как состояние счастья: «Принимая сотрудника на работу, компания заключает с ним не только трудовой договор, но еще и психологический контракт. От того, будет ли человек чувствовать себя счастливым, зависит, отработает он этот контракт или нет <...> если в вашей организации работают счастливые люди, которые улыбаются друг другу, они будут улыбаться и покупателю. Кроме того, счастье создает простор для инноваций» [10, с. 19].

Посредник не остается индифферентным. Чем больше вложено капитала – как экономического, так и символического в производство рекламы или PR до выхода товара на рынок, т.е. чем больше производитель или продавец обеспечены необходимостью формирования соответствующих потребностей, тем более привлекательным станет предложение для потребителя. Здесь используются самые изощренные средства. Недавно появившийся и, кстати, получивший хорошую рекламную раскрутку нейромаркетинг основывается на использовании особенностей восприятия и возникновения эмоций у человека. Как отмечает основатель этого направления А. Трайндл, «у каждого из нас есть определенные эмоции, возбуждающие наши нервные клетки. И очень важно, чтобы в точках продаж мозг покупателя приходил в возбужденное состояние. Иначе товар не будет воспринят как желанный. Нужно воздействовать на органы чувств покупателя,

чтобы он сделал покупку <...> Главная задача маркетинга – сделать покупателя счастливым» [11]. Автор полагает, что приветливость и улыбка продавца значат больше, чем дизайн товара или упаковка. Другими словами, эмоции представляют собой особый капитал, который конвертируется в другие виды капитала: экономический (заработок зависит от продаж, а продажи – от эмоционального интеллекта продавца кроме всех прочих факторов); социальный (включенность в социальные группы, родство, знакомства, неформальная поддержка), культурный (навыки, компетенции, обычаи, престиж, авторитет, вкус).

Ландшафты счастья

Самые успешные корпорации за последние два десятилетия превратились из производителей продукции в производителей брендов с громадными расходами на маркетинг, дизайн, спонсорство, пиар и рекламу. Такие брендовые компании задают «концепции» или «стиль жизни». Они «свободны от тягот реального мира, от производства и хранения продуктов; беспрепятственно укрепляясь, бренды реализуют скорее коллективные галлюцинации, чем товары и услуги» [12, с. 156]. Можем добавить, что бренды создают коллективные переживания и коллективный опыт, стандартизированные по законам рынка.

По К. Кэмпбеллу, революция потребления оказалась тесно увязанной с другими процессами: становлением буржуазии как среднего класса, растущим производством предметов роскоши, увеличением свободного времени, распространением любовных романов. Основными читателями последних были женщины, которые и стали проводниками и социальными заказчицами чувств и чувственности [13]. В настоящее время потребление идет рука об руку с имажинарным гедонизмом, который воплощает в себе грезы, фантазии и воображаемую жизнь, характерные для женской природы, но подхваченные и даже манифестируемые современными мужчинами. Производители и посредники предлагают серийные удовольствия в разнообразных ландшафтах. Ландшафты опыта не только организуются производителями (от маркетологов и проектировщиков до местных предпринимателей), но также отражают специфику спроса со стороны потребителей. Их непрменный атрибут – массивная визуальная атака. Где бы мы не находились, повсюду сталкиваемся с имиджами прекрасных людей обоего пола и всех возрастов, радостно улыбающихся с билбордов, рекламных проспектов, витрин магазинов, телеэкранов и мониторов компьютера. Имиджи еды, предметов роскоши, мест и красивых тел создают общий фон социальных практик.

Конструирование ландшафта опыта в основе своей имеет создание сообщения, которое должно быть соответствующим образом принято, понято и в определенной степени присвоено для того, что-

бы запустить ответные переживания и действия. И здесь начинает работать правило «4П»: Привлечение (принятие), Понимание, Присвоение, Подключение действия, лежащее в основе как организации пространства, так и имиджа. Такая организация определяет, по Дж. Урри, физические (движение), психологические (интерес, внимание, удивление), социальные (покупка, общение, восприятие социальной информации) компоненты действия [14, с. 183–184]. Но как мы отметили выше, потребление предполагает не просто приобретение опыта, а достижение счастья. Анализ рекламных текстов позволил выделить распространенные технологии создания ландшафтов счастья.

Путь 1. Новизна и неожиданность. Ландшафт содержит в себе нечто новое и непрогнозируемое. Ориентировочный рефлекс, независим от нашего сознания, обеспечивает фиксацию взгляда на том, что человек никогда не видел, на контрастных ситуациях, на образах, сменяющих друг друга. У посетителя дух захватывает от новых впечатлений, и это – специфические эмоции, характерные для потребления в целом.

Путь 2. Лабиринты архетипов и отключение повседневности. Ландшафт конструируется таким образом, что его элементы «запускают» архетипическое содержание бессознательного, что мгновенно приковывает внимание. Эти древнейшие, изначальные типы «испокон веку наличные всеобщие образы», по мысли К.-Г. Юнга, соотносятся с мифом, тайным учением, сказкой [15, с. 98–99]. Именно архетипы во многом определяют механизмы организации визуального контроля.

Путь 3. Приманка. Между реальностью и человеком встает посредник, медиа, помогающий принять реальность и выработать свое отношение к ней. Традиционные посредники – печатные издания – вытесняются кино- и видеопродукцией. Все большую роль в формировании восприятия ландшафта начинают играть информационные технологии и интернет-коммуникации. Появление одной и той же или различных версий одного и того же ландшафта в гляцевых журналах, на телевидении, в кино, на специализированных сайтах и в наружной рекламе – стратегия победы производителя над потребителем.

Путь 4. Зрелищность и взаимодействие чувств. Мюзиклы, музыкальные фестивали, концерты на открытом воздухе – сегодня самые привлекательные культурные события. Это акустические и визуальные (зрелищные) представления с большим количеством звука и света, оказывающие исключительное воздействие на аудиторию. Живое присутствие кумиров, артистов и важных персон дает публике ощущение близости с ними, и культура события становится культурой присутствия.

Путь 5. Программирующие нарративы. Сила слова известна с давних времен. Тексты, сопровождающие потребление, будь то рекламный слоган

или высокая поэзия, передающаяся из уст в уста легенда или научная статья, могут стать мощным инструментом социального конструирования ландшафта счастья.

Путь 6. Мифологизация: надежда и риск. Специально написанные или литературно обработанные легенды, как правило, пробуждают надежды на сверхъестественную удачу, выигрыш или экстремальные удовольствия.

Путь 7. Навязанная ценность и жажда настоящего. Призывы посетить, убедиться воочию, приобрести нечто настоящее встраивают ценность товара или услуги в ценностную структуру индивидуального или социального опыта.

Итак, конструирование ландшафтов счастья основывается на идеях связи окружающей среды, образа, действия и нарратива и отражает ценностные основания современного потребления.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 10-06-00574-а «Социальная теория и практики потребления: от расцвета нефтяной экономики через кризис к будущему».

Список литературы

1. Ильин В. И. Потребление как дискурс. СПб., 2008. 446 с.
2. Гудова М. Хронотоп глянцевого журнала как механизм вытеснения советских экзистенциальных структур идентичности и формирования идентичности постсоветского человека. URL: <http://www.culturalresearch.ru/antg> (дата обращения: 20.02.2013).
3. Черняева Т. И., Шаркова Г. Н. Эмоциональный резонанс как фундаментальный процесс общества

потребления // Вестн. Московского ун-та. Сер.18: Социология и политология. 2009. № 4. С. 97–112.

4. Лапин Н. И. Антропосоциальный подход // Журн. социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 3. С. 25–42.
5. Данич В. Н. Моделирование лавинообразных процессов в социально-экономических системах : дис. ... д-ра экон. наук. Луганск, 2006. 364 с.
6. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб., 2008. 176 с.
7. Izard C. The Many Meanings/Aspects of Emotion: Definitions, Functions, Activation and Regulation // *Emotion Review*. 2010. Vol. 2. № 4. P. 364–371.
8. Fisher C. Mood and Emotions while Working : Missing Pieces of Job Satisfaction // *J. of Organizational Behavior*. 2000. № 2. P. 185–202.
9. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство // Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2005. 301 с.
10. Лисицин Д. В России сейчас период менеджерского несчастья // Секрет фирмы. 2007. № 15(198). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/858419> (дата обращения: 05.05.2013).
11. Гендлин В. Труп должен пахнуть трупом // Секрет фирмы. 2007. № 38(221). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/858837> (дата обращения: 11.04.2013).
12. Klein N. No Logo. L., 2000. 380 p.
13. Campbell C. The romantic ethic and the spirit of modern consumerism. L., 1987. 301 p.
14. Покровский Н. Е., Черняева Т. И. Туризм : от социальной теории к практике управления. М., 2008. 424 с.
15. Юнг К.-Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991. URL: <http://philosophy.allru.net/perv12.html> (дата обращения: 02.03.2013).

Landscapes of Happiness: the Emotional Foundations of Modern Consumption

T. I. Chernyaeva

Stolypin Volga Region Institute of Administration Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Ulitsa Sobornaya, 23/25, 410031 Saratov, Russia
E-mail: tatcher@yandex.ru

Consumption is seen as the key process of modern society. In terms of social action consumption is an institutionalized action, a social practice, which can lead both to expenditure value and to its growth. The objects of consumption are manmade and natural objects with symbolic meaning. Image/brand/sign update values and motivation and behavior. Consumption as a mass cultural phenomenon is possible in a developed communication infrastructure, producing avalanche processes. As a result, consumer society is able not only to meet the needs of its members, but also generate new, perhaps, completely unexpected needs. The classical formula has gained the opposite state: «supply creates demand». The supply has become a symbolic capital, a huge role in the creation of which has been given by emotions. The model of contemporary consumerism fundamentally associated with emotions is developed. The ways of designing landscapes of happiness are comprehended. The rule «4A» underlies the design of landscapes of happiness: attraction, awareness, attribution, action.

Key words: landscape of happiness, modern consumption, emotions.

References

1. Ilyin V. I. *Potrebleniye kak diskurs* (Consumption as a Discourse). St. Petersburg, 2008. 446 p.
2. Gudova M. *Khronotop glyantsevykh zhurnalov kak mekhanizm vytesneniya sovetskikh ekzistentsialnykh struktur identichnosti i formirovaniya identichnosti postsovetskogo cheloveka*. URL: <http://www.culturalresearch.ru/antg> (дата обращения: 20.02.2013).
3. Chernyaeva T. I., Sharkova G. N. *Emotsionalnyy rezonans kak fundamentalnyy protsess obshchestva potrebleniya* (An emotional resonance as fundamental process of a

skogo cheloveka (Chronotope of a glamour magazines as a mechanism of displacement of the Soviet existential structures of identity and identity formation of post-Soviet man), available at: <http://www.culturalresearch.ru/ru/antg>

3. Chernyaeva T. I., Sharkova G. N. *Emotsionalnyy rezonans kak fundamentalnyy protsess obshchestva potrebleniya* (An emotional resonance as fundamental process of a

- consumer society). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* (Moscow University Bulletin. Ser. 18: Sociology and Political Science), 2009, no. 4, pp. 97–112.
4. Lapin N. I. Antroposotsietalnyy podkhod (The Antroposocietal Approach). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 2006, v. IX, no. 3, pp. 25–42.
  5. Danich V. N. *Modelirovaniye lavino obraznykh protsessov v sotsialno-ekonomicheskikh sistemakh: dis. ... d-ra ekonomicheskikh nauk* (Modeling of avalanche processes in the socio-economic systems: Dr. econ. sci. diss.). Lugansk, 2006. 364 p.
  6. Ivanov D. V. *Glem-kapitalizm* (Glam-capitalism). St. Petersburg, 2008. 176 p.
  7. Izard C. The Many Meanings/Aspects of Emotion: Definitions, Functions, Activation, and Regulation. *Emotion Review*, 2010, vol. 2, no. 4, pp. 364–371.
  8. Fisher C. Mood and Emotions while Working: Missing Pieces of Job Satisfaction. *J. of Organizational Behavior*, 2000, no. 21, pp. 185–202.
  9. Goleman D., Boyatzis R., McKee A. *Primal Leadership: Learning to Lead with Emotional Intelligence*. Boston, 2004. 336 p. (Russ. ed.: Goulman D., Boyatzis R., Makki E. *Emotsionalnoe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyudmi na osnove emotsionalnogo intellekta*. Moscow, 2005. 301p.)
  10. Lisitsin D. V Rossii seychas period menedzherskogo neschastya (Russia is in the period of managerial disaster now). *Sekretfirmy* (The secret of the Firm), 2007, no. 15 (198), available at: <http://www.kommersant.ru/doc/858419>
  11. Gendlin V. Trup dolzhen pakhnut trupom (The corpse must smell like a corpse). *Sekret firmy* (The secret of the firm), 2007, no. 38(221), available at: <http://www.kommersant.ru/doc/858837>
  12. Klein N. *No Logo*. L., 2000. 380 p., available at: <http://www.naomiklein.org/no-logo>
  13. Campbell C. *The romantic ethic and the spirit of modern consumerism*. L., 1987. 301 p.
  14. Pokrovskiy N. E., Chernyaeva T. I. *Turizm: ot sotsialnoy teorii k praktike upravleniya* (Tourism: from social theory to management practice). Moscow, 2008. 424 p.
  15. Jung C.-G. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton, 1981, p. 3–41. (Russ. ed.: Yung K.-G. *Ob arkhetypakh kollektivnogo bessoznatelnogo*. Jung C.-G. *Arkhetip i simvol (The Archetype and the Symbol)*. Moscow, 1991, pp. 97–128.

ПЕДАГОГИКА

УДК 371.3

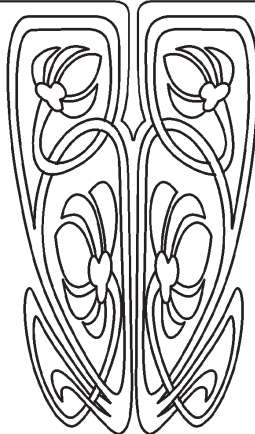
КАДЕТСКИЕ И ЮНКЕРСКИЕ ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

М. А. Бондаренко

Бондаренко Марина Анатольевна – кандидат педагогических наук,
доцент, профессор кафедры русского языка,
Академия труда и социальных отношений (Москва)
E-mail: marbondina@mail.ru

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

В статье представлен материал об истории издания периодических журналов в военно-учебных заведениях Российской империи в начале XX в. Рассматриваются журналы как столичных, так и провинциальных кадетских и юнкерских училищ, анализируется участие педагогических коллективов учебных заведений в подготовке изданий. Внимание уделено содержанию периодической кадетской печати и ее роли в развитии интеллектуальных, творческих и языковых способностей воспитанников, в установлении связи с выпускниками, в развитии взаимного уважения преподавателей и учащихся, в формировании общекадетского единства. В статье делается вывод о том, что опыт военно-учебных заведений по организации ученической печати может быть использован в современном педагогическом процессе.

Ключевые слова: военно-учебные заведения, кадетская печать, языковое развитие, творческий потенциал.

В декабре 1903 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений. В непростых исторических и общественных условиях начала XX в. перед педагогами остро стояла проблема поиска путей развития языкового, нравственно-эстетического и личностного потенциала воспитанников корпусов и училищ. Среди вопросов, которые активно обсуждались на этом съезде, был и вопрос об индивидуализации образования. Идея индивидуализации обучения имеет довольно длинную историю [1] и на протяжении многих столетий не раз выходила на передний план педагогической науки и практики, прежде всего в годы поиска кардинально новых путей развития образования. Такой этап переживает российское образование и сегодня. В связи с этим актуализируется и опыт педагогов начала XX в., тем более что он обладал серьезным практическим эффектом. Не всегда, как известно, принимаемые на съездах решения реализуются в виде конкретных действий, поэтому заслуживает внимания широкое внедрение в жизнь рекомендаций, выработанных этим собранием, – учредить при военно-учебных заведениях журналы. Собрание посчитало, что возможность проявить себя в области журналистики и художественного творчества, которая появится у воспитанников корпусов и училищ, будет способствовать реализации прогрессивных начинаний в области педагогики – развитию личностного потенциала, творческих способностей и духовных запросов учащихся. Определенный опыт такого характера уже имелся в отдельных военно-учебных заведениях, однако широкого и систематического характера такая деятельность не получила. Стоит отметить, что часть педагогов усматривала в организации журналов более вреда, чем пользы, однако большинство признало такое начинание весьма полезным [2].

К 1903 г., когда съездом было принято такое решение, уже издавались литографированным способом юнкерами Константиновского артиллерийского училища журнал «Досуги константиновцев» и «Журнал юнкеров Николаевского инженерного училища». С осени 1904 г. в Симбирском кадетском корпусе начал выходить журнал «Кадетский досуг» (затем – «Первый труд»), с января 1905 г. в Пажеском корпусе – «Пажеский сборник». Ранее, в 1900 г., пажи выпускали «Альманах». В это время руководил корпусом Ф. Э. Келлер, одобрявший желание воспитанников издавать журнал и помогавший им по мере возможности. «Пажеский сборник» стал выходить при Н. А. Епанчине. В первом номере «Пажеского сборника» была объявлена его программа: такой серьезный подход к изданию был связан с непосредственным участием в его подготовке педагогического коллектива; редактором выступил воспитатель корпуса капитан А. А. Бертельс. Наиболее серьезно в журнале была представлена военная тематика, что и понятно: издание началось в период русско-японской войны. В то же время внимание уделялось и военной истории, особенно событиям, в которых проявляли себя выпускники корпуса. Развлекательный раздел также имел военную направленность: в № 1 была опубликована военно-шахматная игра, изобретенная бывшим генерал-губернатором Восточной Сибири М. С. Корсаковым. События русско-японской войны находили отражение и в хронике жизни пажей: в январском номере была размещена заметка о спектакле, который пажи дали в пользу вдов и сирот убитых воинов.

Осенью 1905 г. увидели свет четыре новых издания: еще один «Кадетский досуг» (1-й кадетский корпус), «Литературно-научный сборник» (Владимирский Киевский кадетский корпус), «Компас» (Морской кадетский корпус) и журнал «Александровец» (Александровское военное училище). Анализ некоторых номеров этих журналов, а также «Пажеского сборника» был опубликован в 1906 г. в «Педагогическом сборнике» (№ 11–12). Автор статьи – офицер-воспитатель И. С. Симонов – осуществил эту работу летом, находясь в деревне Екатериновке Саратовской губернии. К этому числу журналов с 1906/1907 учебного года присоединились еще шесть, в том числе и сборники, издававшиеся силами учащихся военно-учебных заведений: «Кадетский сборник» (Александровский корпус имп. Александра II), «Кадет» (Сумский кадетский корпус), «Полочанин» (Полоцкий кадетский корпус), «Кадетская жизнь» (2-й Московский имп. Николая I кадетский корпус), «Кадетское слово» (Николаевский кадетский корпус) и «Донец» (Донской Александра III кадетский корпус).

Первый номер «Донца» датируется 1 октября 1906 г., и выходить журнал будет без перерыва вплоть до 1917/1918 учебного года. Инициатива

издавать журнал принадлежала кадетам старших классов, из их числа выбирался редактор, его кандидатура утверждалась директором корпуса, которым в это время был П. Н. Лазарев-Станищев, генерал-лейтенант, выпускник 1-го кадетского корпуса Киевского Константиновского военного училища и Инженерной академии, руководил Донским корпусом с 1903 по 1917 г. Директор был и цензором. Выходило издание тиражом 300 экземпляров, а периодичность его зависела от поступающих в редакцию материалов, размещавшихся в нескольких отделах – литературном, научном, военном, в отделах «Смесь» и «Кадетская печать»: в год получалось от восьми до двенадцати номеров. Авторами публиковавшихся в «Донце» рассказов, повестей, воспоминаний, стихотворений, научно-популярных статей по физике, химии, естественной истории, математике, военной истории, биографических очерков были кадеты всех возрастов. На последних страницах журнала размещались разнообразные занимательные материалы, а также сообщения о событиях, происходивших в Донском корпусе и в других военно-учебных заведениях. В отделе «Кадетская печать» публиковались письма, полученные редакцией, в том числе поступившие из разных военно-учебных заведений, и темой переписки с другими корпусами нередко становилось обсуждение последних номеров кадетских журналов, давался их обзор. Последний факт свидетельствует о том, что кадетские издания распространялись не только внутри корпуса: происходил обмен ими между учебными заведениями. Это способствовало развитию ответственности за печатное слово, стремлению сделать свой журнал интересным, качественным, а также формировало общекадетское единство, приобщало к жизни других корпусов и училищ на необъятных просторах Российской империи.

Некоторые журналы особое внимание уделяли истории своих учебных заведений и сведениям о службе, подвигах и трудах своих выпускников. Таким было издание Александровского военного училища – журнал «Александровец». Это учебное заведение вообще отличала повышенная забота об увековечении памяти своих питомцев. К тому времени были написаны уже два очерка истории училища, вышел сборник биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадетов Александринского сиротского кадетского корпуса в двух частях.

Сведения об александровцах содержались в историческом отделе, где публиковались также рассказы об истории училища, его текущих событиях, его музее, о деятельности общества вспомоществования бывшим юнкерам училища, делался обзор прочитанных лекций, размещались письма и телеграммы бывших александровцев, не терявших связи с училищем. Последнее свидетельствует о еще одной немаловажной

функции юнкерского издания: с его помощью не порывалась связь выпускников училища со своим учебным заведением, а также устанавливался контакт между поколениями. Важно и то, что письма приходили прежде всего от армейских офицеров, часто из отдаленных гарнизонов, следовательно, издание было широко распространено и известно.

В литературном отделе печатались научные и критические статьи, стихотворения, повести и рассказы, в том числе юмористические, размещались рецензии на труды бывших александровцев. Публикуемые в «Александровце» материалы отражали личный опыт авторов, независимо от их возраста и общественного положения, и сочинения юнкеров не уступали в мастерстве владения словом взрослым и опытным авторам, что подтверждало высокий уровень подготовки в области русского языка и словесности в военно-учебных заведениях и свидетельствовало о результативности деятельности педагогического коллектива.

Такие примеры совершенного владения словом из номера в номер демонстрировали обществу многие публикации кадетской и юнкерской печати. Это качество отличает и журнал, который, к сожалению, имел не очень большую историю – вышло всего два номера. «Кадетская мысль», журнал Нижегородского кадетского корпуса, начал издаваться в 1907 г. по инициативе директора корпуса генерал-майора Л. П. Жилинского. (Л. П. Войшин-Мурдас-Жилинский – участник русско-японской войны, генерал-лейтенант, в 1906–1917 гг. директор Нижегородского кадетского корпуса.) Первый номер журнала вышел тиражом 300 экземпляров и открывался редакционной статьей, в которой формулировалась цель издания – «быть звеном органической связи между всеми кадетами как своего, так и других корпусов», предлагалась программа, указывалось значение, которое придавалось этой инициативе: «да не столько важно содержание первого номера, сколько факт его выхода, факт, указывающий на стремление среди кадет к умственной деятельности, которая столь необходима для развития наших интеллектуальных сил» [3, с. 3–5].

Журнал имел три отдела – беллетристический (здесь помещались стихи, рассказы, воспоминания кадетов), общественный (со статьями по разнообразным вопросам, кроме политики, а также критика кадетских публикаций, в том числе и из других печатных органов, рефераты о произведениях известных писателей) и отдел хроники кадетской жизни. Трудно сказать, по какой причине прекратилось издание «Кадетской мысли»: обычно это происходило тогда, когда исчерпывался материал для публикаций. В данном случае не это явилось причиной, поскольку на смену печатному изданию пришел рукописный журнал – «Проба пера».

К числу тех журналов, которые имели, в противоположность нижегородскому изданию,

довольно длинную историю, относится журнал 2-го кадетского корпуса «Кадет-Михайловец» (затем «Кадет-Петровец»). В первой книжке нового издания помещалась редакционная статья, подписанная Г. Кругликовым и М. Спириным (М. П. Спириным в дальнейшем будет известен как военный инженер, педагог, автор нескольких книг по военно-инженерному делу), кадетами VII класса, в ней, в частности, говорится: «... все талантливое, живое, литературное всегда найдет себе место на страницах “Кадета-Михайловца”. Кроме того, редакция охотно будет помещать статьи, очерки и заметки, посвященные разработке богатого исторического прошлого нашего корпуса в виду предстоящего в 1912 г. двухсотлетия со дня основания нашей alma mater <...> В заключение пожелаем нашему молодому журналу успеха. Да послужит он на благо родного корпуса, способствуя более тесному объединению родной кадетской семьи!» [4, с. 8].

Действительно, прошлому корпусу, деяниям его выпускников, их воспоминаниям уделялось постоянное внимание на протяжении всей истории журнала, начиная с первого номера, где помимо повествования о великом князе Михаиле Николаевиче, шефе корпуса, содержался краткий исторический очерк учебного заведения и список бывших воспитанников, награжденных в войну с Японией орденом Святого Георгия. Второй номер журнала демонстрировал популярность среди кадетов нового поколения выпускника корпуса С. Я. Надсона (было опубликовано его стихотворение и статья кадета Г. Кругликова о поэте). Почти каждый номер журнала показывал явное воздействие Надсона на кадетов: в журнале печатались стихотворения его подражателей.

Активными читателями «Кадета-Михайловца» оказались те, кто учился в корпусе в шестидесятые годы. Как следует из комментария, редакция получала много сочувственных, одобрительных писем от «старых однокашников», некоторые из которых публиковала. В четвертом номере 1909 г., как пример, помещено письмо Е. О. Мациевского, кадета выпуска 1863 г., генерала от инфантерии в отставке, до 1901 г. бывшего военным губернатором Забайкальского края, почетного члена Русского географического общества. Он, как следует из письма, внимательно читал все вышедшие номера журнала и подтверждал или дополнял прочитанное. Журнал он оценил очень высоко: «В наше время издавались литографированные листы – нечто вроде журнала, но ваше издание – это целый труд, стоящий дорожке назначенной вами цены» [5, с. 32]. Выпускник 1867 г. подполковник Н. П. Звездкин прислал в редакцию свои воспоминания, опубликованные в третьем номере за 1908 г.

Особый интерес, думается, вызывали у читателей – бывших воспитанников корпуса – заметки,

размещавшиеся в отделе «Хроника кадетской жизни». Знакомиться с материалами этой части интересно и современному читателю, поскольку в них содержится обширный материал, дающий представление об интересах кадетов-михайловцев, о том, как проходил их досуг. Судя по этим публикациям, педагогический коллектив уделял много внимания достойной организации их свободного времени: проводились литературные вечера и чтения, литературные беседы, лекции, экскурсии, силами воспитанников ставились спектакли.

Публикации об этих событиях не всегда носили только хроникальный характер, иногда они помещались и в других отделах журнала. Так, в пятом номере за 1909 г. обращает на себя внимание рассказ об экскурсии кадетов 2-го кадетского корпуса в Египет и Палестину, автор которого, участвовавший в путешествии, не только подробно повествует об увиденном, но и дает собственные оценки, проявляя при этом незаурядные литературные способности.

Почти в каждом номере можно было найти объяснение прекрасному владению пером кадетами и выпускниками корпуса: внимание, которое уделялось в корпусе русскому языку и словесности не только на занятиях, но и в воскресные, отпускные дни, не могло не обернуться такими убедительными результатами. Вот выписка из хроники 1909 г.: «1-го ноября, в воскресенье, преподавателем русской словесности в Пажеском Его Величества корпусе и Павловском военном училище, г. Пушкиным, была устроена для кадет роты Его Высочества литературная беседа. Темой этой заинтересовавшей кадет беседы послужили произведения новейшей русской литературы. Подобные литературные беседы будут предлагаться кадетам роты Его Высочества по воскресным дням <...> Для старших классов в корпусе имеется абонемент в Михайловский театр на посещение кадетами лучших драматических спектаклей. Знакомство с произведениями наших классиков в исполнении артистов Императорских театров несомненно принесет большую пользу в деле изучения кадетами русской литературы» [6, с. 4].

В 1908 г. появятся свои журналы еще в трех учебных заведениях: «Кадет-Михайловец» в Воронежском кадетском корпусе; литературно-научный журнал «Кадет» в 3-м Московском императора Александра II кадетском корпусе и «Юнкер-казак» в Оренбургском казачьем юнкерском училище. Номер юнкерского журнала, вышедший в августе 1908 г., уникален, поскольку в нем не только представлены типичные для таких изданий отделы и материалы, но дается установка на значение юнкерской печати, оценивается роль, которую она должна сыграть в деле укрепления духа русского офицера, содержится открытое письмо ко всем юнкерам, разбросанным по необъятным российским просторам. В нём оренбурж-

цы выражают убежденность в том, что каждое училище должно иметь свой журнал, с помощью которого будет крепиться юнкерская семья, формироваться взаимное уважение. Специальная статья посвящена «внутренним выгодам», которые могут получить в результате совместной работы при подготовке журнала преподаватели, офицеры и юнкера: «совместная работа учащихся и учащихся на страницах печатного органа, сближая первых со вторыми, способствует развитию взаимной искренности и отсюда – доверчивости, чрезвычайно важных в деле воспитания» [7, с. 14–15].

Мысль о том, чтобы издавать журналы в каждом юнкерском училище, явно возникала не раз: можно встретить упоминание об издании в Павловском пехотном училище журнала «Бравый юнкер», а в Тверском кавалерийском – «Честь имею». Реально же, помимо названных, типографским (за исключением первых двух номеров) способом в 1912–1914 гг. издавался журнал «Досуги юнкеров Иркутского военного училища», а в 1909–1911 гг. – ежемесячный иллюстрированный журнал Одесского пехотного юнкерского училища «Юнкерские досуги», редактором которого был штатный преподаватель училища подполковник П. Н. Горлецкий. В восьмом номере «Педагогического сборника», издаваемого Главным управлением военно-учебных заведений, «Юнкерские досуги» были удостоены не только внимания, но и высокой оценки. Здесь была представлена характеристика его содержания, а также призыв: «Пусть же все, кому дорого наше военное юношество, поддержат это благое начинание, значение которого ясно и не требует пояснений. Этот журнал дает также возможность юнкерам в той или иной форме обмениваться своими мыслями, пополнять свои знания <...> Здесь они найдут и военно-научные статьи, беллетристику, отдел развлечений <...> Здесь же могут получить и справки по различным вопросам юнкерской и военной жизни <...> Особенно желательны корреспонденции из частей войск – от бывших воспитанников, а также из других училищ, относительно выдающихся событий их жизни...» [8, с. 180–181].

К началу Первой мировой войны многие кадетские и юнкерские журналы издаваться уже не будут, исключение составят «Донец», «Кадет» 3-го Московского кадетского корпуса и «Волец», журнал Вольского кадетского корпуса (издавался с 1913 г.), зато появятся новые издания: журнал Псковского кадетского корпуса «Пскович» и журнал 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса «Кадет-Сибиряк» (журнал будет издаваться в пользу раненых бойцов), а также после пятилетнего перерыва возобновится в 1915 г. издание «Пажеского сборника». Все эти издания, в первую очередь, были посвящены событиям на полях войны, хотя и другие отделы журналов не пустовали. В февральском

номере журнала «Волец» за 1915 г., например, размещено воззвание Верховного главнокомандующего к народам Австро-Венгрии, в рубрике «Наши герои» – очерки о Н. И. Иванове, Н. В. Рузском, А. А. Брусилове и их награждениях в связи с успешно проведенными боевыми операциями на фронтах войны; в литературной части опубликованы два стихотворения – «Часовой», подписанное К. Р., и стихотворное обращение к великому князю Константину Романову кадета Г. Ветвицкого; из беллетристики – рассказ «Суворов в Австрии» и рассказы о войне, кроме этого, есть отрывок письма из действующей армии, хроника и загадки.

Можно по-разному оценивать уровень кадетских и юнкерских журналов и сборников, одно не подлежит сомнению: цели, которые ставились перед этими изданиями, были достигнуты. Журналы явились и трибуной для юношей, получивших возможность реализовать свои способности, а значит, помогли развитию их интеллектуального и творческого потенциала, они готовили воспитанников к трудным офицерским будням – военным, потому что именно им, ужившимся в эти годы, предстояло отдать свои жизни за царя и Отечество на полях мировой войны. Кроме того, эти журналы формировали то самое кадетское и юнкерское единство, которое явилось одним из самых значительных факторов, определивших дальнейшую судьбу этих людей.

Думается, решая актуальные педагогические задачи, в том числе по внедрению системно-деятельностного, личностно-ориентированного, индивидуального подходов к обучению, современная школа может использовать опыт военно-учебных заведений Российской империи по всестороннему развитию учащихся благодаря организации ученической печати.

Список литературы

1. Чернякова И. Л. Индивидуализация обучения как инновационная идея современной педагогики : историко-культурный контекст // Вестн. Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 18–23.
2. Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22–31 декабря 1903 г.). СПб., 1904. 434 с.
3. От редактора // Кадетская мысль. 1907. № 1. С. 3–5.
4. Кругликов Г., Спиринг М. От редакции // Кадет-Михайловец. 1907. № 1. С. 3–8.
5. Мациевский Е. О. Письмо в редакцию // Кадет-Михайловец. 1909. № 4. С. 32.
6. Хроника кадетской жизни // Кадет-Михайловец. 1909. № 5. С. 33.
7. Смирнов М. От редакции // Юнкер-казак. 1908. № 1. С. 13–15.
8. От редакции // Педагогический сборник. 1911. № 8. С. 180–181.

Cadet Magazines of the Beginning of the XX Century: Pedagogical Component

M. A. Bondarenko

Academy of Labor and Social Relation (Moscow)
Ulitsa Lobachevskogo, 90, 119454 Moscow, Russia
E-mail: marbondina@mail.ru

The article presents material of the history of publishing periodicals in the Military Schools of the Russian Empire in the beginning of the XX century. Journals are considered as the capital and provincial cadet and junker schools, analyzes the participation of teaching staff of educational institutions in the preparation of publications. Attention is paid to the content of the periodic Cadet press and its role in the development of intelligent, creative and linguistic abilities of cadets, in establishing contact with graduates, in the development mutual respect of teachers and cadets, in formation of general cadet unity. The article concludes that the experience of military educational institutions on the organization of student printing can be used in modern pedagogical process.

Key words: military schools, cadet printing, language development, creative potential.

References

1. Chernyakova I. L. Individualizatsiya obucheniya kak innovatsionnaya ideya sovremennoy pedagogiki: istoriko-kulturnyy kontekst (Individualization of training as an innovative idea of modern pedagogics: the historical and cultural context). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 4, pp. 18–23.
2. *Trudy pervogo syezda prepodavateley russkogo yasyka v voyenno-uchebnykh zavedeniyakh (22–31 dekabrya 1903 g.)* (Works of the First Congress of Russian language teachers in military schools {22–31 December 1903}). St. Petersburg, 1904. 434 p.
3. Ot redactora (From the Editor). *Kadetskaya mysl* (Cadet idea), 1907, no. 1, pp. 3–5.
4. Kruglikov G., Spiring M. Ot redaktsii (From the Editorial staff). *Cadet-Mikhaylovets*, 1907, no. 1, pp. 3–8.
5. Matsievskiy E. O. Pismo v redaktsiyu. *Cadet-Mikhaylovets*, 1909, no. 4, p. 32.
6. Hronika kadetskoy zhizni (Cadet's life chonical). *Cadet-Mikhaylovets*, 1909, no. 5, p. 33.
7. Smirnov M. Ot redaktsii (From the Editorial staff). *Yunker-kazak* (Junker-Cossack), 1908, no. 1, pp. 13–15.
8. Ot redaktsii (From the Editorial staff). *Pedagogicheskiy sbornik* (Pedagogical collection), 1911, no. 8, pp. 180–181.

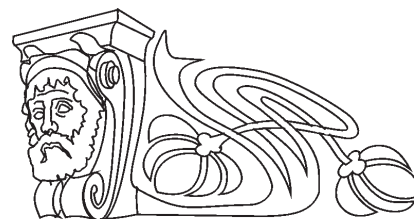

УДК 78:37

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕТАМОРФОЗ ПАРАДИГМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА

Д. И. Варламов

Варламов Дмитрий Иванович – доктор искусствоведения, кандидат педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПСН и РАЕ, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства и музыкальной педагогики, Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л. В. Собинова
E-mail: varlamov2004@inbox.ru

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем музыкального образования, связанных с глубинными процессами эволюции музыкального искусства. В поле зрения автора академизация и обусловленные ею изменения парадигмы исполнительского творчества. Вектор этих изменений направлен на возрастание самоценности музыкального произведения (опуса) и снижение значимости коммуникативной функции исполнительского искусства. Это может привести к необратимым последствиям, грозящим жизнеспособности самого исполнительского искусства как формы художественной деятельности. Данные гипотетически выстроенные тенденции в академическом музыкальном искусстве требуют соответствующей перестройки концепции музыкального образования.

Ключевые слова: музыкальное образование, исполнительское искусство, академизация, парадигма академического музыкального искусства, музыкальная коммуникация.

Процессы, происходящие в системе музыкального образования, детерминированы тенденциями в развитии музыкального искусства – сегодня этот тезис вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнение; более того: он приобрел характер аксиомы. Именно поэтому в данной статье мы намерены обойтись без поиска аргументов для доказательств взаимовлияния метаморфоз парадигмы исполнительского музыкального искусства и музыкального образования, а сосредоточиться на векторе этих метаморфоз, поэтому цель статьи – продемонстрировать тенденции в развитии академического музыкального искусства и на их основе обосновать необходимость поиска путей совершенствования системы музыкального образования.

Сложившаяся российская система музыкального образования на протяжении длительного периода своей истории успешно воспроизводит музыкально-творческий ресурс страны; ее успехи общепризнанны и достойны уважения. Проблемы, о которых будет сказано далее, возникли не внутри системы, а в предмете ее деятельности – в музыкальном искусстве. Однако система, естественным образом включаясь в производство музыкального и человеческого продукта, постоянно актуализирует эти проблемы, поэтому, говоря о проблемах искусства, мы все время имеем в виду отражение этих проблем и в системе музыкального образования.

Метафизический анализ тенденций в эволюции музыкального искусства показывает огромное разнообразие векторов его развития. Сегодня нас интересуют онтологические основы процессов *академизации* и не менее существенные закономерности функционирования самого *академического* музыкального искусства. Эти процессы как имманентные сущности существуют уже не одно столетие, и проблемы, которые они формируют, перманентны и долговременны. В наше время эти тенденции не доминируют. Тем не менее то, что они становятся очевидностью, возможной для исследования, требует внимания ученых. Хотя достоверно известно, что, несмотря на обилие фактологического материала, касающегося названных процессов и закономерностей, наличие многочисленных констатаций частных явлений академизации, теоретические вопросы становления и развития данного феномена до настоящего времени абсолютно не исследованы. Это заставляет нас представлять излагаемую ниже проблему на гипотетическом уровне.

Необходимо сразу отметить, что процессы академизации и закономерности эволюции академического искусства рассматриваются, прежде всего, как феномены становления и развития музыкального мышления человеческого сообщества. Продукты художественного творчества при таком подходе становятся аргументами, обеспечивающими достоверность гипотетического дискурса: иного способа изучать процессы общественного художественного сознания пока не придумано.

Теория академизации, приверженцем которой мы являемся, рассматривается здесь в контексте теории социальной эволюции, непосредственно примыкая к фундаментальным процессам глобализации, или, если быть еще более точным, глокализации культуры («глобализация» + «локализация» – раскрывает амбивалентность эволюционных процессов). В амбивалентности глобализации [1, с. 162–168], которую обнаружил еще Г. Терборн, отчетливо проявляются противоречивые диалектические процессы, в том числе такие, как дифференциация и интеграция, конвергенция и дивергенция, унионизм и плюрализм и др. Все они, включая и амбивалентность, полностью

распространяются на предмет нашего внимания – академизацию, которая рассматривается нами как один из потоков глокализации. Названные процессы, по мнению Г. Терборна, создают альтернативу единообразия или многообразия культурных форм под влиянием либо культурного империализма (экспансии), либо обратного процесса – дивергенции – и, отсюда, производство либо унифицированного продукта, либо «глобализированной продукции различия» [2].

Развиваясь из своего синкретичного зерна, попавшего в плодотворную почву фольклорного сознания наших далеких предков, музыкальное творчество веками вызревало в процессах десинкретизации, под которыми нужно понимать спенсеровское рассеивание, или, говоря современным научным языком, дифференциацию художественного мышления и творчества. Инновациями прошлых веков становились сначала принципы ладового мышления, затем, пройдя через тернии и радость открытия новых элементов, таких как гармонические тяготения, тембр, динамика и др., в новое время утвердились интонационные гравитации. Полистилистика современного искусства, основанная на многообразии художественно-выразительных средств музыкального творчества, является ярким доказательством того, что десинкретизация достигла своего апогея. Но, поскольку у десинкретизации обратного движения нет (развитие синкретизма как процесса десинкретизации возможно только в одном направлении, в направлении дифференциации на элементы), мы и наши предшественники постоянно наблюдали и наблюдаем встречное движение – интеграции, что позволяет уравнивать разнонаправленные процессы и сохранять внутрисистемные связи академической музыки.

Таким образом, в процессах академизации проявляют себя важнейшие закономерности, открытые Г. Спенсером в эволюции природы и общества, – дифференциация и интеграция. Те же процессы, по мнению культурологов, лежат в основе тенденций глокализации. Как и в глобальных процессах мировой цивилизации, где плодом деятельности выступает унифицированный продукт, в академизации искусства выделяется генеральная тенденция, которая может быть представлена как унификация. И таким унифицированным продуктом в академическом искусстве становится опус – музыкальное произведение.

Само существование понятия «опус» (лат. *opus*) – «отдельное музыкальное сочинение *в ряду других сочинений* (курсив мой. – Д. В.) того же композитора (спец.)» [3, с. 455] уже говорит об унификации, о существовании уникального произведения, но все же в ограниченных рамках определенного ареала. Тенденции унификации легко обнаруживаются и в рамках различных жанров, распространяющих типизированные традиции. На нее «работает» и технический прогресс – рас-

пространение все новых и новых форм аудио- и видеоносителей, а также различных управляемых средств воспроизведения музыкального звука без помощи посредника – исполнителя.

Сегодня унификация еще не стала доминирующей тенденцией в искусстве, поэтому ученые пока не выступают против нее «единым фронтом». Однако эмоциональные всплески протеста все чаще проникают даже в искусствоведческие работы. Так, А. Ляхович в статье «Краткая социология современного академического музыкального исполнительства» предостерегает против негативного влияния инновационных форм социально-художественной деятельности – *звукозаписи* и *конкурсомании*, мифа *нотоцентризма* (подмены музыки нотами) и процветания *абстрактных стилевых моделей* (вместо многообразия живого искусства) [4]. Вместе с С. А. Загнием они «кричат» о *кризисе формы публичного концерта* [5]. В указанных статьях авторы не стремятся вскрыть причины негативных тенденций современного исполнительского искусства, а потому в них нет даже упоминания таких понятий, как «унификация», «коммуникация», «опус» и др., но кризисная ситуация ими обрисована убедительно.

Стремление академического искусства к идеальной парадигме обнаружено давно. Оно нашло отражение даже в некоторых дефинициях понятия «академический», применяемого по отношению к искусству. Выделим из множества интерпретаций понятия следующую характеристику: академический – *придерживающийся установленных традиций, канонов, свойственный академизму* (к примеру, в академической живописи). Так, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова трактуют академизм, как «направление в искусстве, догматически следующее сложившимся канонам искусства античности и эпохи Возрождения» [3, с. 27]. В этом определении ключевыми словами являются «*догматически следующий канонам*». Со временем тенденция подражания канонам античности и эпохи Возрождения как непревзойденным образцам искусства постепенно переросла в стремление к идеалу искусства вообще, естественно, воплощаемому в идеальном художественном произведении. Опус стал олицетворением идеала в академическом искусстве, своего рода идолом, предметом поклонения.

Этому способствовала и теория музыкознания прошлого столетия, которая отвела музыкальному произведению роль единственного носителя художественного содержания. Еще Б. Л. Яворский в начале прошлого века писал о том, что «искусство запечатлевает процессы, а не воздействует; воздействие – это вторичное явление, которое отмирает, а запечатление процесса – остается» [6, с. 222]. Подобная позиция открыто утверждает приоритеты между искусством как формой коммуникации и формой «запечатления музыкального

процесса звуками» (Б. Л. Яворский) в пользу последнего. В письмах к С. В. Протопопову ученый пишет о том, что в конкретном художественном произведении «есть только то содержание, которое выявлено его конструкцией, композицией и оформлением, т. е. их единством – формой» [6, с. 537]. Это ли не гимн плодам человеческого творчества, облаченным в конкретное музыкальное произведение. Последующий анализ приводит его к еще большему утверждению неразрывного единства формы и содержания. «Мысль, – пишет Б. Л. Яворский, – нельзя “облекать в подходящую форму”, потому что сама мысль есть форма» [6, с. 542]. Обратите внимание, мы не выступаем против позиции Б. Л. Яворского, потому что убеждены в его правоте. Его позиция в данном случае демонстрирует объективную тенденцию в музыковедении, что еще раз доказывает устойчивость глубинных процессов в искусстве и обществе.

От последних идей русского ученого-музыканта один шаг до концепции С. Лангер и теории «значимой формы». В отличие от российских ученых, в большинстве своем видевших сущность музыки все же в семантике интонационных связей, часть западных философов и искусствоведов склонилась к теории «значимой формы», где артефакт, раскрывающий содержание музыки, а возможно, и искусства в целом, проявляет себя именно в художественной форме. С. Лангер пишет: «Мы воспринимаем музыку как “значимую форму”, свободную от фиксированного, буквального значения, от всего, что она изображает» [7, с. 229], уточняя при этом, что «музыка даже в наивысших достижениях своих классических произведений является преимущественно не представительной. Она выражает чистую форму не как украшение, а как саму свою сущность...» [7, с. 187].

Заключенное в музыкальном произведении художественное содержание, таким образом, становится самоценностью, не требующей интерпретации. Логика простая: музыкальное произведение само по себе ценно, независимо от того, интерпретируется оно или нет, звучит оно или только зафиксировано в письменном тексте.

В сложившейся ситуации, казалось бы, говорить об искусстве как о коммуникации, как о форме воплощения отношений – просто анахронизм. Но говорить нужно, ибо коммуникация – основа искусства, и отказ от нее неминуемо приведет к перерождению искусства как социального явления.

Значительный вклад в формирование новой парадигмы искусства – создание ореола вокруг опуса – вносит сложившаяся в стране система подготовки музыкантов-исполнителей. При целеполагании, направленном на воспитание и обучение квалифицированного специалиста-музыканта, реальный процесс занятий в специальном классе (фортепианном, скрипичном и т. п.) нацелен на подготовку концертной программы, т.е. конкретных произведений. Ю. А. Цагарелли пишет по

этому поводу следующее: «В ходе этих занятий основная цель обучения – воспитание личности музыканта, развитие его способностей – отодвигается на второй план, а педагогический процесс сводится к простому выучиванию музыкальных произведений» [8, с. 6]. Часто основную задачу процесса обучения исполнителю педагоги видят лишь в развитии психомоторики. Ссылаясь на крупнейших педагогов музыкантов, таких как Г. Г. Нейгауз, Г. М. Коган и А. П. Шапов, Ю. А. Цагарелли отмечает укоренившуюся тенденцию противопоставления исполнительской техники и музыкальности как таковой [8, с. 7].

Степень выученности музыкальных произведений (готовности для публичного показа) выступает и критерием оценки на зачете или экзамене (как по специальности, так и на любом дополнительном инструменте). Качества музыканта чаще просто декларируются, методам их диагностики и развития места в учебном процессе нет вообще. Отсутствие профионограммы музыкально-исполнительской специальности, по мнению Ю. А. Цагарелли, обуславливает неполноту представлений педагогов о профессионально важных качествах и их значимости для оценки результатов обучения [8, с. 6]. Как правило, качество исполненной программы становится предметом обсуждения учителя и ученика и в ходе исполнительской практики, когда, казалось бы, созданы идеальные условия для анализа коммуникации между исполнителем и слушателем.

Наиболее слабым звеном в системе подготовки профессиональных музыкантов-исполнителей является научно-методическое обеспечение учебного-творческого процесса. Теория музыкальной коммуникации (Е. В. Назайкинский, А. Н. Якупов и др.) до сих пор находится на этапе постановки проблем и разработки «сферы и фаз коммуникативного процесса» и «процедур кодирования и декодирования» (А. Н. Якупов), психологические вопросы подготовки музыканта-исполнителя к концертному выступлению (Л. Л. Бочкарев, Ю. А. Цагарелли и др.) исследуются в аспекте сценической деятельности самого исполнителя (артистизм, внимание, перевоплощение, поведение), а формирование профессионального исполнительского мастерства – на технологическом уровне (надежность, готовность концертной программы, проблемы репертуара и т.д.).

К сожалению, приходится констатировать, что педагогика как наука сегодня не востребована в системе профессионального музыкального образования. Искусствоведческие исследования, казалось бы, приоритетные для сферы художественного образования, не могут восполнить дефицита научного подхода к решению таких проблем, как: эффективность смешанных (индивидуально-групповых) форм специальных курсов; воспитание художественного вкуса и развитие творческих способностей и профессиональных

качеств в конкретных условиях музыкально-образовательного процесса; развивающие и воспитательные возможности различных дисциплин в художественном учебном заведении; адаптация традиционных и разработка инновационных методик работы со студентами с ограниченными физическими возможностями; теоретическое обобщение передового опыта предметного обучения и воспитания; моделирование структур и отбора содержания учебных курсов; теория и практика создания учебно-методических комплексов; методика организации художественных олимпиад и творческих конкурсов; теоретические основы создания и использования новых технологий и методических систем обучения и воспитания профессионального музыканта-исполнителя и т. д. Все эти вопросы входят в сферу компетентности не искусствоведения, а музыкальной педагогики и потому решать их должны профессионально подготовленные педагоги-музыканты [1, с. 258–261].

На основании изложенного выше напрашивается вывод о том, что система академического музыкального образования, сложившаяся в культуре европейского типа, приняв опус в качестве парадигмы музыкального искусства, преимущественно ориентирована на воспитание музыканта-исполнителя не в структуре коммуникации со слушателем, а как «раба опуса», подчиненного этой парадигме. В этих условиях актуализируется необходимость педагогических и искусствоведческих (с использованием методов социологии ис-

кусства) исследований в системе академического музыкального образования, направленных на поиск эффективных путей преодоления кризисных явлений в искусстве и образовании.

Список литературы

1. Therborn G. Globalizations are Plural. *Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance* // *International Sociology*. 2000. № 15(2). P. 149–179.
2. Варламов Д. И. *Онтология искусства : избранные статьи 2000–2010 гг.* М., 2011. 316 с.
3. Ожегов С. И. *Словарь русского языка : 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* 23-е изд., испр. М., 1991. 917 с.
4. Ляхович А. Краткая социология современного академического музыкального исполнительства // Музыкальный интернет-журнал «Израиль XXI». Май 2011. № 27. URL: http://www.21israel-music.com/Sozialnoye_isplaynitelstvo.htm (дата обращения: 14.04.2013).
5. Загний С. А. Новые средства коммуникации против концерта // Миф. Музыка. Обряд : сб. ст. / ред.-сост. М. Катунян. М., 2007. С. 315–316.
6. Яворский Б. Л. Воспоминания, статьи и письма : в 2 т. Т. 1. М., 1964. 671 с.
7. Лангер С. *Философия в новом ключе : исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С. П. Евтушенко ; общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова.* М., 2000. 287 с.
8. Цагарелли Ю. А. *Психология музыкально-исполнительской деятельности.* СПб., 2008. 368 с.

Musical Education in Connection with Changes of Performing Arts Paradigm

D. I. Varlamov

Saratov State Conservatoire (Academy) named after L. V. Sobinov
Prospekt Kirova, 1, 410012 Saratov, Russia
E-mail: varlamov2004@inbox.ru

The article studies urgent problems of musical education connected with deep processes of musical art evolution. The author focuses on academisation and changes in paradigm of performing art caused by it. The changes are aimed at the increase of self-value of musical piece and decrease of the importance of performing art's communicative function. That can bring about inevitable changes threatening the performing art as a form of creative activity. The mentioned above tendencies call for reconstruction of the conception of musical education.

Key words: musical education, performing art, academisation, paradigm of academic musical art, musical communication.

References

1. Therborn G. Globalizations are Plural. *Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance*. *International Sociology*, 2000, no. 15(2), pp. 149–179.
2. Varlamov D. I. *Ontologiya iskusstva. Izbrannyye statyi 2000–2010* (Ontology of Art. Selected articles 2000–2010). Moscow, 2011. 316 p.
3. Ozhegov S. I. *Slovar Russkogo Yazyka: 70000 slov* (Dictionary of the Russian Language: 70000 words) / Pod redactsiyey N. Y. Svedovoy, 23-e izdanie (Ed. by N. Shvedova, 23rd edition). Moscow, 1991. 917 p.
4. Lyakhovich A. *Kratkaya sotsiologiya sovremennogo akademicheskogo musycalnogo ispolnitelstva* (Brief sociology of modern academic musical performing). *Izrail XXI*. May 2011, no. 27, available at: http://www.21israel-music.com/Sozialnoye_isplaynitelstvo.htm
5. Zagniy S. A. *Novye sredstva kommunikatsii protiv contserta* (New means of communication against concert). *Mif. Musyka. Obryad*. (Myth. Music. Ritual) Moscow, 2007, pp. 315–316.
6. Yavorsky B. L. *Vospominaniya, statyi i pisma* (Memoires, articles and letters). Vol. 1. Moscow, 1964. 671 p.
7. Langer S. *Philosophy in a New Key: A study in the symbolism of reason, rite and art*. Cambridge, MA, 1969. 313 p. (Russ. ed.: Langer S. *Filosofiya v novom klyuche; issledovaniye simboliki razuma, rituala i iskusstva*. Moscow, 2000. 287 p.
8. Tsagarelli Y. A. *Psikhologiya musycalno-ispolnitelskoy deyatelnosti* (Psychology of musical performing activity). St. Petersburg, 2008. 368 p.

УДК 37.013.73

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЦЕННОСТНОГО ОПЫТА

И. Г. Мухина

Мухина Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Харьковский институт финансов
E-mail: 19muhina67@mail.ru

Статья посвящена анализу целевых ориентиров современного образования и раскрывает ряд проблем, которые имеют место в национальной системе образования и культуры. Обращается внимание на роль религии в духовной жизни общества, раскрывается проблема идейного и духовного содержания современного образования. Подчеркивается, что становление национального культурно-образовательного пространства невозможно без переосмысления положительного и отрицательного советского опыта. Акцентируется внимание на аксиологических подходах по формированию современной образовательной системы. Анализируются вопросы поиска стратегий образовательного процесса и модернизации отечественного образования.

Ключевые слова: культурно-образовательное пространство, знание, культура, ценности, опыт.

Постановка проблемы

Крушение советской системы и всей социалистически ориентированной общности государств привело в 90-х гг. XX столетия не только к позитивным политическим и социальным изменениям, но и к целому ряду негативных социально-культурных и духовных последствий, которые до конца еще не осознаны. Одной из проблем трансформации государств постсоветского пространства является становление национального культурно-образовательного пространства, соответствующего современным реалиям. Именно она обуславливает необходимость переосмысления культурного и образовательного опыта советского общества с целью анализа положительных и отрицательных аспектов культурного наследия и поиска новой системы ценностных координат. На современном этапе, к сожалению, отсутствуют научные работы, в которых бы комплексно рассматривалась проблема наследования ценностного опыта советского общества в сфере образования, а раскрытие тех или иных сторон данной проблемы носит фрагментарный характер или используется для анализа иных проблем, связанных с развитием образования и культуры. Среди таких работ интерес представляют исследования Ф. Андрушкевича, Г. Ягодина, Б. Гершунского, Н. Пахомова и др. Исходя из этого, *цель статьи* – проанализировать основные целевые ориентиры формирования постсоветского культурно-образовательного пространства, обратить внимание на некоторые аксиологические подходы по созданию

современной образовательной системы через призыв советского ценностного опыта.

Основные результаты исследования

Одним из исторических уроков в проблеме наследования ценностного опыта предыдущих поколений может быть отказ от политики нигилизма и переход к глубокому научному переосмыслению и переоценке образовательного и культурного опыта. К сожалению, 1990-е гг. продемонстрировали нам повторение прошлых ошибок, когда резкая критика и отторжение старого культурного опыта транслировались всеми средствами информации постсоветского пространства. Этот путь в свое время прошла и советская политическая элита, пытаясь полностью отторгнуть общественно-культурное наследие предыдущих поколений и создать новую культуру на обломках рухнувшего старого общества. Это привело к мировоззренческому противостоянию поколений, социальных групп, классов и к политической конфронтации.

Одной из составляющих этого противостояния стала борьба с религиозным мировоззрением как духовной основой буржуазного общества, которая носила по сути экстремистский, силовой характер. Отношение к религии рассматривалось с позиций практической политической борьбы, в которой пропаганда атеизма осуществлялась не в рамках просветительской деятельности, а подчинялась задачам по сплочению революционных сил. Так, В. И. Ленин отмечал, что революционная борьба угнетенного класса за создание рая на земле важнее, чем единство взглядов пролетариев на рай на небе [1, с. 69]. Но вытравить религию из сферы духовной жизни советской власти так и не удалось, а ускорение темпов преодоления «религиозных пережитков» стимулировалось лишь бюрократические подходы по устранению и маскировке внешних признаков проявления религии в обществе. Призрачная надежда на построение новой социально-культурной матрицы социалистического общества на обломках старого культурного наследия очень скоро сменилась необходимостью использовать приобретенный столетиями и поколениями ценностный опыт и культуру для демонстрации закономерности и последовательности всех революционных соци-

альных изменений. Но процесс возврата к духовным истокам порождает и новые проблемы: так, религиозизация современной общественной жизни не только дает положительный эффект, связанный со свободой вероисповедания и легитимностью традиционных церковных институтов, но и породила религиозный фанатизм, психологическое давление на личность и ее мировосприятие со стороны распространенных религиозных тоталитарных сект. Вместо советской идеологии основой духовной жизни личности становится не современное научное знание, а «новая» религия из-за рубежа, которая пренебрегает традиционными христианскими ценностями и отрывает личность от действительности и адекватного восприятия происходящего. Это препятствует созданию целостного консолидированного общества на основе национально-культурных ценностей и традиционных связей.

Вторая проблема связана с наполнением национального культурно-образовательного пространства новым идейным и духовным содержанием. На протяжении XX столетия образовательная практика не только социалистических, но и капиталистических европейских стран очень медленно освобождалась от стереотипов просветительства, когда единая цель образования трактовалась как приобщение необразованных людей к основам уже добытого, зафиксированного, «готового» знания. На смену приходит понимание образования как способа развития человека, его духовного становления, формирования моральной основы личности. В рамках советской образовательной и воспитательной систем, находившихся под мощным идеологическим прессом, трудились блестящие педагоги-новаторы, внесшие огромный вклад не только в отечественную, но и мировую педагогическую науку.

Следует отметить, что постсоветское образовательное пространство имеет сильную воспитательную составляющую, унаследованную от советского периода. По мнению многих специалистов, такой системы воспитания не имеет ни одна страна в мире, поэтому гуманистические подходы к обучению и воспитанию личности, которые были разработаны отечественными теоретиками, учёными педагогами-новаторами Л. Выготским, С. Рубинштейном, А. Макаренко, В. Сухомлинским, Г. Ващенко и другими, должны быть востребованы и использованы. Так, например, необходимо взять на вооружение новаторский педагогический опыт В. Сухомлинского в создании лично-ориентированной системы образования и воспитания, создания «школы радости», основанной на семейной педагогике и национальных духовных традициях и т.д. [2, с. 9]. Но вместе с этим следует искоренить такие негативы советского образования, как идеологическая зашоренность, манипуляция сознанием личности, враждебность и непримиримость к иностранному

ценностному опыту, борьба с альтернативными теориями, стратегиями и идеями и т.д. [3, с. 126].

Третьей проблемой в наследовании ценностного опыта, на наш взгляд, является поиск духовного стержня, новой модели образовательной системы современного информационного и рыночного общества. К сожалению, современное образование жестко подчиняется утилитарным потребностям производства и рынка. Посттоталитарные государства, как и все остальные, остро ощутили в конце XX столетия глубинные деформации в массовом сознании, причиной которых стало противоречие между быстро возрастающим объемом знаний и информации и ограниченностью человеческих возможностей в их усвоении и использовании. Как известно, в последние годы существования советского общества содержание всех образовательных и культурных институтов постепенно начало входить в противоречие с требованиями постиндустриального (информационного) общества. Культурно-образовательные институты индустриального общества (социалистического и капиталистического) воспитывали массу людей как множество способных к развитию личностей, подчиненных нормообразующим законам. Личностная культура индустриального общества при помощи средств массовой информации, массовой школы, массового воспитания постепенно замещается культурой массовой, которой присущи стереотипное мышление, унификация, приспособленчество, несамостоятельность в осмыслении происходящего и т.д. Все это уже не отвечает требованиям информационного общества, поэтому основным в образовательной сфере стали вопросы поиска стратегий образовательного процесса и оптимальных вариантов обновления содержания образования. В последний период на первый план выдвигаются плюралистические подходы к осмыслению и оценке процессов в культурно-образовательной сфере, а в системе образования и воспитания актуализируются пути деконцептуализации образовательного процесса, отказ от старых устоявшихся форм получения информации и организации знаний, а также – соответствующих способов и методов передачи информации и знаний. Реальная жизнь развеяла иллюзии относительно восприятия деконцептуализации образования как единой основы для трансформаций в культурно-образовательной сфере. Новая современная концепция разрабатывается на основе принятия принципа открытости образования, его обязательной трансформации из авторитарного типа в образование открытого демократического общества [4, с. 235].

На современном этапе мирового экономического и общественного развития наиболее важной глобальной проблемой считается непрерывность обучения или обучение на протяжении всей жизни, что связано, прежде всего, с динамизмом мирового общественного развития, с ускорением социально-

экономического прогресса, влияющего и на материальную, и на духовную сферу как общества в целом, так и каждой отдельно взятой личности. Без решения этой проблемы невозможно разрешить другие ключевые, которые стоят перед образованием как организационной структурой общества.

Советская образовательная система выполняла функцию, ориентированную прежде всего на создание производительных сил общества и на конечный результат – подготовку специалиста, способного выполнять определенные профессиональные функции. Фактически был сформирован тип «конечного» образования, продиктованного стремлением научить навсегда, т.е. предоставить такой объем знаний, который бы человек использовал на протяжении всей жизнедеятельности. Непрерывность образования рассматривалась лишь как форма усовершенствования базовых теоретических знаний. На современном этапе насущной задачей системы образования становится переход от «школы знаний» к «школе культуры», где образование выступает как часть общей культуры. Но непрерывность будет обеспечена только при условии проектирования системы образования, в которой будут учтены и рассмотрены все условия для сознательного усвоения объективных ценностей культуры как необходимой объективной потребности личности.

Идея необходимости образования «через всю жизнь» сегодня принята во всем мире, хотя и имеет различные трактовки. Так, еще в 80-х гг. XX в. отечественные ученые Г. А. Ягодин и Б. С. Гершунский рассматривали личность как основной системообразующий фактор непрерывности образования, которая постоянно и необратимо осуществляет восхождение к все новым и новым высотам познания и преобразования мира, а сущность непрерывного образования заключалась в создании условий для гармоничного развития индивида [5, с. 37; 6, с. 23]. Н. Пахомов видит возможность реализации этой цели не благодаря усвоению предыдущих рецептов, а на основе подготовки к овладению методами и содержанием познания и практики [7, с. 6]. Такой подход принципиально отличается от советской системы непрерывного образования, хотя старые образовательные структуры последипломного образования еще имеют место в системе постсоветского общества.

В контексте поиска аксиологических подходов по созданию национального культурно-образовательного пространства можно выделить три основных аспекта трансформации системы образования как непрерывного процесса:

1) традиционное профессиональное образование взрослых как усвоение знаний, недополученных в процессе обучения (дополнительное образование как часть конечного образования);

2) образование как постоянный процесс при помощи педагогически организованных формальных структур;

3) образование через всю жизнь как потребность личности, как стремление ее к постоянному познанию себя и окружающего мира, которое становится для нее ценностью.

Таким образом, непрерывность образования выступает как процесс всеобщего развития и саморазвития человека, его биологических, социальных и духовных потенций, а в конечном результате – его «окультуривание» как необходимое условие сохранения и развития культуры общества. Научно-технический и социально-экономический прогресс, смена темпов обновления техники и технологии требуют от общества изменения содержания, характера и направленности образования. В условиях существующего в советский период «конечного» результата образования обострились проблемы функциональной необразованности, технологической безработицы, возник дефицит научных знаний. За последние десятилетия человечество совершило переход к принципиально новому типу социокультурного наследования, в рамках которого главным стало не усвоение традиционной методологии, а подготовка к овладению методами и содержанием познания, которых раньше никогда не существовало.

К сожалению, традиционная советская образовательная система была ориентирована на достижение лишь узкопрагматических целей, поэтому готовила человека, который знает, но не осознает, морализованного, но аморального, воспитанного, но не культурного [8, с. 7]. Советский ценностный опыт дает нам основание говорить о том, что контролировать и управлять «конечным образованием», которое воспроизводит готового исполнителя государственной воли, легче и удобнее. Сведение человека к «совокупности общественных отношений» и «объекту управления» определило приоритетные принципы советской образовательной системы – однообразие, безальтернативность, формальность, догматичность. Хотя необходимость соответствовать научно-техническому прогрессу осознавалась рядом советских ученых-педагогов, и они делали серьезные попытки улучшить ситуацию за счет применения эффективных педагогических технологий, «активных» методик обучения, использования технических средств, но цели и сущность образовательной системы всех уровней не менялась. В современном мире для того, чтобы личность как субъект образования имела возможность свободно и уверенно продвигаться в образовательном пространстве по уровням, ступеням, этапам и формам, необходима согласованность всех образовательных уровней, создание информационного общества, характерной чертой которого является единое образовательное пространство.

Осмысляя задачи, которые стоят перед современным культурно-образовательным пространством, многие ученые обращают внимание на успехи и недостатки советской образователь-

но-воспитательной системы: так, безусловными успехами считаются приоритетные достижения в сфере науки и техники, открытия мирового значения, наличие известных ученых, признанных мировым сообществом, мощная и разветвленная система образования, которая по качественным и количественным показателям превосходила западные, но воспитательная сфера находилась под прессом идеологических требований и имела формальный и репрессивный характер. Нравственное воспитание, основанное на принципах строителя коммунизма, с одной стороны, и расхождение слова и дела – с другой приводили к лицемерию, двойственности и искажали сознание и психологию человека. В то же время системность, целостность и единство советской системы образования создавали условия для преемственности процесса обучения. Современная образовательная парадигма должна теоретически и практически утверждать уникальность каждого человека, его самоценность и индивидуальность, ориентировать на развитие ценностно-содержательной равности преподавателя и студента, ученика и учителя. Один из существенных механизмов «окультуривания» цивилизации и, в частности, ее образовательной составляющей – широкое внедрение парадигм диалога и т.п. [8, с. 196; 9, с. 10].

Выводы

Таким образом, переосмысление положительного и отрицательного ценностного опыта в сфере советского образования дает нам основание говорить о необходимости сохранения и приумножения национальных традиций в системе образования и воспитания, что позволит сберечь национальную идентичность и продемонстрировать мощную связь отечественной системы образования и воспитания с европейскими образовательными системами. Современная национальная культурно-образовательная система постсоветского общества оказалась в ситуации кардинальных изменений, связанной не только с переходом общества к другой общественно-экономической формации, основой которой является рыночная экономика, но и с созданием демократического, правового, гражданского общества, имеющего собственные идеологию, культуру, духовные ценности. В контексте создания современного непрерывного образования необходимо выделить такие составляющие национального культурно-образовательного пространства,

как: ориентация на человеческое измерение в образовательной деятельности, признание ценности и достоинства личности; преодоление отчуждения культуры и науки от образования, ориентация образования на гуманистические ценности мировой, национальной и профессиональной культур; переход от традиционных информативных монологических методов и организационных форм обучения к диалогическим. Культурно-образовательная сфера должна не только представлять особенности и своеобразие национальных традиций, но и создавать условия для интеграции этой системы в мировое культурно-образовательное пространство. Эти интеграционные процессы требуют создания такого современного культурно-образовательного пространства, в котором личность могла бы развиваться и адекватно воспринимать окружающий мир. Без эффективной современной системы образования и культуры невозможно сформировать современное общество, которое заняло бы достойное место и обладало авторитетом в мировом сообществе.

Список литературы

1. Ленин В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Соч. : в 35 т. 4-е изд. М., 1954. Т. 10. С. 65–69.
2. Дічек Н. Універсальність педагогічного новаторства В. О. Сухомлинського // Рідна школа. 2010. № 3. С. 8–11.
3. Андрушкевич Ф. Глобализационный концепт современных образовательных инноваций. Киев, 2011. 343 с.
4. Кузь О. Н., Стрижко В. А., Брунько П. В. Культура, философия, образование в стратегиях XXI века. Харьков, 2006. 260 с.
5. Ягодин Г. Перестройка высшей школы и непрерывное образование // Политическое самообразование. 1986. № 7. С. 30–39.
6. Гершунский Б. С. Педагогические аспекты непрерывного образования // Векторы высшей школы. 1987. № 8. С. 23–35.
7. Пахомов Н. Кризис в контексте глобальных перемен // Векторы высшей школы. 1990. № 9. С. 7–13.
8. Война Г. Г. Виховання як цілеспрямований процес соціалізації особистості в єдиному освітньому процесі держави // Проблеми гуманізації навчання та виховання у вищому закладі освіти. 2011. Вип. 1. С. 194–200.
9. Романовский А. Г. Концепция формирования гуманитарно-технической элиты как стратегический путь развития инженерного образования в свете Болонского процесса // Проблеми та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти. 2007. Вип. 13. С. 10–12.

Formation of the National Culture-Educational Space: the Problem of the Inheritance of the Soviet Experience

I. G. Mukhina

Kharkov Institute of Finance
Pereulok Pletnivsky, 5, 61000 Kharkov, Ukraine
E-mail: 19muhina67@mail.ru

In this article the analysis of the destination key point of the modern education is described and also the series of problems that take place in the national system of education and culture is disclosed. We pay attention to the role of the religion in the spiritual life of the society and we develop

the problem of the ideological and spiritual content of the modern education. It is the formation of the national culture-educational space which is impossible without the rethinking of the positive and negative soviet experience that is underlined. We also pay attention to the axiological approach to the formation of the modern educational system. The question of search strategies educational process and the modernization of native education are analyzed.

Key words: cultural-education's space, knowledge, culture, values, experience.

References

1. Lenin V. I. *Sotsializm i religiya* (Socialism and religion). Sochineniya: v 35 t. 4-e izd. (Works: in 35 vol. 4 ed.). Moscow, 1954. Vol. 10, pp. 65–69.
2. Dichek N. Universalnist pedagogichnogo novatorstva V. O. Sukhomlinskogo (Universal of pedagogics innovation of V. O. Sukhomlinsky). *Ridna shkola* (The native school), 2010, no. 3, pp. 8–11.
3. Andrushkevich F. *Globalizatsionnyy kontsept sovremennykh obrazovatelnykh innovatsiy* (The globalization concept of modern education innovations). Kiev, 2011. 343 p.
4. Kuz O. N., Striznko B. A., Brunko P. V. *Kultura, filosofiya, obrazovaniye v strategiyakh XXI veka* (Culture, philosophy, education in strategies of XXI century). Kharkov, 2006. 260 p.
5. Yagodin G. *Perestroyka vysshey shkoly i nepreryvnoye obrazovaniye* (The rebuilding of higher school and unremitting education). *Politicheskoye samoobrazovaniye* (The political self-education), 1986, no. 7, pp. 30–39.
6. Gershunskiy B. S. *Pedagogicheskiye aspekty nepreryvnoye obrazovaniya* (The pedagogic aspects of unremitting education). *Vektory vysshey shkoly* (The vectors of higher school), 1987, no. 8, pp. 23–35.
7. Pakhomov N. *Krizis v kontekste globalnykh peremen* (The crisis in context global changes). *Vektory vysshey shkoly* (The vectors of higher school), 1990, no. 9, pp. 7–13.
8. Voyna G. G. *Vykhovannya yak tselespryamovanyy prothesotsializatsii osobystosti v edynomu osvritnomu protsesi derzhavy* (The upbringing as purposeful process of socialization of personality in united educational state process). *Problemy gumanizatsii navchanny ta vykhovannya u vyshchomu zakladi osvity* (The problem of humanization instruction and upbringing in higher institutes of learning), 2011, no. 1, pp. 194–200.
9. Romanovskiy A. G. *Kontseptsiya formirovaniya gumanitarno-tekhnicheskoy elity kak strategicheskoy put razvitiya inzhenerenogo obrazovaniya v svete Bolonskogo protsessa* (The conception of formation of humanitarian and technical elite as strategic way development of engineering education in the Bologna Process). *Problemy ta perspektyvy formuvannya natsionalnoy gumanitarno-tekhnicheskoy elity* (The problem and perspective of formation of national humanitarian and technical elite), 2007, no. 13, pp. 10–12.

УДК 37(091)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Родькина

Родькина Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующей по воспитательно-образовательной работе, детский сад «Зернышко» (г. Балашов)
E-mail: rodkina-e@bk.ru

В статье представлен анализ историко-педагогического аспекта изучения инновационной педагогической деятельности, который позволил сделать выводы о том, что инновационность всегда была свойственна педагогической действительности, определяла процессы ее обновления, совершенствования и развития, о чем свидетельствует история становления педагогической мысли. Наиболее радикальные инновационные процессы в педагогической теории и практике развивались в конце XIX – начале XX вв., именно в этот период развития общества обострился интерес к формирующейся личности в связи с достижениями в различных областях человековедения. Инновации в образовании и обучении тесно связаны с изменениями в обществе и обусловлены ими; изменения в обучении и воспитании, в первую очередь, проявляются в целях и задачах образования, начинаясь, как правило, во внеучебной деятельности, постепенно переходя на общеобразовательную школу, а затем – профессиональную и высшую.

Ключевые слова: инновации, инновационные процессы, инновационная педагогическая деятельность.

Инновационная педагогическая деятельность, охватывая все сферы образовательного процесса, выступает как одна из наиболее актуальных тенденций современной общественной жизни. Однако не следует думать, что стремление к новому присуще лишь современной педагогической теории и практике. Как отмечается в ряде исследований, «изменения характерны не только для нашего времени, нашего общества и нашей жизни – они отражают одно из основных свойств природы вообще, являясь отражением и выражением вечного человеческого беспокойства, борьбы человека за лучшую жизнь, постоянного поиска чего-то нового, лучшего» [1].

Инновационность всегда была свойственна педагогической действительности, определяла процессы ее обновления, совершенствования и развития, о чем свидетельствует история станов-

ления педагогической мысли. Еще в Древней Греции зародились и дошли до наших дней знаменитые сократические беседы, которые сегодня в педагогической теории и практике относят к одному из инновационных педагогических методов и считают прообразом проблемного и развивающего обучения.

Инновационной для своего времени была педагогическая теория и практика великого чешского дидакта Я. А. Коменского, который заложил основы классно-урочной системы, ввел в режим деятельности школы основополагающие понятия: «учебный год», «триместр», «каникулы», «учебный день», «урок», «перемена», «класс» и т.д. Его считают одним из первых педагогов, обосновавших принцип природосообразности как основу саморазвития личности. Природное в человеке, по его мнению, обладает самостоятельной и самодвижущей силой. В его теории ребенок предстает как «микрокосм», закономерности формирования личности которого тесно взаимосвязаны с глобальными законами природы. В соответствии с этим Я. А. Коменский считал, что воспитанник самостоятельно должен осмысливать и деятельностью осваивать мир.

Ж.-Ж. Руссо, выдающийся философ эпохи Просвещения полагал свободное воспитание основой развития личности, при котором «ребенок живет в радости, самостоятельно осязая, слушая, наблюдая мир, духовно обогащаясь, удовлетворяя жажду познания» [2, с. 197], главными ценностями считал свободу, равноправие, достоинство, необходимость воспитывать добрые чувства, суждения и волю.

К. Роджерс в своей концепции основывается на противопоставлении двух типов обучения: когнитивного и опытного. Когнитивный тип он сопоставляет с традиционным обучением, в основе которого жесткое усвоение знаний и управление развитием личности, опытное обучение формирует личностное развитие ученика и его эмоциональную сферу. Личный опыт ученика, по его мнению, является самоценным и выступает единственным критерием оценки жизненных событий. Личность самостоятельно развивается в ходе учения, получая от этого удовлетворение, что оказывает решающее воздействие на формирование человека. Подобное обучение призвано «помочь ученикам достичь полноты своего самосуществования».

Основатель антропософии, немецкий философ и педагог Р. Штейнер в основу первой Свободной вальдорфской школы положил концепцию развития личности, базирующуюся на индивидуальном подходе к учащимся; устранялись раздельное обучение девочек и мальчиков, деление по социальному статусу, степени одаренности и принадлежности к различным вероисповеданиям. Р. Штейнер отмечал, что «самая важная проблема всякого человеческого мышления следующая:

понять человека как основанную на себе самой свободную личность» [3, с. 48, 49].

Психолого-педагогическая концепция становления ребенка Р. Штейнера заключается в том, что в любом возрасте формирующийся человек осознает свое собственное личное существо. Как отмечается в историко-педагогических исследованиях, Р. Штейнер на основе антропософии, изучающей человека в телесном, душевном и духовном аспектах, создал педагогику, включающую развитие и саморазвитие целостной личности, ее способностей к познанию, искусству, развитие ее чувств, моральных задатков и религиозных переживаний. Как отмечает В. И. Андреев: «Вальдорфская педагогика – это педагогика свободы и учеников, и учителей в их свободном творческом саморазвитии и самореализации» [4].

Безусловно, новаторской для своего времени была педагогическая теория и практика основоположника отечественной педагогики К. Д. Ушинского, который, последовательно раскрывая идею самодавлеющей ценности человеческой личности, писал: «Всякое общество, и государство, и союз государств существует только ради личности человека и в ней одной находит разумное оправдание своего существования» [5, с. 378]. Выдающийся отечественный педагог был уверен, что для успешного общественного развития необходимо воспитывать активную, самостоятельную, свободную человеческую личность. Он подчеркивал, что «дело <...> воспитания <...> состоит именно в том, чтобы воспитать такого человека, который вошел бы самостоятельной единицей в цифру общества» [5, с. 483].

По мнению К. Д. Ушинского, человек создает и познает себя сам в процессе активной жизнедеятельности. Обосновывая свою концепцию, К. Д. Ушинский писал: «Душа человека узнает сама себя только в собственной своей деятельности» [5, с. 256]. Назвав человека предметом воспитания, педагог имел в виду не жесткое управление процессом формирования и развития личности, а искусство «удовлетворять величайшую из потребностей человека и человечества – их стремление к усовершенствованию в самой человеческой природе» [5, с. 392].

Наиболее радикальные инновационные процессы в педагогической теории и практике развивались в конце XIX – начале XX вв., именно в этот период обострился интерес к формирующейся личности в связи с достижениями в различных областях человековедения: следует отметить Э. Кей (движение за свободу в воспитании личности), Д. Дьюи (рабочая школа и активная школа), Р. Штайнера (Свободная вальдорфская школа), С. Френе (конструирование развивающей среды), Д. Килпатрик (метод проектов), М. Монтессори (система развивающего воспитания).

В трудах французского педагога и философа С. Френе обоснована такая концепция развития

личности, в которой решающее значение имеет собственный опыт ребенка, приобретенный в микросоциуме. Важнейшим условием, по его мнению, является конструирование среды, в которой происходит обучение и саморазвитие личности, поскольку ребенок должен сам создавать свою личность, раскрывать свои потенциальные возможности, творчески развивать себя, самоактуализироваться. Он описывал модель «детского заповедника», где целью воспитания выступает «максимальное развитие личности ребенка в разумно организованном обществе, которое будет служить ему и которому он сам будет служить» [6, с. 281].

Он считал, что ребенок должен не заучивать материал, главное – его здоровье, стремление к знаниям, развитие его творческих возможностей, полная самореализация потребностей и создание благоприятной среды, оборудования и технических средств, обеспечивающих живой воспитательный процесс, поддерживающей собственную активность ребенка.

В отечественной педагогике также развивалась инновационная деятельность: в результате этого были разработаны интересные нововведения, многие из которых еще ждут своих исследователей. К ним можно отнести работу с трудновоспитуемыми подростками (коммуна им. Горького А. С. Макаренко, школа им. Ф. М. Достоевского В. Н. Сороки-Росинского), Дальтон-план (технология бригадно-лабораторного метода, работа на основе дифференцированного подхода к учащимся), антропологический принцип в педагогике (К. Д. Ушинский) и многое др.

Наиболее ярким примером инновационной педагогической теории и практики были эксперименты выдающегося отечественного педагога С. Т. Шацкого. Сущность его подхода к педагогической деятельности, «которая должна быть живой, движущейся, ищущей», основана на идеях самоуправления и саморазвития. Еще в начале педагогического пути, обосновывая принципы организации колонии «Бодрая жизнь», он писал: «Дети должны почувствовать себя маленькими распорядителями своей общей жизни» [7, с. 10]. Идея самостоятельности развивающейся и формирующейся личности явилась основой педагогической концепции С. Т. Шацкого. Он многократно подчеркивал, что «воспитание человека должно быть воспитанием его самостоятельности и в этом стремлении не нужно останавливаться на полдороге» [7, с. 11]. Эта идея нашла научное обоснование и практическое воплощение в работе первой опытной станции, которая, по существу, была уникальным научно-производственно-педагогическим объединением, где решалась важная социально-педагогическая задача – организовать разнообразную, разносторонне развивающую и воспитывающую деятельность детей на основе самостоятельности. В связи с этим в педагогиче-

ской теории и практике С. Т. Шацкого особое внимание уделено проблеме педагогического руководства, в результате чего разработана технология перерастания образования в самообразование, а воспитания – в самовоспитание. Одним из эффективных путей саморазвития личности в практике С. Т. Шацкого выступала творческая деятельность во множестве ее проявлений, что в контексте проблематики нашего исследования является наиболее ценным. Следует отметить, что С. Т. Шацкий одним из первых высказал мысль: раз педагогика – синтез науки и искусства, то и реализовывать ее надо приемами и методами искусства.

Для исследования инновационной деятельности немаловажное значение имеют теория и практика А. С. Макаренко, которым проанализированы управленческие условия, гуманистическая ориентация педколлектива, психологическая готовность участников педагогического процесса, методическое обеспечение [8].

Резюмируя сказанное, можно отметить, что анализ научной литературы и исследование массового и инновационного опыта позволяют сделать вывод о том, что ведущими тенденциями функционирования инновационного образовательного учреждения на современном этапе являются:

потребность общества в образовательных учреждениях, которые готовы к работе в новом режиме как многофункциональные учебные заведения, осуществляющие интегрированную образовательную подготовку и дающие возможность реализовывать дополнительные общеобразовательные программы;

взаимодействие школы с региональными и муниципальными инфраструктурами и оперативное удовлетворение их потребностей;

функционирование в режиме развивающей среды и создание благоприятных условий жизнедеятельности, которые способствуют реализации принципов личностно ориентированного образовательного процесса, конкурентоспособность учебных заведений;

многоуровневость;

широкая дифференциация содержания образовательной деятельности данных учебных учреждений при сохранении базовых компонентов общеобразовательных программ.

Вместе с тем следует отметить, что анализ деятельности различных по педагогическому содержанию инновационных школ указывает на наличие ряда положительных и негативных характеристик. К позитивным характеристикам относят:

активность и самостоятельность педагогов; вовлеченность родителей в дела школы и сознательный выбор родителями этой школы;

наличие у школы собственного лица, способствующего формированию «духа школы», школьного патриотизма;

энтузиазм педагогического коллектива и стремление опираться на собственные силы;

установка педагогов на самообразование и саморазвитие, ориентация на общекультурное развитие, освоение фундаментальных психолого-педагогических и специальных знаний.

Одним из первых в отечественной педагогике заговорил о самоценности детства как жизни В. А. Сухомлинский, который писал: «Детство – важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь» [9, с. 12]. В своей педагогической концепции В. А. Сухомлинский наиболее полно отразил влияние творческой деятельности на формирование ребенка, при этом намечая различные пути саморазвития личности воспитанника. Представляя свое обоснование этой позиции, В. А. Сухомлинский отмечал: «Нельзя сводить духовный *мир* маленького человека к учению. Он должен быть не только школьником, но, прежде всего, человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями. Подлинная школа – это многогранная духовная жизнь детского коллектива, в которой воспитатель и воспитанник объединены множеством интересов и увлечений» [9, с. 15–16].

В конце 1950 – начале 1960-х гг. перед школой был поставлен заказ – связать обучение и воспитание с реальными социальными условиями: с жизнью и трудом. Инновации в педагогической деятельности этих лет касались только совершенствования методики обучения в рамках отдельных предметов или отдельных приемов и методов работы. Наиболее эффективно велась работа по следующим направлениям:

- интеграция обучения с трудом (Ставрополь);
- поиски путей и средств преодоления второгодничества (Ростов на-Дону);
- совершенствование учебного процесса на уроке (Липецк);
- возможности проблемного и программированного обучения (Казань).

Инновационная педагогическая деятельность тех лет обогатила педагогическую науку и практику нетрадиционной структурой урока, методиками проблемного и программированного обучения, разнообразными формами индивидуальной работы с учащимися. Однако интеграции педагогических инноваций в массовую педагогическую практику не произошло в силу ряда объективных причин:

педагогические инновации затрагивали не целостную систему работы учителя, но лишь некоторые её фрагменты и объявлялись «универсальными методами»;

учителя, в массе своей не имеющие должной научно-теоретической базы, не были готовы использовать в своей практике инновационные разработки ученых;

система управления народным образованием была заформализована и бюрократична, новые

воспитательно-образовательные методики внедрялись при использовании административного ресурса, без учета специфики учреждения и возможностей конкретного коллектива и педагога.

Особенно интенсивными стали инновационные процессы в педагогической теории и практике в последние годы. Значительные преобразования общества требуют создания школы нового типа, в основе которой лежит принцип инвариативности образования, целью которого является подготовка молодого поколения к адаптации в социуме и его преобразованию, развитие творческих потребностей и способностей человека, стимулирование процессов его самореализации. Нынешний этап инновационной педагогической деятельности определяется сложнейшей социальной задачей реформирования системы образования в соответствии с требованиями новой образовательной парадигмы и условиями современной социокультурной ситуации. Это вызвало небывалый рост педагогических инноваций: появились новые концепции, авторские школы, экспериментальные методики, новаторские технологии; актуализировались идеи гуманизации и гуманитаризации обучения и воспитания; разработана концепция личностно ориентированного образовательного процесса.

Усиление инновационной педагогической деятельности на современном этапе, глубинный характер большинства выдвигаемых идей и сила их влияния на массовую практику обусловлены, на наш взгляд, следующими причинами:

- масштабностью социальных задач, адресованных школе;
- решением вопросов образования на государственном уровне;
- возможностью консолидировать усилия педагогов-теоретиков и учителей-практиков;
- возросшей инициативой педагогов, осознающих актуальные требования времени;
- гибкостью управленческой структуры, дающей отдельным учителям и целым коллективам возможность вести экспериментальную работу;
- широкой пропагандой педагогических инноваций по различным каналам коммуникативной связи;
- высоким уровнем массовой педагогической практики, обусловленным теоретико-методологической и организационно-методической подготовленностью современных учителей.

Инновационная педагогическая деятельность, связанная с поиском новых форм, средств и содержания школьного образования, чрезвычайно расширила представления о путях управления интеллектуальным и нравственным развитием школьников. Появление авторских учебных программ, в которых получили выражение высокая профессиональная культура и духовные устремления их создателей, стало важным симптомом ломки традиционных рамок, определяющих содержание обучения в школе. Программы,

разработанные художниками и музыкантами (Б. М. Неменским, Д. Д. Кабалевским), философиями (В. С. Библером, Г. С. Батищевым), историками и математиками, явились каналом проникновения новых идей, заставивших переосмыслить содержание учебных программ в соотношении с масштабами всей современной культуры.

Нововведения охватили не только учебную деятельность, но и внешкольное время учащихся. Наметились разнообразные организационные формы совместной жизни детей и взрослых, объединенных культурно-продуктивными проектами, включающими реставрацию, проявления милосердия, экологические инициативы, историко-познавательный туризм, межличностное общение. Начало обретать новаторские формы движение, направленное на гуманизацию закрытых детских учреждений: детских домов, интернатов для неблагополучных детей. Стали обсуждаться вопросы инклюзивного образования и воспитания детей с разными формами сенсорных и умственных дефектов, появился новый опыт успешного развития таких детей, помещенных в нормальную детскую среду.

Особую линию инноваций продолжили начинания в сфере личностного развития, которые стали очень интенсивно заполнять вакуум позитивного личностного общения и творческой самоактуализации. Эти начинания также вносят изменения в систему жизненных, социокультурных позиций и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей друг к другу и социальной действительности в целом.

Особенностями нынешнего этапа инновационной деятельности являются интерес к педагогическому наследию, анализ новаторских достижений прошлого, интеграция старых идей в современное образовательное пространство в соответствии с требованиями времени. Многие продуктивные педагогические идеи современности опираются на инновационные поиски и находки 1920, 1930, 1950-х гг. Так, в методике крупноблочного изучения материала, разработанной В. Ф. Шаталовым, видят влияние комплексно-целевых программ Государственного

ученого совета (1923–1925 гг.); в создании классов выравнивания лежит принцип исследовательских методик обучения (Дальтон-план) и авторской школы С. Т. Шацкого; систему опережающего обучения С. Н. Лысенковой соотносят с методикой комментированного письма липецких учителей; на практических занятиях по физике, химии, биологии успешно применяют элементы бригадно-лабораторного метода.

Таким образом, анализ историко-педагогического аспекта изучения инновационной педагогической деятельности позволяет сделать ряд выводов:

инновации в образовании и обучении тесно связаны с изменениями в обществе и обусловлены ими;

изменения в обучении и воспитании, в первую очередь, проявляются в целях и задачах образования;

изменения в содержании и структуре образовательно-воспитательной работы происходит каждые 5–7 лет;

инновационные процессы в обучении и воспитании, начинаясь, как правило, во внеучебной деятельности, распространяются в общеобразовательной школе, а затем охватывают профессиональную и высшую.

Список литературы

1. Педагогика : педагогические теории, системы, технологии : учеб. пособие / под ред. С. А. Смирнова. М., 1999. 512 с.
2. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие. М., 1989. 416 с.
3. Штейнер Р. Истина и наука. М., 1992. 56 с.
4. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития : инновационный курс. М., 1997. 567 с.
5. Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1974. 440 с.
6. Френе С. Избр. пед. соч. / пер. с франц. М., 1990. 304 с.
7. Шацкий С. Т. Избр. пед. соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1980. 304 с.
8. Маанди Н. Школа моей мечты // Народное образование. 1995. № 3. С. 5–6.
9. Сухомлинский В. А. Павлышская средняя школа. М., 1979. 393 с.

The Historical Aspect of Studying Innovative Pedagogical Activity

Ye. V. Rodkina

Kindergarten «Zyornyshko»
Ulitsa Sportivnaya, 5, 412300 Balashov, Russia
E-mail: rodkina-e@bk.ru

The paper gives an analysis of the historical and pedagogical aspect of studying innovational pedagogical activities which allows us to make the following conclusions: innovativeness has always been characteristic of educational work, determined the processes of its renovation, improvement and development as evidenced by the history of the formation of pedagogical ideas. The most radical innovative processes in pedagogical theory and practice were developing at the end of the 19th and the beginning of the 20th century when the progress in various spheres of humanology sharpened an interest in a forming personality. The most intensive are innovative processes in pedagogical theory and practice in the recent years. Innovations in education and teaching are closely connected with the changes in society and conditioned by them. The changes in teaching and upbringing firstly manifest themselves in aims and tasks of education beginning, as a rule, in extra-educational activity then gradually going on in a general educational school and after that in professional and higher schools.

Key words: innovations, innovative processes, innovative pedagogical activity.

References

1. *Pedagogika: pedagogicheskiye teorii, sistemy, tekhnologii* (Pedagogy: pedagogical theories, systems, technologies). Ed. by S. A. Smirnov. Moscow, 1999. 512 p.
2. Komensky J. A., Lock J., Rousseau J.-J., Pestalozzi J. H. *Pedagogicheskoye naslediyе* (Pedagogical heritage). Moscow, 1992. 486 p.
3. Steiner R. *Truth and knowledge*. N.Y., 1981. 110 p. (Russ. ed.: Shteiner R. *Istina i nauka*. Moscow, 1992. 56 p.)
4. Andreyev V. I. *Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya: innovatsionnyy kurs* (The pedagogy of creative self-development: An innovative course). Moscow, 1997. 567 p.
5. Ushinskiy K. D. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochine-niya: v 2 t.* (Selected pedagogical works: in 2 vol.) Vol. 2. Moscow, 1974. 440 p.
6. Freinet C. *Ockrvres pedagogiques: 2 t.* P., 1994. T. 2. 720 p. (Russ. ed. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya: v 2 t.* (Selected pedagogical works). Moscow, 1990. 304 p.
7. Shatskiy S.T. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* (Selected pedagogical works: in 2 vol.). Vol 1. Moscow, 1980. 304 p.
8. Maandi N. *Shkola moyey mechty* (A school of my dream). *Narodnoye obrazovaniye* (People's education), 1995, no. 3.
9. Sukhomlinskiy V. A. *Pavlyshskaya srednyaya shkola* (The secondary school of Pavlyshsk), Moscow, 1979. 393 p.

УДК 378.14:159.923

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В. М. Смирнова

Смирнова Валентина Михайловна – зав. отделом досуговых, творческих и оздоровительных программ, Саратовский государственный университет
E-mail: smirnova04@bk.ru

В статье обосновывается необходимость формирования аутопсихологической компетентности у студентов педагогических специальностей в период их вузовского обучения. Результатом работы стала авторская модель формирования аутопсихологической компетентности студентов, областью ее применения является процесс подготовки будущих педагогов. Апробация модели подтвердила ее эффективность, индикатором этого стал переход студентов с низкого на высокий уровень сформированности аутопсихологической компетентности. В ходе эксперимента доказана взаимообусловленность аутопсихологической компетентности с эффективным вхождением молодого специалиста в профессиональную деятельность. Модель не предполагает кардинальной перестройки сложившейся системы вузовского обучения, для ее внедрения рекомендовано использовать аудиторные занятия предметов психолого-педагогического цикла, профессиональные практики, включение в общественно значимую деятельность. Подчеркивается, что актуализация внутреннего потенциала личности выступает фактором повышения качества профессиональной подготовки выпускников вуза.

Ключевые слова: аутопсихологическая компетентность, самопреобразующая деятельность, модель формирования аутопсихологической компетентности.

Современное высшее образование является сегодня одним из ведущих социальных институтов общества, обеспечивающим «...подготовку <...> высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности...» [1, с. 6]. Вместе с тем научные исследования, посвященные профессиональной педагогической деятельности, показывают, что учителя работают в неблагоприятных в психологическом отношении условиях,

поскольку в процессе обучения и воспитания постоянно сталкиваются с трудно прогнозируемыми (нередко конфликтными) ситуациями взаимодействия с детьми, их родителями (лицами их замещающими). В результате этого у педагогов довольно часто возникают стрессовые состояния, приводящие к хронической усталости, нервным срывам, ухудшению здоровья, что, в свою очередь, вызывает существенное снижение работоспособности, увеличивая вероятность принятия ошибочных решений (С. В. Банькина, М. Р. Битянова, В. И. Журавлев, Е. А. Климов и др. [2–5]). Данная проблема обозначает запрос на формирование у выпускников педагогических специальностей вуза аутопсихологической компетентности, наличие которой позволяет специалисту решать различные задачи как профессионального, так и личного характера.

Анализ научных трудов (Н. В. Кузьминой, К. А. Абульхановой-Славской, А. А. Деркача, Н. Е. Паевской и др. [6–9]), а также проведенное автором исследование позволили сформулировать общее представление об аутопсихологической компетентности, согласно которому она представляет собой самопреобразующую деятельность (самопознание, саморазвитие, саморегуляцию, самопомощь) на основе системы психологических знаний о себе, а также умений и навыков изменения своего внутреннего состояния для достижения значимых результатов в профессиональной деятельности. Считается, что аутопсихологическая компетентность отражает спектр составляющих – активность, гибкость, адаптивность, стрес-

соустойчивость, креативность. Но чаще всего она трактуется с позиции готовности к деятельности, критериями которой выступают мотивация, личная ответственность за собственное поведение и владение продуктивными психотехниками, позволяющими реально перейти к осознанию себя, своей жизни, включиться в самоуправляемое профессиональное саморазвитие, саморегуляцию, самопомощь.

Не вызывает сомнения тот факт, что наличие во внутренних структурах личности студентов аутопсихологической компетентности является мощным фактором, способным существенно повысить качество профессиональной подготовки будущих педагогов. Действительно, как справедливо утверждает Л. А. Степнова, именно аутопсихологическая компетентность позволяет профессионалу «регулировать интраиндивидуальное (внутриличностное) пространство, являясь результатом целенаправленной психической работы по получению нового знания о себе, регуляции психических состояний и свойств, изменению личностных черт и поведенческих характеристик с целью достижения вершин профессионального мастерства» [10, с. 12].

Отметим, что, несмотря на свою актуальность и значимость, аутопсихологическая компетентность пока не выделена в отдельную группу обязательных компетенций, обозначенных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Однако аналогичные ей понятия обозначены в общекультурных и профессиональных компетенциях. Например, в ФГОС ВПО по направлению подготовки «Педагогическое образование» (050100) обращается внимание на необходимость формирования у студентов «знаний способов профессионального самопознания и саморазвития, <...> умений использовать методы психологической и педагогической диагностики для решения профессиональных задач, <...> умений на практике создавать педагогически целесообразную и психологически безопасную образовательную среду» [11, с. 12–13].

Мы уверены, что проблема формирования аутопсихологической компетентности у студентов вуза важна не только на уровне теории, но и на уровне практики. В этой связи, обратившись к теории педагогического моделирования, опираясь на понимание аутопсихологической компетентности как уникального типа самопреобразующей деятельности, востребованной в работе современного педагога, мы разработали модель формирования у студентов педагогических специальностей вуза аутопсихологической компетентности (рисунок). Данная модель не предполагает кардинальной перестройки сложившейся системы вузовского обучения, ориентируя на оптимизацию имеющихся ресурсов через единство аудиторной, внеаудиторной и самостоятельной видов деятельности студентов. Модель представляет собой

теоретическое видение возможности организации процесса формирования аутопсихологической компетентности (мотивационно-целевой, когнитивный, организационно-содержательный, операционный и результативно-оценочный блоки). В ней заложен традиционный механизм профессиональной подготовки, однако корректировка его целей, задач, направленных на формирование аутопсихологической компетентности, позволила наполнить модель соответствующим содержанием, отобразить наиболее адекватные формы, методы и разработать критериальный аппарат оценки эффективности изучаемого процесса. Апробация модели осуществлялась нами в ходе опытно-экспериментальной работы в период с 2007 по 2012 г. Программа эксперимента включала четыре этапа: анализ исходного состояния (I), проектирование эталонного состояния (II), планирование изменений (III), реализация изменений (IV).

Первый этап был связан с усилением проблематики аутопсихологической компетентности педагога. С этой целью у студентов формировалась база знаний о её сущности, механизмах и значимости для педагогической деятельности. Одновременно студенты экспериментальной группы включались в работу по анализу исходного состояния собственной личности, выявлению сильных и слабых сторон, для чего использовался прием составления «описы» сторон своего «Я».

На втором этапе мы посчитали необходимым акцентировать внимание студентов на самоактуализации личности. В этой связи большое место отводилось информации об «идеальном» учителе, создавались ситуации для развития качеств, способностей и умений, позволяющих студентам идентифицировать себя с его отдельными характеристиками. Кроме того, в рамках факультатива «Практикум по формированию аутопсихологической компетентности студентов педагогических специальностей вуза», а также в процессе самостоятельной работы студенты знакомы с различными психотехниками, значительно расширяющими возможности как саморегуляции, так и оказания себе самопомощи.

Третий этап модели – планирование изменений в собственном поведении. В это время благодаря использованию метода анализа ситуаций, имитационных тренингов «Моделируем самопреобразующую деятельность», работы в системе «Открытое образование», с помощью ситуационно-ролевых задач и психотехник студенты отрабатывали возможности включения в психологическую саморегуляцию, адаптацию к профессиональной деятельности, саморазвитие, творческую самореализацию, самопомощь и самокоррекцию. Главным итогом этого этапа стало то, что формирование аутопсихологической компетентности воспринималось студентами не только как необходимая составляющая их профессиональной подготовки, но и как свидетельство их активной жизненной позиции.

Мотивационно-целевой блок			
Цель: формирование высокого уровня аутопсихологической компетентности (АК) у студентов педагогических специальностей вуза			
Мотивы			
Желание соответствия заказу на компетентного специалиста	Стремление к осознанию профессиональных трудностей через призму индивидуально-личностных проблем	Желание оптимальности собственного поведения	Мотивы достижения
Когнитивный блок			
Формирование базы аутопсихологических знаний: знания о себе как о личности и профессионале; общепсихологические знания о регуляции психических состояний и свойств, изменении личностных черт и поведенческих характеристик		Формирование качеств: активности, гибкости, адаптивности, стрессоустойчивости, креативности	
Организационно-содержательный блок			
Этапы формирования аутопсихологической компетентности у студентов:			
анализ исходного состояния личности	проектирование эталонного состояния личности	планирование изменений в собственном поведении	реализация изменений в себе
Операционный блок			
Единство аудиторной, внеаудиторной и самостоятельной работы ↔	Включение студентов в самообразующую деятельность:		
	деятельность на физиологическом уровне	релаксирующие, дыхательные психотехники и др.	формирование операционной составляющей АК (качества, умения, навыки самообразующей деятельности)
	деятельность на уровне осознания	техники достижения позитивного самосознания, волевой и эмоциональной саморегуляции	
деятельность на уровне личностных трансформаций	работа с Я-концепцией, включение в самопроцессы		
Результативно-оценочный блок			
Критерии сформированности АК: <i>мотивационный</i> (показатели: стремление к соответствию заказу на компетентного специалиста; осознание профессиональных трудностей через призму индивидуально-личностных проблем; желание оптимальности собственного поведения как показателя способности использовать в принятии решения прошлый опыт, мнение других, собственную точку зрения; мотивы достижения); <i>когнитивный</i> (показатели: наличие психологических знаний управления собственным поведением, качеств – активности, гибкости, адаптивности, стрессоустойчивости, креативности); <i>операционный</i> (показатели: умение компенсировать индивидуальные недостатки относительно поставленной цели профессиональной деятельности); <i>эмоционально-волевой</i> (показатели: эмпатия, сила воли).			
Уровни сформированности АК: низкий, средний, высокий			
Результат: выпускник вуза с высоким уровнем АК			

Модель формирования аутопсихологической компетентности у студентов педагогических специальностей вуза

Доминантой последнего этапа модели (реализация изменений в себе) стало формирование операционно-действенной составляющей аутопсихологической компетентности. В ходе этого этапа студенты на заключительной практике апробировали новые способы поведения, опирающиеся на изменившуюся Я-концепцию. Разработка и использование карты «Саморегуляция +», индивидуальных и коллективных проектов «Самообразующая деятельность», психотехник помогли закреплению практических аутопсихологических знаний, умений и опыта деятельности в этом направлении.

В программу заключительной практики, отчетную документацию включались задания, связанные с обязательностью использования аутопсихологических умений в ситуациях неопределенности и стрессовых ситуациях, которые довольно часто встречаются в реальной школьной жизни и с которыми педагог должен уметь справляться. На-

пример, взаимодействие педагога с детьми «группы риска», разрешение школьных конфликтов и т.п. вызывало у участников эксперимента не стремление уклониться от возникших проблем, а желание продуктивно их разрешить, используя при этом арсенал аутопсихологической компетентности.

Важным итогом последнего этапа модели стала опора студентов на индивидуальные психологические особенности, использование той или иной психотехники в зависимости от специфики педагогического взаимодействия в конкретном образовательном учреждении, перенос ранее усвоенных знаний и умений в новую ситуацию, поиск альтернативных решений, комбинирование способов деятельности применительно к возникшей педагогической проблеме. Все это создало дополнительные возможности для творческой самореализации студентов.

Сравнительный анализ итогов опытно-экспериментальной работы показал эффективность

предложенной модели формирования аутопсихологической компетентности у студентов педагогических специальностей вуза, что подтверждено количественными и качественными результатами, переходом студентов экспериментальной группы с низкого на средний и высокий уровни. Подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать, что формирование аутопсихологической компетентности студентов вуза является одним из важнейших факторов повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов.

Список литературы

1. Национальная доктрина образования в РФ до 2025 г. // Вестн. образования России. № 1. С. 4–14.
2. Баныкина С. В. Конфликтологическая служба школы : статус и содержание деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 20 с.
3. Битянова М. П. Социальная психология : учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. СПб., 2008. 368 с.
4. Журавлев В. И. Педагогика в системе наук о человеке. М., 1990. 175 с.
5. Климов Е. А. Психология профессионала. М., 2004. 232 с.
6. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М., 1990. 119 с.
7. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
8. Деркач А. А. Акмеология : личностное и профессиональное развитие человека. М., 2000. 329 с.
9. Паевская Н. Е. Социально-психологические механизмы развития аутопсихологической компетентности государственных служащих : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 22 с.
10. Степнова Л. А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 642 с.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование», раздел V «Требования к результатам освоения основной образовательной программы бакалавриата». URL.: www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/050100b.doc (дата обращения: 12.02.2013).

Model of Competence Autopsychological University Student as a Factor of the Quality of Professional Training of Future Teachers

V. M. Smirnova

Saratov State University,
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: smirnowa04@bk.ru

In the article the necessity of formation of auto-psychological competence of teaching specialties' students in their high school training is proved. The author's model of the formation of auto-psychological students' competence became the result of this work. The field of its application is a process of preparation of future teachers. The testing model has corroborated its efficiency and students' transition from low to high level of generated auto-psychological competence became the indicator of that. During the experiment the interdependency of auto-psychological competence of the young specialist in professional activity was proved. The model does not mean fundamental changes of the developed system of high school training. To introduce this, it is recommended to use classroom lessons of a psych educational subjects, professional practice, and activation in socially important activities. It should be emphasized that internal capacity of the personality foregrounding is a factor of quality improvement of professional training of university's graduates.

Key words: auto psychological competence, self-transforming activity, a model of auto psychological competence.

References

1. Natsionalnaya doktrina obrazovaniya v RF do 2025 g. (The national doctrine of education in the Russian Federation till 2025). *Vestnik obrazovaniya Rossii* (Bulletin of Russian education.), 2009, no.1, pp. 4–14.
2. Banykina S. V. *Konfliktologicheskaya sluzhba shkoly: status i sodержaniye deyatelnosti: avtoref. dic. ... kand. psikholog. nauk* (Conflictologicheskyy school service: the status and the content of activity: Cand. psych. sci. diss.). Moscow, 1997. 20 p.
3. Bityanova M. P. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social psychology). St. Petersburg, 2008. 368 p.
4. Zhuravlev V. I. *Pedagogika v sisteme nauk o cheloveke* (Pedagogics in system of sciences about the person). Moscow, 1990. 175 p.
5. Klimov E. A. *Psikhologiya professionala* (Psychology of the professional). Moscow, 2004. 232 p.
6. Kuzmina N. V. *Professionalizm lichnosti prepodavatelya i мастера производственного обучения* (Professionalism of the teacher's person and the master of inservice training). Moscow, 1990. 119 p.
7. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* (Strategy of life). Moscow, 1991. 299 p.
8. Derkach A. A. *Akmeologiya: lichnostnoye i professionalnoye razvitiye cheloveka*. (Akmeologija: personal and professional development of the person). Moscow, 2000. 329 p.
9. Paevskaya N. E. *Sotsialno-psikhologicheskiye mekhanizmy razvitiya autopsikhologicheskoy kompetentnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* (Socio-psychological mechanism of development autopsychic competence of state employee: Cand. psych. sci. diss.). Moscow, 2009. 22 p.
10. Stepnova L. A. *Razvitiye autopsikhologicheskoy kompetentnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: dis. ... doktora psikholog. nauk*. (Development autopsychic competence of civil servants: Dr. psych. sci. diss.). Moscow, 2003. 642 p.
11. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego professionalnogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 «Pedagogicheskoye obrazovanie»*, razdel V «Trebvaniya k rezul'tatam osvoiniya osnovnoy obrazovatelnoy programmy bakalavriata». URL.: www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/050100b.doc (data obrasheniya: 12.02.2013).

niyu podgotovki 050111 «Pedagogicheskoye obrazovaniye», razdel V «Trebvaniye k rezul'tatam osvoyeniya osnovnoy obrazovatel'noy programmy bakal'vriata» (The federal state educational standard of the higher education

training in a direction of preparation 050100 «Pedagogical education», section V «Requirements to results of development of the basic educational program of a bachelor degree», available at: www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/050100b.doc

УДК 378

ОПТИМИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ С ПОЗИЦИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Н. В. Тельтевская

Тельтевская Нателла Вахтанговна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики профессиональной деятельности, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Teltevskaia@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы оптимизации самостоятельной работы как особой организации учебно-познавательной деятельности студентов, стимулирующей потребность в самообразовании, самообучении и непрерывном профессиональном совершенствовании. Эффективность самостоятельной работы студентов связана с расширением поля познавательной деятельности, отношением личности к её содержанию и стремлением к достижению поставленных задач. Оптимизация самостоятельной работы студентов содействует формированию навыков самоорганизации и самообучения, выработке собственного мировоззрения и стиля деятельности. Основными условиями оптимизации являются разнообразие видов и выбор инновационных форм и методов самостоятельной работы.

Ключевые слова: оптимизация, самостоятельная работа, профессиональная компетентность, компетентностный подход, инновации.

Происходящий в стране процесс реформирования и совершенствования системы образования характеризуется поиском оптимального соответствия между сложившимися в отечественной высшей школе традициями и реализацией нововведений, отвечающих современным вызовам времени. Переход на новые учебные планы и программы с одновременным сокращением часов, отведенных на аудиторские занятия, предопределил увеличение доли самостоятельной работы студентов при изучении многих разделов и тем учебных дисциплин и обусловил необходимость поиска новых подходов к организации их учебной деятельности, контроля не только их знаний, но и процесса самостоятельной работы.

Проблеме самостоятельной работы студентов посвящены труды многих исследователей: Г. В. Ахметжановой [1], В. Д. Бушуева и С. И. Шелобаева [2, с. 141–143], В. А. Одинцовой [3], Т. А. Ольховой и В. А. Садовой [4], С. Г. Смолиной [5] и др., в которых показано ее значение:

для развития познавательной самостоятельности;

как фактора становления субъектности студентов;

для формирования умений осуществлять самоанализ, саморегуляцию, самоорганизацию, самооценку и самоконтроль;

в формировании специалистов инновационного типа; развития самостоятельности, ответственности и организованности;

для мотивации профессионального становления студентов;

как основу развития творческих способностей;

как средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность, средство её логической и психологической организации;

как средство, детерминирующее изменение отношения субъектов к окружающим явлениям и предметам.

Несмотря на различие походов к пониманию сущности и значения самостоятельной работы, практически все исследователи рассматривают её как многостороннее и полифункциональное явление, имеющее не только учебное, но и личностное и общественное значение. Самостоятельность специалиста, его способность без чьей-либо помощи квалифицированно выполнить порученную работу является показателем его конкурентоспособности на рынке труда и успешности в достижении поставленных целей. Наличие такого показателя обязательно сказывается на умении специалиста самостоятельно пополнять свои знания, мотивировать себя на их приобретение, рационально планировать и организовывать собственную деятельность, что, безусловно, повышает эффективность его профессионального обучения.

Развитие самостоятельности будущего специалиста подводит его к осознанию роли самообразования для своего профессионального становления и приводит к тому, что такая деятельность становится крайне необходимой, жизненно важной, является средством, способствующим качественному решению стоящих производственных задач. Готовность будущих специалистов к непрерывному самообразованию рассматривается

как один из необходимых компонентов профессиональной деятельности, характеризующий их квалификацию. Для того чтобы названные личностные и профессиональные показатели были сформированы у студентов, необходимо соответствующим образом организовать образовательный процесс в вузе, который будет характеризоваться расширением поля их самостоятельной деятельности с использованием современных форм и технологий обучения (информационных, модульных, телекоммуникационных, компьютерных, медиатехнологий и др.).

Самостоятельная работа способствует преобразованию обучения в самообразование, что детерминирует изменение отношения субъектов к окружающим явлениям и предметам, влияет на их ценностные установки. В дидактическом плане самостоятельная работа выступает и как основной метод приобретения знаний, навыков и умений, и как одна из организационных форм обучения. Овладение методом самостоятельной работы необходимо обучающимся для успешного усвоения учебных программ, а главное – для активной, творческой профессиональной деятельности после завершения учебы. Как метод познания изучаемого материала самостоятельная работа охватывает все формы учебного процесса (академические занятия, различные виды практик, подготовку к занятиям и др.) и представляет собой совокупность применяемых обучающимися соответствующих методических приемов. Как организационная форма она требует специального времени, места, обеспечения, руководства ею и протекает в различных условиях учебной деятельности.

Вместе с тем самостоятельную работу следует рассматривать как вид учебно-познавательной деятельности, стимулирующей потребность в самообразовании, самообучении и непрерывном профессиональном совершенствовании, что возможно лишь на основе постоянного включения различных видов самостоятельной деятельности обучающихся. Придерживаясь мнения Ю. К. Бабанского по вопросу о сущности оптимизации, заключающейся в «максимально возможной в имеющихся условиях эффективности и качестве решения поставленных задач» [6, с. 17–18], мы определили условия организации самостоятельной работы студентов. Под таковыми мы понимаем *внешние обстоятельства, оказывающие существенное влияние на протекание педагогического процесса и предполагающие достижение определенного результата*. К числу основных условий отнесем *разнообразие видов самостоятельной работы*. Любой вид самостоятельной работы предполагает наличие учебных заданий, являющихся ее основным дидактическим признаком, которые можно разделить на теоретические и практические. При этом если

задания имеют узкопрофильную направленность в соответствии со специализацией, целесообразно различать их по преобладающему признаку: теоретически-профессиональные и практически-профессиональные. С этой целью целесообразно предлагать студентам задания познавательно-поискового и исследовательского типов, которые могут содействовать нахождению перспективных решений, отходу от привычных стандартных решений, их научного обоснования с последующей апробацией. Выполнение подобных заданий основывается на познавательной самостоятельности и характеризуется стремлением и умениями обучающихся действовать самостоятельно. Это предопределяет необходимость такой организации их деятельности, которая оказывает влияние на развитие личности, «поскольку внешний план действий переходит во внутренний, смысловой план, а развитие психических процессов (интеллектуальных, анемических, эмоционально-волевых) претерпевает экстернизацию (переходя из внутреннего плана в последующие предметные действия), включаясь в процессуальные стороны действительности, поднимают действия и деятельность в целом на более высокий уровень» [7, с. 91]. Поэтому познавательную самостоятельность следует рассматривать как качество деятельности, в которой проявляется отношение личности к содержанию, характеру деятельности и стремление к достижению поставленной задачи, и как фактор, детерминирующий творческую активность.

Формирование познавательной самостоятельности обучающихся будет эффективным при выполнении ряда требований:

диагностики уровня самостоятельной деятельности обучающегося и прогнозирования ее развития с учетом психолого-педагогических и возрастных особенностей каждой группы, образовательного ценза каждого входящего в нее индивида и других показателей;

обучения самоорганизации деятельности обучающегося, предусматривающего вооружение умениями самостоятельно формулировать цели и выбор ее ориентировочной основы, планирование работы и нахождение путей реализации своего плана, анализ собственной деятельности и внесение в нее корректив.

Учет того фактора, что студенты обладают разным уровнем подготовленности к выполнению самостоятельной работы, предполагает предъявление им различных по характеру деятельности заданий, которые могут быть:

1) воспроизводящими (работы по образцу), включающими задачи на воспроизведение знаний, умений. К таким заданиям можно отнести работу с учебником, текстом лекции, различными источниками информации, тренировочные упражнения по образцу и др. Выполняя такого вида самостоятель-

ную работу, студенты накапливают фактические данные, служащие основой для усвоения знаний на более высоком уровне сложности и выработки необходимых способов деятельности;

2) реконструктивными (работы, связанные с актуализацией имеющихся и поиском новых знаний, необходимых для решения поставленных задач), при выполнении которых студенту необходимо преобразовать их применительно к условиям предъявляемого задания. К таким заданиям можно отнести проведение анализа материала по конкретным источникам, написание эссе и рефератов, подготовку докладов и сообщений и др.;

3) эвристическими (работы, в которых задаются нестандартные ситуации или нетиповые задачи), предполагающими поиск, выдвижение гипотез и нахождение нового решения. К ним можно отнести курсовые и выпускные квалификационные работы, творческие задания в рамках курса по выбору и др.;

4) исследовательскими (работы, требующие для их выполнения высокого уровня познавательной самостоятельности и творческой деятельности), благодаря которым студенты более глубоко познают сущность изучаемого явления, выдвигают новые идеи, находят новые решения учебных и научных проблем благодаря тому, что они вызывают у них интеллектуальные затруднения, возбуждают познавательный интерес, создают внутренние психологические условия для активного и самостоятельного усвоения новых знаний.

Еще одним значимым для оптимизации самостоятельной работы условием является *использование инновационных форм и методов с выявлением их возможностей для формирования компетенций будущих специалистов*, благодаря чему студент не только усваивает знания и способы их получения, но и сам создает новые знания и приобретает новый опыт.

Используемые формы, методы и средства обучения должны быть тесно увязаны с познавательной активностью, которая с учетом современных тенденций в образовании проявляется в отношении обучающихся к учению, стремлении проникнуть в сущность явлений и их взаимосвязей, к овладению способами деятельности. Инновационные формы и методы самостоятельной работы, как показано в работах исследователей, обеспечивают активность студентов, профессиональную компетентность, формируют у них способности принимать самостоятельные решения, выработку собственного мировоззрения и стиля деятельности.

Разумеется, отбор инновационных форм, методов и средств самостоятельной работы студентов должен осуществляться с учётом их функционального назначения – содействия формированию определенных компетенций (общекультурных, когнитивных, информационных,

коммуникативных и др.) Рассмотрим возможности отдельных инновационных методов для формирования компетенций на примерах.

В настоящее время получил широкую известность кейс-метод, использование которого связано с изменениями в современном образовании, с его направленностью не столько на освоение конкретных знаний и умений, сколько на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала студента. Главная особенность метода заключается в изучении и осмыслении реальной жизненной ситуации, отражающей какую-либо практическую проблему, для решения которой необходима актуализация определенных знаний. При этом сама проблема не имеет однозначных решений [8].

Использование кейс-метода способствует развитию у студентов умений решать проблемы с учетом конкретных условий при наличии фактической информации, самостоятельности мышления, умений выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения и приводить аргументы в пользу своей точки зрения. Как показывает зарубежный опыт, метод эффективен для формирования таких ключевых компетенций будущего специалиста, как коммуникабельность, лидерство, способность воспринимать и оценивать информацию, отстаивать свою позицию. При этом знания и умения приобретаются студентами в результате активной творческой работы.

Эффективным в плане формирования профессиональных компетенций является, как показано в работах В. Васильева, В. В. Гузеева, В. М. Монахова, В. С. Полат, метод проектов, направляющий учебно-познавательную деятельность студентов на получение результата при решении предложенной им какой-либо значимой проблемы. В основе метода проектов лежит умение ориентироваться в информационном пространстве, самостоятельно конструировать свои знания, осуществлять творческий подход к нахождению путей решения поставленной задачи.

В итоге студенты приобретают знания и умения самостоятельного планирования и выполнения постепенно усложняющихся теоретических и практических заданий. Этот метод, по мнению Л. В. Горяиновой и Я. В. Данилиной, способствует: 1) приобретению коммуникативных навыков и умений – работать в разнообразных группах, исполняя разные социальные роли (лидера, исполнителя и пр.); 2) формированию информационной компетенции (умение ориентироваться в информационном пространстве, получать необходимые сведения, факты, уметь их анализировать с разных точек зрения); 3) формированию когнитивной компетенции, включающей умения самостоятельно приобретать знания и пользоваться ими для решения новых познавательных и практических задач [9].

Разновидностью использования этого метода является создание телекоммуникационных учебных проектов на основе новых информационных технологий, расширяющих возможности организации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов. Для разработки телекоммуникационного учебного проекта требуется более глубокая интеграция знаний, предполагающая использование элементов информационного и сетевого обучения, что способствует развитию у студентов инициативности, креативности, логического мышления, способностей отбирать и использовать информацию, оценивать исследуемые факты и явления, умения сотрудничать.

Привлекательной для студентов является работа с **web-квестом, предполагающая выполнение** специальным образом организованной исследовательской деятельности по самостоятельному поиску информации в сети по указанным адресам, организацию диалога в сети, создание тематических web-страниц и web-квестов. Данный метод способствует лучшему использованию полученной информации для развития критического мышления, анализа, синтеза и оценки информации, для самостоятельной разработки заданий по теме.

Одним из перспективных методов активно-го познания и самопознания при организации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов является метод «Внутренней игры». Использование данного метода позволяет основное внимание направить на самого студента и его индивидуальные способности. При этом преподаватель, непосредственно не принимая участия в игровом действии, является создателем образовательной среды, где проявляются разные способности, желания, потребности и возможности студентов реализовать себя в познании, самостоятельной учебной деятельности. Он должен пробуждать у студентов интерес к игре и овладению соответствующими знаниями и содействовать проявлению различных компетенций студентов (когнитивной, информационной, коммуникативной).

В последнее время для повышения эффективности самостоятельной работы, осознания ее роли в повышении профессиональной компетентности на практике наиболее часто стали использовать метод групповой рефлексии. Его ценность заключается в том, что самостоятельная работа обучающегося подвергается тщательному анализу и оценке, позволяющим каждому участнику объективно оценивать собственную деятельность, определять возможности иных подходов к выполнению определенных заданий и решению поставленных вопросов. Групповая рефлексия влияет на формирование профессиональной самостоятельности человека, основу которой составляют глубокие и прочные знания,

критичность мышления, активность и творческий подход к делу. С этой целью целесообразно предлагать студентам задания познавательного и исследовательского типов, которые могут содействовать нахождению перспективных решений, отходу от привычных стандартных, их научного обоснования с последующей апробацией. Значимой является последовательность предъявления заданий, заключающаяся в постоянном повышении степени самостоятельности студентов при их выполнении. Подобные задания, вызывающие у студентов интеллектуальные затруднения, пробуждают у них познавательный интерес и создают внутренние психологические условия для активного и самостоятельного усвоения новых знаний.

При выборе методов следует уяснить их содержательную направленность и функциональное назначение, определить, какие знания, умения, навыки, потребности, интересы, приемы умственной деятельности и учебной работы необходимо сформировать. Таким образом, оптимизации самостоятельной работы студентов содействуют выделенные нами педагогические условия, которые влияют на эффективность профессионального становления студентов.

Список литературы

1. *Ахметжанова Г. В.* Инновационные формы организации самостоятельной работы студентов. URL: http://www.orenport.ru/docs/281/work_stud/Members/Ahmedganova.htm (дата обращения: 17.04.2013).
2. *Бушуев В. Д., Шелобаев С. И.* Инновационный и интегративный подходы к организации самостоятельной работы студента // *Современные наукоемкие технологии.* 2010. № 8. С. 141–143.
3. *Одинцова В. А.* Формирование познавательной самостоятельности студентов // *Инновации в образовании.* 2009. № 11. С. 98–103.
4. *Ольховая Т. А., Садова В. А.* Познавательная самостоятельность студентов как фактор становления субъектности студентов университета // *Высшее образование сегодня.* 2011. № 1. С. 22–24.
5. *Смолина С. Г.* Самостоятельная работа как средство формирования информационной компетентности студентов университета // *Научные и технические библиотеки.* 2009. № 12. С. 11–16.
6. *Педагогика* / под ред. Г. Нойнера, Ю. К. Бабанского. М., 1984. 368 с.
7. *Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. СПб., 1997. 96 с.
8. *Михайлова Е. И.* Кейс и кейс-метод : общие понятия // *Маркетинг.* 1999. № 1. С. 12–13.
9. *Горайнова Л. В., Данилина Я. В.* Развитие познавательных компетенций студентов в процессе самостоятельной работы с целью формирования специалистов инновационного типа // *Открытое образование.* 2010. № 3. С. 18–25.

Optimization of Students' Independent Work from the Position of Competence – Based Approach

N. V. Teltevskaia

Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Ulitsa Sobornaya, 23/25, 410031 Saratov, Russia
E-mail: Teltevskaia @rambler.ru

The article considers questions of independent work optimization as particular students' learning and cognitive activity organization, stimulating the necessity in self-education, self-studying and continual professional perfection. The effectiveness of students' independent work is connected with the enlargement of the cognitive activity area, the individual's attitude to its substance and aspiration for achieving the stated objectives. The students' independent work optimization contributes to development of self-organization and self-studying skills, working out one's own outlook and activity style. The main conditions of optimization are the variety of types and the choice of innovative forms and methods of independent work.

Key words: optimization, independent work, professional competence, competence-based approach, innovations.

References

1. Akhmetzhanova G. V. *Innovatsionnye formy i metody organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov* (Innovative forms and methods of students' independent work organization), available at: http://www.orenport.ru/docs/281/work_stud/Members/Ahmedganova.htm
2. Bushuev V. D., Shelobaev S. I. *Innovatsionnye i integrativnye podkhody k organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov* (Innovative and integrative approaches to students' independent work organization). *Sovremennyye naukoemkiye tekhnologii* (Modern hightechnologies), 2010, no. 8, pp. 141–143.
3. Odintsova V. A. *Formirovaniye poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov* (Development of cognitive independence of students). *Innovatsii v obrazovanii* (Innovations in education), 2009, no. 11, pp. 98–103.
4. Olkhovaya T. A., Sadova V. A. *Poznavatel'naya samostoyatel'nost studentov kak faktor stanovleniya subyektivnosti studentov universiteta* (Students' cognitive self-dependence as factor of university students' subjectivity formation). *Vysshhee obrazovaniye segodnya* (Higher education today), 2011, no. 1, pp. 22–24.
5. Smolina S. G. *Samostoyatel'naya rabota kak sredstvo formirovaniya informatsionnoy kompetentnosti studentov universiteta* (Self Work as a Tool for Forming the University Students' Information Literacy). *Nauchnyye i tekhnicheskkiye biblioteki* (Scientific and technical libraries), 2009, no. 12, pp. 11–16.
6. *Pedagogika* / pod red. G. Noynera, Yu. K. Babanskogo (Pedagogics / Eds. G. Noyner, Yu. K. Babanskiy). Moscow, 1984. 368 p.
7. Vygotsky L. S. *Imagination and creativity in childhood*. *Journal of Russian and East European Psychology*. 2004, vol. 42, no. 1, January–February, pp. 7–97. (Russ. ed.: Vygotsky L.S. *Voobrazheniye i tvorchestvo v detskom vozraste*. St. Petersburg, 1997. 96 p.).
8. Mikhaylov E. I. *Keys i keys-metod: obshchiye ponyatiya* (Case and case-method: general notions). *Marketing* (Marketing), 1999, no. 1, pp. 12–13.
9. Goryainova L. V., Danilina Ya. V. *Razvitiye poznavatel'nykh kompetentsiy studentov v protsesse samostoyatel'noy raboty s tselyu formirovaniya spetsialistov innovatsionnogo tipa* (Development of cognitive competences of students in process individual work in order to create specialists of innovation type). *Otkrytoye obrazovaniye* (Open education), 2010, no. 3, pp. 18–25.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ» (3 апреля 2013 г.)

The International Scientific Forum «Power in the Society of Risk: Norms, Values, Institutes» (on April 3, 2013)

Вот уже второй год гуманитарные факультеты Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского проводят междисциплинарный научный форум по актуальным проблемам социально-гуманитарного знания. В этом году основным организатором данного научного мероприятия, прошедшего 3 апреля, стал философский факультет. По сравнению с прошлым годом удалось значительно расширить географию выступающих – в число участников, которых было больше 120 человек, вошли российские исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Тольятти, Уфы, Пензы, Казани, а также гости из Украины и Белоруссии, что позволило форуму выйти на новый уровень и получить статус международного.

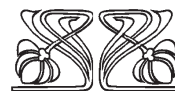
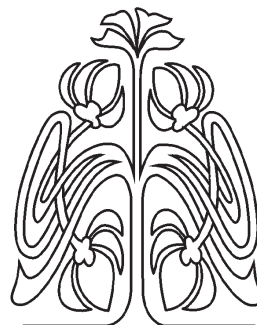
Тематика научного форума в 2013 году была выбрана с учетом приоритетной темы научных исследований СГУ как национального исследовательского университета «Риски социальных систем». Проблема политических рисков, их исторических предпосылок, форм проявлений и способов борьбы с ними – эти темы разрабатываются коллективом кафедры теоретической и социальной философии СГУ под руководством заведующего кафедрой, доктора философских наук Владимира Борисовича Устьянцева уже давно, отражаясь в многочисленных публикациях всероссийского уровня, защитах кандидатских диссертаций и выигранных грантах.

На пленарном заседании прозвучали доклады представителей различных сфер социально-гуманитарного знания, призванные подчеркнуть всеобъемлющий характер рискологической проблематики и ее важность для современного российского общества. Декан факультета психолого-педагогического и специального образования **Раиль Мунирович Шамионов** остановился в своем докладе на социально-психологических характеристиках риска и степени его влияния на поведение индивида и группы. **Владимир Борисович Устьянцев** посвятил свое выступление амбивалентной природе власти в обществе риска. Профессор кафедры конституционного и муниципального права **Мария Александровна Липчанская** обозначила риски и перспективы участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства. Профессор кафедры экономической теории и национальной экономики **Олег Юрьевич Красильников** представил вниманию присутствующих экономический анализ рисков и перспектив развития современной России. Наконец, заведующий кафедрой документоведения и документационного обеспечения управления Саратовского государственного социально-экономического университета **Сергей Евгеньевич Гришин** рассмотрел специфику региональных рисков.

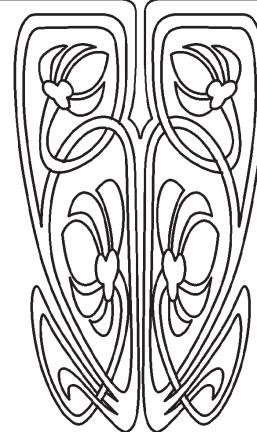
Не менее насыщенными оказались и программы секционных заседаний, которые продолжали свою работу на протяжении всего дня. Работало семь секций: «Риски власти: онтологические основания и формы проявления», «Власть и образы власти в исторической ретроспективе», «Власть слова: дискурсивное оформление политики», «Политико-правовое регулирование институтов власти», «Риски в экономике России», «Репрезентация власти в искусстве», «Психология риска». Председатели и секретари секций однозначно оценили проделанную докладчиками работу как успешную и чрезвычайно плодотворную.

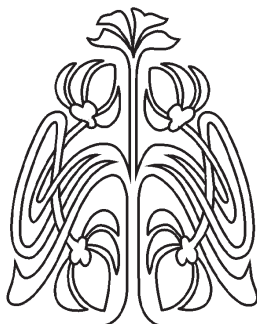
По итогам проведения форума к печати планируется сборник статей, кроме того, в качестве перспектив дальнейшего развития рискологической проблематики в Саратовском государственном университете было выдвинуто предложение о создании междисциплинарного электронного журнала, посвященного социальным рискам.

*Д. А. Аникин,
кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии
философского факультета Саратовского государственного университета*

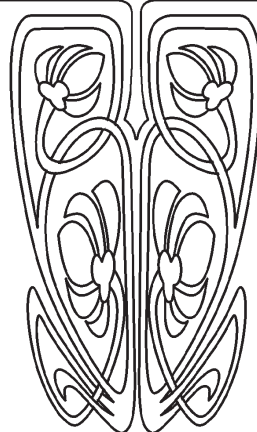

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2014 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».

Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: aporia@inbox.ru